

УРАЛЬСКИЙ №2 (572), 2005
Снеговик
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

ФЕВРАЛЬ:

**ДЕЛА ЗАМОРСКИЕ,
ЛУКОМОРСКИЕ**

**ЛЕГЕНДЫ
УРАЛЬСКИХ
СКАЛ**

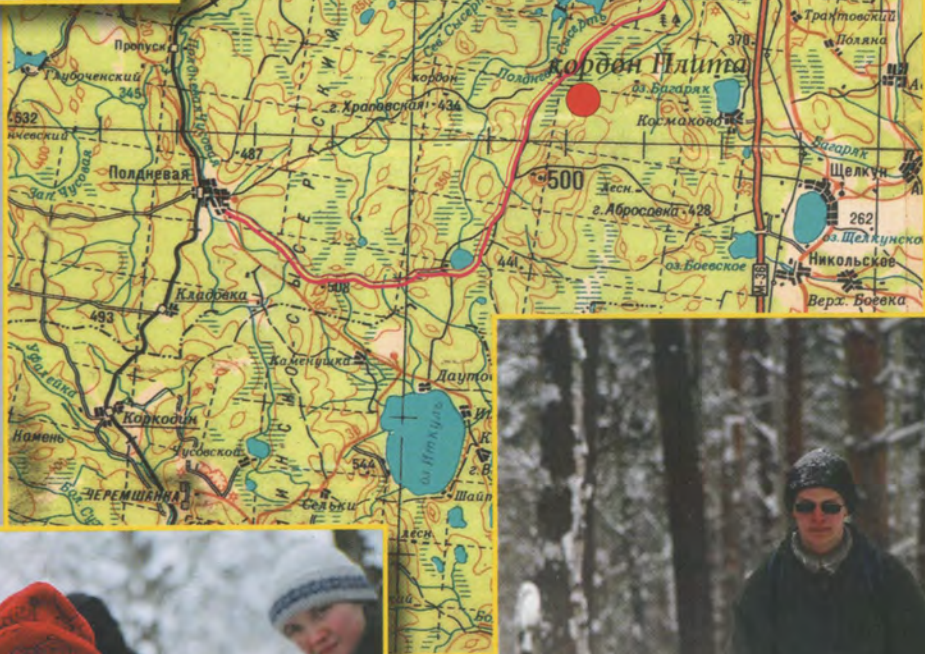
**«ЧЁРТИК»,
СНЕГ,
ВЕЛОСИПЕДЫ...**

ПОРА НА СЕВЕР!

Маршруты Уральского следопыта

В честь похода, от которого ведется летоисчисление турклуба УрГУ каждый год в декабре проводится традиционный зимний марафон по маршруту Верхняя Сысерть – Полудневая. Туристы университета с любовью называют его «Юбилейный».

РЕКА ВРЕМЕНИ

АЗИЛТА

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов
Юний Горбунов,
Александр Челноков,
Андрей Наседкин,
Художественный редактор,
верстка

Юлия Ульянова
Художник

Ирина Овсянникова
фото 1 пол. обложки

Евгений Корбут
Набор

Валентина Кадочникова
Корректор

Юрий Виноградов

Учредитель:

Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»

Издатель:

ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мешавкин
Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко

чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор
заслуженный врач России

издано при поддержке

министерства физкультуры, спорта
и туризма Свердловской области

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.
Рукописи принимаются отпечатанными не
менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28-30
строк на странице. Каждая страница
рукописи должна быть подписана автором.
Обязательно прилагать информацию об
авторе. В первую очередь рассматриваются
рукописи, дополненные электронной
версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел (343) 257-36-62
Подписано к печати 31.01.2005 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.
Отпечатано в типографии
Екатеринбургской Епархии.

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: info@uralstalker.ru

www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 2, 2005
Издается с 1935 г.,
возобновлен в 1958 г.

Версия

Л.БОГОЯВЛЕНСКИЙ Кама - окраина Древней Руси? 2

Поиски и находки

Ю.КЛЮШНИКОВ «Я давно искал случая» 6

Ю.ГОРБУНОВ Писательницы России 9

Юбилей

М.ГОЛДИНА Родыгин: знакомый и не очень 12

Прогулки в прошлое

В.ОСИПОВ Здесь венчался Бажов 15

Тропой поиска

Н.АКИФЬЕВА Павел Берг и сыновья 23

Легенды и были

В.ШАКАЕВ Дети снегов 43

В.СУРЕНКОВ Казенка 78

По белу свету

В.ЛУКЬЯНИН Чудо света в Долине павших 60

Родословная

О.ЛУЗЯНИНОВ Анна всяя Руси 70

Фантастика

Т.АРТЫКОВ, Судьба 7

С.ТАТЕВОСЯН

Современная поэзия Урала

Е.МОЗГУНОВ Стихи 10

Драматургия

Д.БАЛЫКО Ангелика решает продаваться? 26

Современная проза

А.САМОИЛОВА Рассказы 48

Юмор

Е.МОСКВИН Дерево 59

Наш гость

В.МАЗУРОВ Стихи 65

Современная проза Урала

Р.КАРИМ Рассказы 68

Сказка

С.ГРАЧЕВ Дела заморские, лукоморские 73

Проекты «Уральского следопыта»

ФОТОКОНКУРС 18

Советы специалиста

Личное снаряжение туриста-лыжника 20

С места событий

В.КОЧУБЕЕВ Пойдем в «Юбилейный» 51

Уральские тропы

П.РЫКАЛОВ Север зовет 54

Записки очевидца

В.ФАДИН Зимой в поход на велосипеде 56

Заповедные земли Урала

А.ПИЧУГИН Веселые горы 66

Туристские байки

Добрые «Бураны» 80

Эта статья завершает серию очерков уральского краеведа и натуралиста Л.Богоявленского, посвященных бытованию реки Камы и ее притоков: «Село Тарасово на Каме» («УС», 1996, № 3-6), «Ершовская беляна» (2002, № 3), «Двурекий Иж» (2002, № 12), «Многоэтажная Кама» (2004, № 2), «Лога, которым 10000 лет» (2004, № 8).

Кама – окраина Древней Руси?

(Загадки русского заселения Прикамья)

«Народ умирает, если он не знает своего прошлого».

Шарль де Костер
(«Тилья Уленшпигель»).

Кама – это своеобразное зеркало русской истории, покрытое плотным наслоением многовековой пыли. И если осторожно счищать эту пыль, то неожиданно для себя обнаруживаешь удивительные картинки минувших эпох.

В одном из таких отражений – картина русской окраины XII века с благодатными угодьями русь-туземцев за Волгой, в устье Камы, по соседству с Булгарией (Болгарией) Камской, могущественным государством тюрков-булгар, до X века кочевавших в степях Приазовья. Слева по течению Камы, на южном берегу, – Булгария, справа, на северном берегу – русская окраина (окраина).

Каждый, кто хотя бы бегло знакомился с русской историей, прочитав эти строки, усмехнется и скажет: выдумка, миф, не было славян в устье Камы в XII столетии, не было там и окраины русской.

Действительно, по учебнику – не было.

Профессор С.В.Бахрушин, член-корреспондент АН СССР, известный исследователь русской колонизации Урала и Сибири в XVI-XVII вв., так излагает ход событий на Каме с XII по XVI столетия: «Начавшись почти с *незапамятных времен* (выделено автором), русское продвижение на восток шло до XVI века чрезвычайно медленно. Путь на Каму бы закрыт казанскими татарами...

Начиная с XII века, суздальские великие князья тщетно боролись за обладание Камским путем и предпринимали ряд более или менее удачных походов на Каму. Булгарское царство оказалось достаточно сильным, чтобы выдержать натиск...

Когда в середине XIII в. Булгарское царство пало под ударами татарских завоевателей, на его развалинах образовалось сперва княжество, потом ханство Казанское, в руках которого сосредоточивались подступы к Зауральскому пути...

Только после завоевания Казанского царства русские стали твердой ногой на Каме и на ее притоках».

Казань взята русскими полками 2 октября 1552 г. но, как видим, профессор Бахрушин упоминает еще и «незапамятные времена».

В III веке и раньше шло движение славян на север и северо-восток за Карпаты к Висле, Припяти,

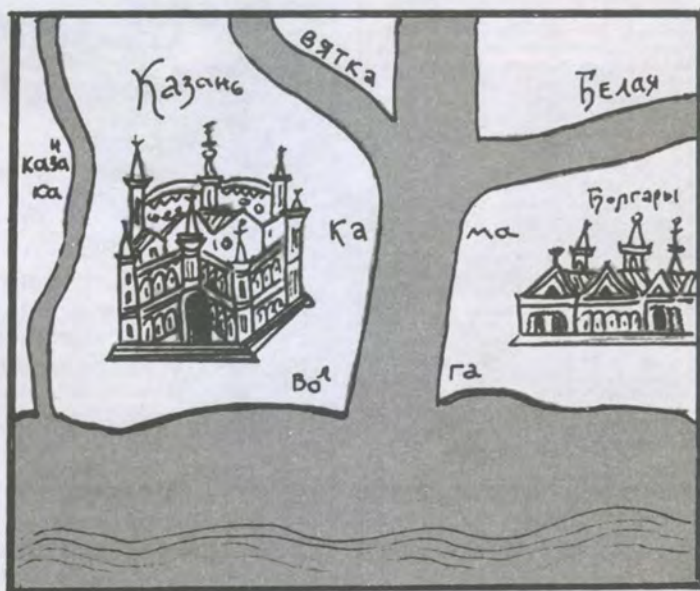

Рисунок Миниатюры из списка «Казанской истории» начала XVII века.

Рукописное собрание Библиотеки Академии наук СССР.

Днепру. В VI-VII вв. восточные славяне, расселяясь по Русской равнине, вышли к Каме. В XII столетии не только княжеские дружины с мечами и стрелами направлялись в Булгарию, чтобы пробиться на Каму и Урал. Туда шли и мирные русские люди – торговцы, кузнецы, ремесленники, искатели приключений, – и селились там, обживали край.

Волны трехязыковых морей: на севере – финно-угорско-самодийского (уральского), на юге – тюркского, на западе – славянского, – сошлись на Каме, столкнулись, ударились пенными гребнями и рассыпались по округе радужными брызгами племенных языков и наречий, легли на землю мозаикой народов. И рядом с русскими Ершовкой и Непряхой стоят ныне башкирский Янаул, татарский Агрыз, удмуртский Люк. Это действительно складывалось с незапамятных времен.

Об украине русской на Каме пишет историк XVI века в большой исторической повести «Сказание вкратце от начала Царства Казанского и о бранех, и о победах великих князей московских со цари казанскими, и о взятии Царства Казани, еже ново бысть». (В научном обиходе это произведение именуется «Историей о Казанском царстве», или «Казанской историей».)

Время не сохранило имя ее сочинителя. Но известно, что это был человек легендарной судьбы, ученый-историк, политик, писатель. В молодости он был пленен, привезен в Казань и подарен хану Сафе Гирею, у которого и пробыл двадцать лет. Но не в кандалах, не в темнице, а на службе при ханском троне, среди ханских вельмож. Так что положение Казанского ханства он познавал изнутри.

Освободившись из плена, пришел в Москву к царю и великому князю Иоанну Васильевичу Грозному. И тот принял его. Более того, крестил в православную веру и подарил надел земли.

С 1552 по 1556 год трудился бывший полонянин над сочинением «Сказания...» А после кончины Ивана IV в 1584 году, будучи уже глубоким старцем переработал его. Вот цитаты из «Сказания...», касающиеся русских на Нижней Каме:

«Бысть убо от начала Руския земли, яко же поведают Русь и варвари (булгары и казанцы. – Л.Б.), всё то Русская земля была едина, идеже ныне стоит град Казань, продолжающа в долину с единого

«Чертово городище» - остатки древнего города волжско-камских болгар X-XI вв. в районе Елабуги.

от Ново града Нижнего на восток, по обою странам великия реки Волги вниз до болгарских (рубежов) и до Камы реки, в ширину на полунощие до Вятския, рече, земля и до Пермския, на полудние до половецких предел, – всё же то держава и область Киевская и Владимирская, по тех же ныне Московская.

Прежние великие князья руские от Рурика обладающе и дани емлюще по Волге и до Хвалынского моря и по Каме».

Кама, по его определению, – граница русских (киевских) земель: «Живяху же за Камою рекою, в гости земля своя, болгарские князи и варвари, владеюще поганым языком черемиским, не знающе Бога и никоего же закона имуще...»

Иван IV, продолжая дело собирания русских земель воедино, начатое его дедом Иваном III, продолженное отцом Василием III, воспринимал земли в устье Камы как русские владения и так писал ногайскому хану Исмаилу: «А ведомо вам и прежним вашим всем, что казанский юрт от начала наш юрт».

В поисках «первого начала Царства Казанского» автор «Сказания...» изучил десятки русских письменных источников, но ни в одном из них, а также и в устных преданиях, не нашел нужных сведений: «И многих речью пытах и от искуснейших людей русских: ин глаголаше тако, ин глаголаше инак, ни един же ведая истины». И тогда он обратился к казанской легенде о болгарском царе Саине (саин – нарицательное имя, означает «сильный». – Л.Б.), которую слышал, живя в Казани, от «премудрейших и честнейших казанцев», и соединил в ней миф с реальностью, сказав в ней об украине русской:

«Бысть же на Каме на реке старый град именован Брягов (Брегов, Булгар – столица Булгарии.– Л.Б.) оттуду же прииде царь, именован Саин Болгарский. И поискав по местом проходя в лета 6685 (1177 г. от Р.Х.-Л.Б.) и обрете место на Волге, на самой *Украине русской* (везде разрядка автора), на сей стране Камы реки, концем прилежаху к Болгарской земли, другим же концем к Вятке и к Перме. Место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и всяцами земными семяны родимо, и овощи преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодыя много, яко не мощно обрести другого такова места во всей русской нашей земли нигдеже таковому подобно месту красотою и крепостию и угодием человеческим, не вем же, аще есть будет в чужих землях...

Земля плодородна, и семенита, и именита, и медом кипяща, и млеком...»

Изумительно красиво написано. Так любить и возделывать землю мог лишь Микула Селянинович, человек оседлый, земледelec. Кочевнику, жизнь которого проходит в седле, такое не под силу и не по натуре.

Читаем дальше: «Царь возгради на месте том Казань...

И бысть Казань стольный град вместо Брягова...

И воцарися во граде скверный царь, нечестия своего великим гневом наполнився, и распалашеся яко огонь, во ярости на крестьяны (на христиан.-Л.Б.), и разгарашеся яко огонь, пламенными усты устрашая, и похищая, и поглощая яко овца, смиренные люди *русския* в прележащих всех близ живущая около Казани, изгна от нея *русь – тоземца*, и три лета землю ту пусту положи. И наведе из-за Камы реки язык лют и поган, болгарскую чернь со князи их и со старейшинами и много ему сущу иubo подобну суровством и обычаем злым, песьим главам, самоедом. Наполни такими людьми землю ту, тое же глаголют ростовскую чернь, забежавши та от крещения русаго в болгарских жилищах...»^{*}

По том же царе Саине мнози цари, кровопивцы, руския люди губили...

И много лет преидоша, до 300 лет, превого начала Казани от Саина царя...

И стоит издавна на Руской земли есть ново царство Казань, по рускому же языку котел, златое дно, и велика скорбь и беда прделом руским от него...

И всем тогда беда и тоска велика в украине живущим от варвар тех, у всех руских людей от очию слезы текут, аки реки; крыющесе в пустынях леса, в горах, в теснотах горких живяху с женами и з детьми, от поганных варвар тех, покидающе род и племя отечества своя, бежих во глубину Русь».

Такую вот печальную картину украину русской на Каме нарисовал историк XVI века в своем «Сказании...»

«Казанскую историю» первым начал изучать В.Н.Татищев, которому она послужила источником для его «Истории Российской с самых древнейших времен». Наравне с храмом Василия Блаженного в Москве и живописной картиной-иконой «Церковь воинствующая», произведение безымянного автора признано великим памятником искусства XVI века, посвященным победе русских воинов под Казанью. Оно достойно уважения и доверия, а также рассмотрения взглядом человека XXI века.

А теперь назову несколько малоизвестных свидетелей пребывания русских людей на Каме с самых древнейших времен, не увязывая их напрямую с «Казанской историей».

На стоянках древних людей по берегам Средней Камы археологи обнаружили обломки керамики с так называемым накольчатый орнаментом. Культура накольчатого орнамента принадлежит земледельческим племенам индоевропейцев-

Башня Сююм-биге (Сумбеки) в Казани, последней царицы болгарского царства.

^{*}) В.А.Ключевский пишет: «часть языческого, очевидно, мерянского населения Ростовской земли, убягая от русского крещения, выселилась в пределы Болгарского царства».

Одежда великого князя Святослава. X в.
Литография 1877г.

Одежда и вооружение простого
русского воина. X в. Литография 1877г.

праславян. Эти племена и расселились на Каме еще до нашей эры.

Быть может, именно эти и следующие за ними другие земледельческие племена индоевропейцев на Каме новгородцы XI-XII вв. именовали чудью и сложили о них легенды (некоторые из них записаны в Сарапуле). Там же записаны легенда о трех братьях и сестре-лебеди на Белой, подобная легенда из «Повести временных лет» о Кие, Щеке, Хориве и их сестре Лыбеди на Днестре. Можно предположить, что эту легенду принесли на Каму славяне из Киевской Руси, которая вела активную торговлю с Булгарией Камской, в том числе и русской «челядь», т. е. рабами.

На диалектологической карте восточно-славянских языков в Европе, составленной до революции, владимирско-поволжская славянская языковая группа вклинивается неширокой полоской в тюркское языковое море Казани, что также говорит о древнем присутствии там русских людей.

Не случаен в «Сказании...» год 6685 (1177-й). Тогда жители Великого Новгорода переселялись на Чепцу, Вятку и Каму. Возделывали землю, занимались бортничеством, звероганством, лыкодерством, сбором хмеля. С того времени пошло выражение: «Вятка – хлебу matka» и пошла слава о вятском меде, бытовавшая вплоть до XX века.

В Елабуге жила такая легенда. Царь Иван IV прислал елабужцам древнюю икону греческого писа-

ния в благодарность за спасение его во время плавания по бурным волнам Камы. Отсюда следует, что русские на месте Елабуга жили и до 1552 года. Сражением за Казань воеводил сам 22-летний царь. Для осады Казани из Вятки и Перми пришли ратоборные ладьи с воинами. Но плавал ли царь на этих ладьях? По всей видимости, у легенды была какая-то реальная основа.

На территории бывшего Булгара (Болгара) археологи обнаружили древнерусский поселок ремесленников; в бывшей крепости Биляра, второй столицы Булгарии, – жилища русских мастеров-янтарщиков. На территории современной Казани найдена древнерусская посуда, в других местах – киевская булава, новгородские и черниговские монеты, гребень с княжеским знаком Рюриковичей... Все это подтверждает давнее присутствие русских людей на Каме.

Термин же «украина» прочно вошел в обиход на Каме в XVI веке. Говорили: восточная украина, пермская украина, приуральская украина. Строганов писал в Москву: «А те-деи слободки стоят на украине, а вогуличи живут близко их слобод».

В заключение скажу, что нашей семье посчастливилось пройти путь далеких предков: из степной полосы воронежского края, которую И.С.Тургенев называл «нашей великорусской Украиной», в 30-е гг. мы переселились в «украину русскую» на Каме, в Сарапул, русский город с нерусским именем...

«Я давно искал случая»

Неизвестное письмо Герцена,
восстановленное в мемуарах туринского политссыльного

«Мы слушали с захватывающим интересом мемуары ссыльного русского защитника Парижской коммуны Николая Александровича Шевелева о встречах с великим русским мыслителем, писателем и революционером Александром Ивановичем Герценом», – вспоминали туринские политпоселенцы, «народники» А.Ивановская, М.Тимофеев, М.Туманов. Когда разговор заходил о создателе «Колокола» и «Полярной звезды», рассказчик преобразался.

Было это в 1881 году в полутемной маленькой комнатке вросшего в землю флигелька на одной из глухих улиц Туринска. Повествователем был хворый бородач в возрасте за пятьдесят, в черной ермолке и синих очках из-за плохого зрения, с парализованной правой ногой, страдавший к тому же от мучительных болей после головного ранения во время крымской войны. Но, говоря о Герцене, он словно бы выпрямлялся, делался на целую голову выше. Голос становился звучным и сильным. Речь поражала начитанностью, знакомством с литературой и историей России и Запада.

«Видно было, что он много читал и видел: объездил всю Европу и владел чуть ли не всеми европейскими языками», – отмечали туринские политссыльные. Как живой, вставал перед их глазами из уст Шевелева неистовый «Искандер» (псевдоним Герцена) в любимой своей позе – руки в карманах, голова откинута назад, что подчеркивало в нем непокорность, задиристость в неожиданном сочетании с открытым, общительным нравом.

Туринские мемуары опального коммунара зафиксировали и некоторые подробности знакомства Шевелева с Герценом в эмиграции в январе 1868 г. В них сказано и об издании в Женеве в герценовской вольной русской типографии книги будущего коммунара «Вероисповедание духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами» – о высланных из России сектантах, противниках реакционных догматов церковного православия. Книга эта закреп-

пила за автором псевдонимы «Молокан», «Молоканин». В той же вольной типографии издан и другой труд Шевелева, бывшего тогда севастопольским прапорщиком Александропольского егерского пехотного полка. Он был написан совместно с Львом Ильичем Мечниковым, братом выдающегося зоолога И.И.Мечникова, географом, публицистом, гарибальдийцем и назывался «Землеописание для народа», содержал «дерзкое порицание» российского самодержавия.

Бережно хранил бывший защитник Севастополя письмо Герцена из Ниццы от 6 декабря (24 ноября) 1869 года (публикуется впервые): «Любезный Николай Александрович. Не знаю, право, как просить Вас о снисхождении. Ряд размовок должен был привести к охлаждению. Я действительно свободно вздохнул, узнав, что вы человек, которого можно уважать. Ваших обидчиков думаю выставить к позорному столбу во всей наготы, во всем холуйстве и наглости, в невежестве и трусости, в воровстве и доношничестве. Я давно искал приятного случая выразить Вам глубокое

уважение, которое внушили мне ваши статьи о России. Изложение ясно и дельно. Прошу принять уверение в моем совершенном почтении. А.Герцен». К сожалению, письмо после ареста Шевелева за участие в Парижской Коммуне попало к жандармам III отделения. В туринских мемуарах Шевелев восстановил его текст по памяти.

Большое впечатление на слушателей, по их признанию, произвела история, предшествовавшая этому письму. Заграничные агенты царской охраны пустили слух, будто Шевелев – шпион III-го отделения. Между Герценом и Огаревым началась переписка, неслестная для Шевелева, пока провокатор сам себя не выдал. И тогда Герцен признал свою ошибку.

Выслушав «историю», туринские политпоселенцы по достоинству оценили прямоту и искренность «Искандера», способного не только замечать чужие промахи, но и отвечать за свои.

А.Герцен.
Фотография с дагерротипа.
Париж, 1847.

Судьба

– Когда мне плохо, я читаю, – сказал он, открывая дверь в библиотеку.

Ожидая увидеть близкую стену, я оторопел. Вдаль на несколько десятков метров шли стеллажи книг, выставляя корешки напоказ.

Мы вошли.

– Какая большая библиотека! Сколько книг! – сказал я.

– Это не книги, это лекарство.

– Как это?

Мы прошли к ближайшему стеллажу.

– Смотрите, вот средство от боли, на второй полке – от скуки. Дальше, через пролет – от дури, помешательства, от любви, от горя.

Собеседник был среднего роста, с морщинистым лицом и глазами много повидавшего в жизни. Одежда его находилась в последней стадии запущенности. Старомодный засаленный пиджак, измятые брюки и туфли, давно не получавшие порцию спасительной ваксы, – все говорило об абсолютном равнодушии библиотекаря к собственному внешнему виду. Черные кожаные перчатки, надетые в помещении, венчали всю нелепость облика носившего их человека.

Я рассматривал надписи на корешках, библиотекарь рассказывал. Так мы подошли к последнему стеллажу.

– А что здесь? – спросил я, оглядывая небольшую подборку старых изданий.

– От судьбы, – ответил он. Вдохнул, пощурился и предложил: – Хотите, расскажу историю?

– Хочу, – ответил я, и он начал рассказ от первого лица.

Я шел по переходу метро. Настроение было мерз-

кое и даже мерзопакостнейшее. Надо было срочно что-то делать для поднятия духа, как-нибудь развеяться. Магазины, билетная касса, газеты, журналы. Рядом с многообразием печатных изданий стоял интеллигентного вида человек. Около него помещался стол, похожий на мольберт, с большой нарисованной ладонью и какими-то прозрачными линейками...

«Гадание по руке», – прочел я. «Прошлое, настоящее, будущее». Какой нормальный человек в здравом рассудке на такое пойдет? Но рассудок мой был не здрав, настроение – паршивое, кипящий разум требовал действий. Каковые и случились.

– Здравствуйте. Как у вас можно погадать?

– Давайте левую руку.

Я отдал ладонь, которую тут же положили на стол, зажали прозрачными пластмассовыми инструментами и начали высчитывать, проверять.

– Ну, о прошлом. В двадцать четыре года вы испытали сильную любовь. Ничего знакомого больше сказать не могу. Нормальная судьба – школа, образование, скорее техническое. Ваши увлечения отличны от основной работы. Скорее всего, литература или музыка. Это уже о настоящем. Ваша работа связана с банками, получаете довольно высокую зарплату. У вас будет много недвижимости. Может, несколько квартир. К тридцати пяти годам. Да, прогноз дает точность 1-2 года, поэтому корректируйте, если нужно. В двадцать девять вы встретите женщину, с которой будете семь лет. Она будет высокого роста, ну, нормально, и у нее будут длинные волосы. В тридцать три – тридцать четыре встретите новую большую любовь. Примерно в это же время вас ждет успех в вашем хобби, которое, кроме работы...

Я стоял и не верил своим ушам. Интеллигент-хи-

романт выворачивал меня наизнанку. Он знал обо мне такие вещи, что ни на лице не написаны, ни в паспорт не внесены. Спец водил линейкой с нанесенными знаками по ладони, измеряя расстояние между линиями и рисунками, и выдавал тайны моей жизни обычным голосом. Он и впрямь читал с руки. Настоящее – ладно, можно оценить по внешнему виду, а прошлое – уж нет. Он бил в точку. Мало ли у кого была большая любовь. Но в двадцать четыре года. Точный возраст. И еще несколько прямых точек попадания.

Я поблагодарил хироманта, заплатил пятьдесят требуемых рублей и пошел в метро. До ключевой точки с длинноволосой женщиной было еще три года.

Через год я встретил женщину с похожими чертами и, уверившись, в семилетие безоблачного существования, начал неспешно развивать роман. Много чего было – хорошего, не очень, гадкого, противного, необычного. Жизнь развивала способности общения, прощения, понимания. Через год я понял, что семь лет, наверное, выдержу, но ничего особенного в них не будет. Слишком уж давили ее характерные черты, выжимая меня из состояния комфорта. Второй год прошел под знаком «а вот и не подеретесь», на излете которого уже было все понятно. В начале третьего мы разошлись. Обманул мужик, подумал я. Или не она, прикинул я краем сознания.

Встретив Ее, Аню, я совершенно забыл про предсказание (или предначертание). И только потом, когда понял, что люблю, когда стал анализировать, как встретились, кто я, кто она, вспомнил про интеллигентного хироманта. К слову сказать, хотел кое-что у него уточнить, но он, стоявший в упомянтом переходе несколько лет, исчез куда-то без опознавательных знаков. Все сходилось. Мы пробыли вместе семь лет. Женились, у нас родились дети – эти годы были самыми яркими в моей жизни. К концу седьмого года отношения зашли в тупик. Я запаниковал и принялся со скоростью борзой разыскивать хироманта. Легко сказать. Из примет – стоял в переходе метро, носил очки в круглой оправе. Обратился к объявлениям, Интернету, знакомым. Облазив пол-Москвы по нудным хироманческим конторам, нашел.

– Здравствуйте.

Предсказатель с тех пор не особенно изменился. Разве что растерял волосы.

– Здравствуйте. Вы мне гадали десять лет назад по руке.

– Простите, я не гадаю. Я читаю информацию и интерпретирую ее.

– Да. Я... мне нужно, чтобы вы прочли еще раз, что сейчас со мной происходит.

– Давайте руку.

Как и в прошлый раз, инструментами были прозрачные линейки с хитрыми нарисованными линиями.

– Ну что, у вас заканчивается одна стадия отношений с женщинами и начинается другая.

– Знаете, очень похоже. Это значит, мы разойдемся?

– Вероятнее всего.

– А можно сделать так, чтобы не разошлись?

– А как вы это себе представляете?

– Ну, скорректируйте линии.

– Чем?

– Не знаю, чем. Ну, хирург у вас есть?

– Вообще, есть. Соседняя дверь. Только он другими вопросами занимается.

– Пойдем к нему! – я потащил хироманта к двери.

– Да вы куда? Очнитесь! Это же не то! Судьбу надо делать, а не вырезать скальпелем!

– Вот вы и сделаете. Вы скажете, он вырежет что надо. Цель ясна?

– Да уж куда ясней. Но толку-то?

– Вы другое предложить можете?

– Не могу. Но это не значит...

– Тогда пойдемте.

И мы пошли.

Хирург сделал несколько разрезов под местным наркозом и стал колдовать, направляемый хиромантом. Два часа работы дали некий результат. Руку забинтовали и отправили меня домой. Тут-то все и началось.

Видимо, надрезы делались уже в критический переломный момент. Силы судьбы пришли в движение, колесо скрипнуло и завращалось. Люди покорно потащились за ним.

Конфликт вдруг резко исчез, словно его и не было. Счастье продолжилось, я специально за этим следил. А через две недели позвонил Петр Петрович, наш старый знакомый, и сказал, что у него проблемы.

Грузовик, в который собирали урожай с поля, сломался, и ему требуется новый. И мне требуется зайти на автобазу к знакомой диспетчерше и отрядить в совхоз другой. Петр Петрович – человек хороший, помочь ему нужно. Подумав, мы с женой взяли обоих детей подмышку и, устроившись в кузове, доехали до совхоза за три часа. Петрович обрадовался, разместил нас в своем большом доме и велел отдыхать. Мы с женой провели прекрасные выходные, дети носились вокруг, светило солнце. В общем, все было прекрасно. В воскресенье вечером мы поехали домой.

Дети жили в совхозе, радуя нас голосами в трубке во время ежевечернего отчета Петра Петровича об их поведении. В основном за ними смотрела его жена – Клавдия Дмитриевна, а он собирал слова в пучок и выдавал сухой остаток.

Через три недели мы снова поехали в совхоз – провести выходные и забрать детей у гостеприимных хозяев. Суббота прошла замечательно. Мы вчетвером сходили на пруд, искупались, набарахтавшись вдоволь в теплой воде. А вечером сели за большой стол вместе с Петром Петровичем и его женой и после ужина играли в карты.

В воскресенье утром мы сходили на рыбалку, а после обеда засобирались. Детей решили везти в город на грузовике – сидеть высоко, интересно. А мы с женой поехали следом на легковушке хозяина – ему надо было в город.

В двадцати километрах от города наш экипаж вдруг закипел, и пришлось потратить время, чтобы починиться.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
РОССИИ(Материалы для
био-библиографического словаря)

А

А – НОВСКАЯ М., поэтесса.Печатала стихи в екатеринб. газ. «Урал» (1901).
Голдин.**А – ТОВА А., поэтесса.**

В «Студенческом сборнике», издании студ. журнала «Вешние воды» (Пг., 1915), напечатаны несколько стихов за подписью А-това, А.: «Альберту – королю бельгийцев», «Тайна земли» и «Весь ужас в том, что жизнь неповторима...».

Голубева.

А – Я К.

Авт. идиллии «Утренняя прогулка» в журн. «Приятное и полезное препровожд. времени» (1795. Ч.7. С.86).

Слов. рус. писательниц.

А – Я Н.Авт. «Нечто об истории» \ \ Муза. 1796. Ч.1. С.138.
Слов. рус. писательниц.**АБАЗА**

Под крипт. И.П.А. (т.е. игуменя Парфения, урожд. Абаза) издала в Киеве сборник «Стихотворения» (1875).

Слов. рус. писательниц; Масанов.

АБАЗА Юлия Федоровна (урожд. Штуббе; 1830 – 1915), писательница, авт. воспоминаний.

Певича; жена министра финансов А.А.Абазы. Была дир. «приюта для арестантских детей», хозяйкой музыкального салона, где сост. концертное исполнение «Евгения Онегина». В 1870-80-х гг. на ее вечерах часто бывал Ф.М.Достоевский, а также П.И.Чайковский, А.Г.Рубинштейн и др. композиторы и музыканты. Известно письмо Достоевского к А. по поводу ее повести. Ей посвятил свои стихи Ф.И.Тютчев. В кратком отрывке «Из воспоминаний» («Рус. старина». 1909. Т.140. № 11. С. 332-334) А. рассказала, как вместе с А.Г.Рубинштейном участвовала в создании Русского муз. об-ва. Из примеч. к публ. видно, что отрывок заимств. из обширных воспоминаний.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 3. № 6394; «Русский романс». М., 1987. С.589; Белов С.В.

АБАКОВСКАЯ Л., переводчица, журналистка.

Сотр. в газ. «Новое время» (1906) – крипт. Л.А. Пер. с польск. под псевд. Аб-ская, Л. («Нов. время» 1906. № 11005).

Масанов.

АБАМЕЛЕК А.Д.

(См. Баратынская А.Д.)

(Начало в № 1, 2005. Продолжение на стр. 42)

На въезде в город образовалась пробка. Народ объезжал препятствие со скоростью пешего строя. Скоро очередь дошла до нас.

Поперек дороги лежал на боку знакомый грузовик. Осколки выбитых стекол блестили на асфальте, перед был серьезно помят. Рядом мигал здоровенный десятитонный самосвал. Я, не чувствуя ничего, открыл дверцу и рванул к грузовику. Заглянул в кабину. Дети лежали, прижавшись друг к другу, в компании с игрушкой – меховым медведем. Их глаза не мигая смотрели в небо.

Дальше ничего не помню. Какие-то милицейские машины, свидетели, протокол осмотра происшествия, сутолока вокруг.

Когда прошел шок и пришло осознание, я не знал, что делать. Никто не знал. Состояние оцепенения – вот и вся реакция.

Не понимая, что делаю, я побежал к хироманту. У него сидел посетитель – женщина, которой мой знакомый колдун что-то доказывал. Я сел на ее место через несколько минут. Рассказал, как мог, историю. Спросил, что можно сделать.

– Ничего.

– В прошлый раз тоже было ничего, а вышло как раз наоборот.

– Что вы хотите?

– Выправить как было раньше!

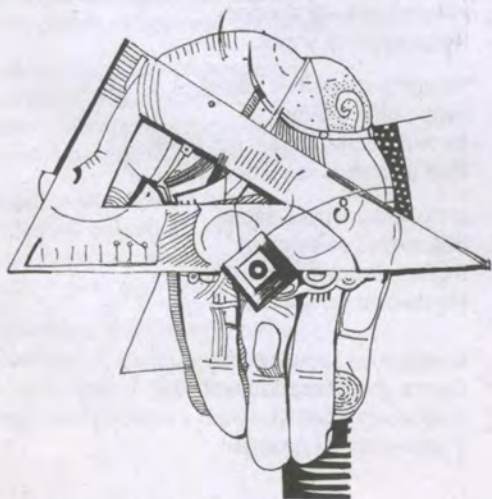
– Можно и так, а толку?

– Попробуйте. У нас больше ничего нет.

– Хорошо. Идите к хирургу, я сейчас подойду.

Изменений в моей судьбе долго ждать не пришлось. Сразу же после операции и ваяний с моими ладонями злополучного мага зазвонил сотовый. Я, как мог, взяв забинтованными руками трубку – это был Петр Петрович...

– Здравствуй, Вань...Тут такое...Я...мне помощь нужна...моя жена...Аня...и дети...В общем, автокатастрофа – их больше нет...

Дежа вю

Неуловимое мгновенье
Перетекает в странный сон.
Едва заметное движение
Толкает мир на скользкий склон.

За предрешенностью момента
И за ухмылкою богов
Вдруг время – Мобиуса лента –
Мозг замыкает в сталь оков.

Всезнанья власть сладка, как мука, –
Предотвратить неверный миг,
Но всеспасительная скука
Заглушит хрипло-резкий крик.

Резных ресниц сомкнув в объятья,
Поддавшись плену странных чар,
Произнесешь слова заклатья,
Почувствовав привычный жар.

Но трепет таинства неверный
Уйдет, как пламя, в тлен и прах,
И только вздох неровный, нервный
Вновь выдаст боль, надежду, страх.

Боль расставанья с неизвестным,
Надежду в продолженье встреч,
Страх – перед старым миром тесным,
Который обнаружил течь...

Весна

Огромным залом ожиданья
На время станет город мой:
И в нетерпении слышат зданья,
Чтоб был отложен рейс с весной.

Поникли плечи из бетона:
Вновь пить белесый чай ночей,
Вплоть до будильничьего звона
Не видеть снов и ждать грачей.

Осколкам льда в стеклянных лужах
Не доверяют небеса.
А воробьям, промерзшим в стужах,
Все не даются голоса.

Но все ж трамваев перезвоны
Журчат в высотных берегах.
Сосулек ветхие короны
Наводят на прохожих страх.

Уже недолго любоваться
Бесстыжей наготой ветвей...
С ума сходить, любить, смеяться
Уже готовы все... Скорей!

Поэт

Пусть говорят: «Надуманно и вяло»,
И улыбаются: «Ведь он совсем дитя!»
Мне в сотый раз толпа твердить устала,
Что невозможно жить, не посвятя.

Всего себя служеньям благородным,
Что выбор есть ответственность в пути,
А строкам буйным, нечистопородным,
Как сорнякам, не след средь роз расти.

Но прорастают, черт возьми, из сора!
Но бритвой ритма вскользь по строкам жил,
Пускай весь сор не стоит сыра-бора,
А я так мало видел, чуял, жил.

Мне не объять Вселенной без остатка
И не предвидеть странно-страшных лет,
Но верх берет нелепая повадка -
Опять брать слово, словно я поэт.

Снежинка

Из безмолвной пустоты
Упаду в твою ладонь.
Иглы вечной мерзлоты
Обожжет зрачков огонь.

Совершенство мертвых лет,
Плача, станет оживать.
Муки сладостнее нет
Самого себя ломать.

Подчинясь теплу руки,
Позабуду стыд и страх.
Нежность выпустит ростки
На доверчивых губах.

Время, точно верный пес,
Чутко дремлет возле ног.
На незаданный вопрос
Не рождается упрек.

Четкость граней не храня,
Буду таять и уйду.
Взгляд поднимешь – нет меня.
Имя шепчешь как в бреду.

И пускай разлука-зверь,
Воя, глотку небу рвет!
В список горестных потерь
Не заносят талый лед.

И надежды звонкий ключ
Бьется среди хлама дней.
В небе нет тяжелых туч.
У весны проси дождей!

Закатные стансы

*Посвящается Ольге Б.
и всем любителям апрельских закатов.*

Закатной рудой наполнились наши глаза,
И чайчи крылья окрасились солнечной кровью,
И высохла в миг не рожденная всуе слеза
Увидев, что мир переполнен весенней любовью.

И чистая музыка жизни проникла в сердца,
Их ровные ритмы заставила биться сильнее,
И радость звенящая: «счастью не будет конца»
В щемящую грусть преломляется: «будет больнее».

И вечер весенний, как жизни прощальный поклон,
Пронзил наши души предчувствием скорой разлуки,
И рухнул для тайн и признаний последний заслон,
В немыслимом танце сплетая и губы, и руки.

Но тени растаяли, нас оставляя взамен,
Закутанных милостью ночи в ее черный саван,
Но короток был бледных призраков сладостный плен,
И солнце спешило в рассвета жемчужную гавань.

А в миг, когда щеки твои вдруг зарделись огнем,
Ты сонной улыбкой отрезала путь к отступленью:
Я понял, что день не подарит нам счастья вдвоем,
И встал на дорогу к закату, мощенную тенью.

Без...

Посвящается Юлии А.

Утомительно редкие встречи,
Безучастно пусты разговоры.
Сомневаюсь, что время нас лечит,
Лишь меняет в картине узоры.

Радость самых беспечных оттенков
Покрывается пеплом разлуки.
В тесноте бесконечных застенков
У души опускаются руки.

Мир закован в стекло фотографий,
Спутан намертво строк паутиной.
В неизбывной цепи эпитафий
Бьется разум за хрупкой плотиной.

Непомерной уступкой живущим
Продлевается жалкая пьеса.
С фанатичным упорством, присущим
Насмерть раненым, служит месса.

Прорастая могильные плиты,
Расплавляя свинец до лазури,
На соседних распятыях прибиты
Предпочтение выстоять в буре.

Перебитыми крыльями сложно
Оторваться от жадной трясины.
Впредь придется любить осторожно,
Наобум не бросаясь в глубины.

Подвергать всесторонней проверке
Подозрительность яркого взгляда,
Покупать боль и радость по мерке,
Опасаясь локального яда.

Наважденье развеется скоро -
После первого звонкого смеха.
Слившись с пением чистого хора,
Ветром в тучах открыта прореха.

Сорная трава

Заплутали в паутине
Липко-солнечного дня,
Но из трещины в витрине
Разлетелась западня,

Хрусталем из поднебесья
Разбивая туч сервиз,
Чтоб под зонтик твой залез я,
Получать желанный приз.

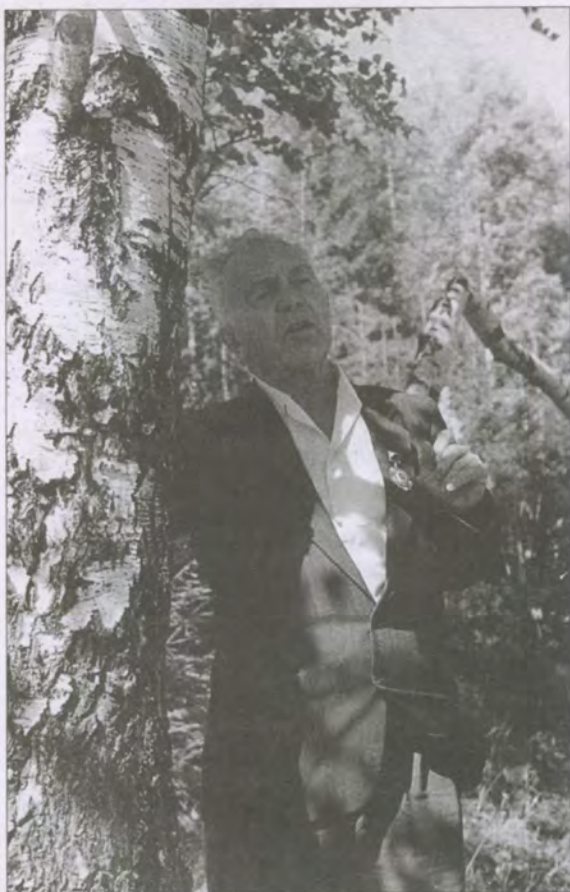
Не спеша, не отставая,
Мимо денег, слов, секунд,
Плыли в тишине трамвая,
Всем являя явный бунт.

Выходили мимо кассы,
На газонах, где нельзя,
Пиво пили из пластмассы,
Проходящим вслед скользят

Белозубыми лучами,
Одуванчики меж трав,
Жадно-жаркими ветрами
Унесенные стремглав.

Не мечтали осторожно,
Только верили в себя.
Легко-ласковое «можно»,
Вновь отлитое в любя

Вытканное платье лета
Звонкими лучами спиц,
Растворилось в море света,
Стлело августом зарниц.

Родыгин: знакомый и не очень

Евгений Павлович Родыгин, композитор, народный артист России, почетный гражданин Свердловской области и Екатеринбурга, еще и просто человек со своими достоинствами и странностями. Он талантлив в музыке и обыденной жизни. Его находчивость и юмор общеизвестны. Наблюдать за композитором во время его выступлений и встреч – дело непростое, но интересное. Некоторые из таких встреч и наблюдений – перед вами. Как говорил Гоголь, «полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит».

Нынче Евгению Павловичу 80 лет. И он, как всегда, в пути.

Редакция от души поздравляет юбиляра.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

У Евгения Павловича есть святые минуты, когда он не отвечает на телефонные звонки, не разговаривает ни с кем и ни о чем. В эти минуты он слушает и смотрит «последние известия».

Он в курсе всех событий, происходящих у нас в стране и за ее пределами.

Годами сложившийся интерес к новостям позволяет ему анализировать процессы, происходящие в мире и в России.

И не просто сидит у телевизора в удобном кресле.

Прослушав, осознав и обговорив с кем-то ту или иную политическую ситуацию, событие, Родыгин старается по время встреч с людьми «примерить» ее в аудитории.

Как бы невзначай говорит:

– Власть надо любить, ей надо подчиняться. Вот мне недавно тут один сказал: «Да не пойду я на выборы, что мне толку от того, кого из них выберут». «Ну и не ходи, – сказал я ему. Вот твой дом загорит, кто будет тебе помогать тушить? Правильно, пожарники. А они что, с небес свалились, что ли?» Да вообще-то нам все плохие: Сталин – диктатор, Хрущев – кукурузовод, Брежнев – нефть продавал, поэтому и колбаса была по два двадцать и два девяносто. Андропов – не разрешал в банях в рабочее время мыться. Черненко быстро умер – больной был, но тоже не нравился. Горбачева все за борьбу с алкоголем ругали, бутылку без талонов купить нельзя было. Ельцину, как земляку, больше всех достается. Правда, иногда и поделом. Путин тоже не нравится: фэ-эсбешник, молодой больно, опять же на лыжах горных катается. Другого поставь – и этот будет нехорош».

– Так что делать-то, – иногда кричат из зала.

– Что делать? Знаю, но не скажу...

А потом, через небольшую паузу, добавляет:

– Свое каждому дело делать. Хорошо! Я вот последние известия слушаю и начинаю музыку писать. Пишу хорошую. Недавно сорок песен лучших отобрал, остальные – выбросил. Потому что делать надо было сразу хорошо!

ПРОРУБЬ

В прорубь его затянула быстро бегущая жизнь и желание подольше оставаться молодым. Сначала Родыгин в ванной экспериментировал: то холодную, то горячую на себя струю направит.

Но ванна есть ванна. Не больно-то разгуляешься. Он использовал малейшую возможность нырнуть в воду. Выходил и заходил в холодную воду всегда с настроением, без дрожи в теле.

При людях только одно неудобство было – за кустики уходил плавать отжимать.

Вода так манила к себе, что он стал купаться до поздней осени. Зачастил на Шарташ, облюбывал песчаный берег, где вода почище.

Добирался до озера на машине: быстрее и сподручнее в тепле ехать после купания.

Обедал потом с большим аппетитом, пропускал иногда «50 грамм», которые ему «знакомый доктор прописал».

Первое же купание в проруби запомнилось. Возни с одеждой много. Стал раздеваться в машине. Го-

лышом прыгал со ступенек, выходил не сразу, барахтался в воде почти минуту. Обжигало как спиртом, от головы шел пар, зато потом по всему телу разливалась такая благодать и истоста.

Болезни отступили, голова стала думать яснее, мысли о смерти больше не посещали.

Была, правда, одна заноза. Одному-то купаться опасно. Вода есть вода – всякое может случиться. Нашлась компаньонка, потом что-то закашляла сильно. Хотели еще составить компанию любители зимнего плавания, но все «безлошадные».

Евгений Павлович был бы и не против компании. Да ведь потом возить, развозить надо. А бензин-то все дороже и дороже...

Отказывать совсем людям он не хотел, не любил портить отношения. Поэтому на очередной вопрос: «Евгений Павлович, когда поедем купаться в вашу прорубь?» – ответил очень просто:

– У вас есть ручка и бумага?

Ему дали необходимое, он начал описывать дорогу от автобуса 61 или с трамвая 15 до места купания. Начертил прямые, а потом красиво нарисовал два почти одинаковых овала и очень загадочно сказал:

– А вот это проруби, они совсем рядом находятся.купаются там в чем мама родила, иногда бывает очередь, но быстро проходит. В ледяной-то воде долго не накупаешься.

И довольный, что не отказал людям, – все объяснил – отдал ручку и бумагу со словами:

– Тороплюсь очень, надо до купания еще в Союз композиторов заехать. Ну, до встречи на Шарташе, – сказал он совсем любезно и помахал рукой.

А ВЫ СОВСЕМ НЕ ИЗМЕНИЛИСЬ

Каждый, кто встречал Родыгина в очередной раз, вспоминал обычно первую встречу с ним:

– А помните, мы встретились с вами, когда вы были у нас на заводе, в городе, в деревне.

(Варианты встреч разные).

Евгений Павлович сразу же реагирует:

– Да? Так это вы? А вы совсем не изменились с нашей первой встречи.

Бывали, правда, пикантные ситуации, когда прошедшие встречи не прибавляли ему авторитета. Евгений Павлович и тут находился.

– Да, да, – говорил он, – неприятная была ис-

тория. Так это мой брат был, мы с ним очень похожи, – передам ему, чтобы больше не хулиганил так.

И он переводил разговор на другие темы.

ЕДУТ НОВОСЕЛЫ

С большим волнением Евгений Павлович вспоминает историю создания песни «Едут новоселы».

Особенно душевно он рассказывает о том, как эту песню услышал Никита Сергеевич Хрущев и на одной из встреч с творческими работниками сказал Тихону Николаевичу Хренникову – первому секретарю Союза композиторов:

– Был я на целине, слышал песню о новоселах, она мне понравилась очень, настоящий гимн целинникам. Тихон, – продолжал Хрущев, – а кто эту песню написал?

Евгений Павлович делает в этом месте воспоминаний загадочное лицо и почти шепотом добавляет:

– А Тихон-то и сам не знает. И тогда кто-то из зала выкрикнул: «Родыгин! Родыгин!»

Сделав глубокий вдох, Евгений Павлович еще с большим азартом повествует:

– И только после этого меня в Союз композиторов приняли и квартиру «хрущевку» дали.

Композитор улыбается и заканчивает рассказ стихотворной шуткой:

«Хрущевкой» восторгался,
Она мне по нутру,
В «хрущевке» размножался,
В «хрущевке» и умру...

ГАЛСТУК

В Асбест в последнее время мы зачисти́ли. Там усилиями главы города возродилось общество «Знание». Название этой организации, правда, потом изменяли: «Знания – народу», «Знания – Уралу».

Но это было уже неважно. Главное оставалось – знания доносили до слушателей.

В очередной поездке в уютный город, где каждая улица – чистая, а деревья хранят память о тех, кто их посадил и в честь какого события, мы были снова с Родыгиным.

Особенно тепло нас встречали в училище № 17, расположенном на улице Ленинградской.

Перед лекциями и концертом в просторном кабинете директора пили чай. А Родыгин, уже приготовивший свою аппаратуру, начал прихорашиваться сам.

Когда он забывал свою расческу, то просил у женщин, быстро приглаживал свои пушистые серебряные волосы и возвращал расческу со словами: «Вот всегда говорю, не берите чужую расческу, негигиенично это, прямо скажем».

Молодая женщина, невысокого роста, с точеной фигуркой и полными ногами, улыбнулась шутке, взяла у Евгения Павловича свою расческу и стала уже поувереннее поправлять композитору галстук.

В это время он (галстук) предательски пополз вниз по рубашке. Дама не растерялась и подхватила полосатенькую тряпочку на лету. Евгений Павлович тоже не растерялся и трепетно поддерживал руки женщины, сложившей галстук, а потом невозмутимо сказал:

– Наверное, опять авария.

– Давайте я вам помогу.

Галстук очутился в ухоженных ручках женщины, она перевернула его и не сдержала своего удивления.

– Ой, что это?

– Да это мое творчество, – сказал не смутившийся Евгений Павлович.

На галстук черными нитками была пришита обыкновенная канцелярская скрепка, сделана петля, которая и порвалась невовремя.

Родыгин сунул галстук в карман пиджака и сказал отрывисто:

– Пора встречаться без галстуков. Ребята уже заждались.

Все поднялись. Стали расходиться по аудиториям. Композитор направился в класс, где его ждали. Через минуту зазвучала знакомая мелодия и бурные аплодисменты.

Е.П.Родыгин и автор М.Голдина.

Здесь венчался Бажов

Живописный и высокий берег реки Кунары, вдаль деревня Кашино. Налево – Сухой Лог, направо – Богданович. Люди, автобусы, машины, телекамеры... Девушки в русских сарафанах раздувают самовар, а парни в картузах пробуют голос в душевной запевке. Недельное ненастье как отрезало, раздуло облака, и солнце освещает памятный камень с торжественной надписью: «В память венчания П.П. Бажова и В.А. Иваницкой в Кашинской Николаевской церкви в 1911 году».

«Брак Бажова и выпускницы епархиального училища Валентины Александровны Иваницкой был основан на любви и единстве устремлений... Едва ли не единственное в творчестве Бажова стихотворение, которое он преподнёс невесте в день свадьбы, выражало его жизненное кредо: рука об руку с любимой идти к свободе, бороться за народное счастье.

Об руку смело идем мы вперед,
Крепкую веру храня, -
Рано иль поздно, а все же взойдет
Русского счастья заря...» –

писал о Павле Бажове друг писателя, екатеринбургский литературовед Михаил Батин.

– Собственно, венчались они вон там, в деревне, видите вдалеке полуразрушенную церковь? – говорит Антонина Михайловна Хлыстикова, бессменный директор единственного в области литературного музея, посвященного не прозаику, а поэту – Степану Щипачеву. – Но место здесь чудесное, простор во все стороны. Теперь сюда обязательно в день свадьбы будут приезжать молодожены – уж очень здесь красиво!

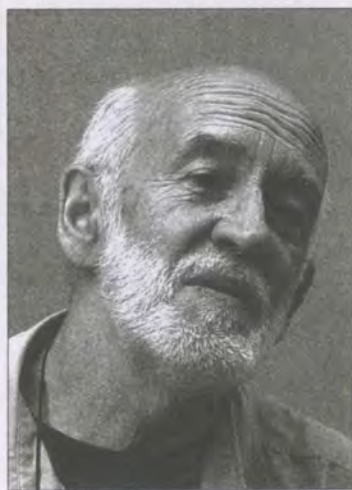
– Да, – подхватывает наш водитель Дима, – надо будет сюда с девчонками на пикник приехать, красотища!

– Что ж, действительно, потрясающе красивы наши уральские места – скалы, зеленые волосы водорослей по течению, большие березы.

Так 19 августа 2004 года происходили события, которые с полным правом могут быть включены в летопись современной литературной жизни Урала, тем более, что они связаны с отмечаемой в январе 2005 года 126 годовщиной со дня рождения Павла Петровича Бажова.

Слева направо: Л.Зонов, Д.Колесов, А.Хлыстова,
Л.Быков, В.Осипов.

Ю.Калмыков

В этот день в город Богданович приехала представительная делегация из Екатеринбурга: литературный критик, член Союза российских писателей, профессор Леонид Быков, автор-исполнитель Лев Зонов, музейный дизайнер Юрий Калмыков, и автор этих строк, зам. председателя правления Екатеринбургского отделения Союза писателей России поэт Вадим Осипов. Мы собрались в дорогу, чтобы принять участие в празднике, посвященном 10-летию Литературного музея поэта Степана Щипачёва, открытию и освящению камня в память венчания П.П.Бажова и В.А. Иваницкой.

Дизайнер Юрий Калмыков из студии «Арте-Фактум» – автор и исполнитель художественной концепции музея, в котором – совершенно нестандартная экспозиция, посвященная родившемуся 7 января 1899 года в деревне Щипачи, неподалёку от Богдановича, поэту Степану Щипачёву.

Поэт – из крестьянской семьи, рано осиротел, батрачил, работал на приисках. Затем он служил в Красной Армии, стихи его печатались в листовках и газетах и выходили отдельными сборниками. В середине 30-х годов поэзия Щипачева приобретает лирические интонации, позднее выходят сборники стихов и автобиографическая повесть о детстве «Березовый сок». Я думаю, что поэт навсегда вошёл не только в литературу, но и в память народную благодаря знаменитым строкам:

Любовью дорожить умеете,
С годами дорожить вдвойне.
Любовь не вздохи на скамейке
и не прогулки при луне...
Все будет: слякоть и пороша.
Ведь вместе надо жизнь прожить.

Любовь с хорошей песней схожа,
а песню нелегко сложить.

Умер Щипачёв в Москве в 1979 году.

А в музее вы ступаете между настоящими стволами деревьев на крылечко дома и заходите в кабинет поэта, где напротив его рабочего стола за большим окном оживает диорама, изображающая рассвет в родных Щипачах. В музее собрано, кажется, всё о жизненном и творческом пути Степана Петровича. Но этот дом живёт и особой, литературной жизнью, далёкой от музейной тишины и спокойствия витрин.

Здесь проходят рождественские встречи друзей музея, турниры поэтов с присвоением звания «короля поэтов» города Богдановича и его окрестностей, художественные и фотовыставки, творческие встречи. И гости из Екатеринбурга регулярно выступают в литературной гостиной, представляя здесь свои новые книги и концертные программы, делая обзоры литературы.

И собирается полный музейный зал, кого-то из опоздавших даже не впускают. Звучит фортепианная музыка в исполнении Елизаветы Шубиной, гитара Льва Зонова.

А дальше – круглый стол с местными поэтами, стихи по кругу, споры о поэзии...

19 августа в литературном музее открылась эк-

Освящение камня.

спозиция чрезвычайно интересных графических работ Юрия Калмыкова – где-то на грани мистики и реальности.

Хозяюку музея – его бессменного директора Антонину Хлыстикову – поздравляли еще и с присвоением ей почётного звания «Человек года города Богдановича» (ничего себе, да?). Тёплые слова Антонина Михайловна выслушала от коллег – работников краеведческих музеев, гостей, звучали стихи и песни. И всё это – сначала в музее, а затем в зале администрации города, где выставлено более 30 картин Михаила Сажаева, уроженца Богдановича, переданных им в дар городу.

«Чернокоровские девчата»

фольклорные коллективы «Чернокоровские девчата» и «Заводская слобода», дети читали отрывки из бажовских сказов, и состоялся обед... с варёной картошкой и пирогами, а также с коварным местным «квасом», заметно поднимающим настроение.

Кончился праздник, небо заволокло серой моросью, и ехали мы обратно в Екатеринбург под проливным дождём. А вспоминалась речная излучина, высокий берег, солнце, радостные лица да народные песни на ветру. Как там у Бажова сказано: «Красота будто! Ох, и красота!»

И вот хозяева и гости праздника отправились за город, к той самой живописной излучине реки Кунары, где установлен камень в память венчания Бажова. Наверное, это знамение времени – трудно представить себе такое событие лет, скажем, двадцать тому назад. И так же трудно представить сегодня Урал без бажовских сказов, всех сокровищ его «Малахитовой шкатулки».

На освящение камня прибыл отец Александр из Свято-Троицкого храма. После торжественного обряда здесь же, на открытом воздухе выступали

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

1. соответствие темам:

- * Урал – горная страна
- * Горный пейзаж
- * Мы – уральцы
- * Заповедные земли
- * На грани...
- * По следам предков

2. наличие информации о снимках:

- * Условное название снимка, краткое пояснение
- * Дата съёмки (если известно)
- * Район, запечатлённый на снимке, если это важно
- * Объект (если известно)

3. Персонаж (если известно)

- * Информация об авторе
- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон
- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка

- не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив)
- или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, tif 300dpi 200 x 300.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой "ФОТОКОНКУРС". Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

МЫ - УРАЛЬЦЫ

Ненцы - коренные жители полярного Зауралья. Их жизненный уклад не меняется столетиями... Только настоящий путешественник способен оценить рациональность их образа жизни и высокую приспособленность к суровым условиям полярной тундры...

Победитель фотоконкурса Евгений Корбут

Личное снаряжение туриста-лыжника

Советы специалиста

Лыжный инвентарь

В настоящее время категорийные лыжные походы возможно разделить на чисто таежные, горные или тундровые. В таких популярных туристических районах, как Кольский полуостров, Урал, горы Путорана, Забайкалье, Якутия, Алтай и др., лесные участки, долины рек, горы, плато и тундра, чередуясь, присутствуют в каждом маршруте. Поэтому лыжи нельзя выбирать только для тайги или только

для гор, они должны удовлетворять условиям разнохарактерных районов. Таким требованиям в большей степени отвечают лыжи «Бескид», хотя они и не лишены некоторых недостатков: большой вес и ухудшенное скольжение из-за широких пластинок канта и множества стыков, соединенных шурупами. Однако уверенные в их надежности, туристы мирятся с этими недостатками, не забывая при этом о поисках их усовершенствования.

фото Евгения Корбута

Выбирая лыжи, необходимо убедиться, что они целые, не имеют искривлений и сучков, а также слопов, выклинивающихся в сторону носка, что неизбежно приводит к задирам и ухудшению скольжения. По длине предпочтительнее оказываются лыжи короче прогулочных и беговых на 15–20 см: на них удобнее двигаться в лесу, среди кустарника и нагромождения льдов, при спусках, торможениях, перемене направления движения на склоне.

Лыжи «Бескид» если и ломаются, то только в носковом изгибе и у запятника, поэтому следует усилить носок и запятник металлическими пластинами.

После многих походов внутренние верхние ребра лыж стесываются кантами. Поэтому, когда шурупчики начинают плохо удерживать металлические пластинки, нужно переставить крепления и поменять лыжи местами (правую на левую).

Универсальные тросиковые крепления прочно вошли в туристский обиход. Можно без преувеличения сказать, что большинство туристов в категоричных путешествиях применяют именно эти крепления. Нередко, правда, можно услышать, что пружинные тросики растягиваются и рвутся. Однако это бывает, как правило, при нарушении заводских рекомендаций по установке креплений, что выражается в излишней перетяжке тросиков. При правильном натяжении они выдерживают несколько походов.

Нередко в зимних походах можно встретить туристов на лыжах с пластиковой скользящей поверхностью. Всем они довольны: хорошее скольжение, нет подлипа. Одно огорчает – «отдача» при подъемах в гору.

Лыжные тормозящие устройства почти не применяются туристами. Дело в том, что энергетические затраты на преодоление заснеженных склонов на лыжах признаются целесообразными и оправданными по пути только такой крутизны, когда лыжи не скатываются вниз или сравнительно легко удерживаются ненапряженным усилием рук на лыжные палки. Всякий подъем по более крутому пути требует значительно больше сил, поэтому ту-

ристы предпочитают отказываться от него, как и от различного рода тормозных устройств. Правда, могут встретиться участки склонов с глубоким снежным покровом, на которых человек без лыж будет сильно проваливаться. В этих случаях, чтобы исключить проскальзывание лыж, их оплетают репшнуром, а на склонах с плотным снегом подвязываются альпинистские кошки.

Лыжные мази

У большинства туристов-лыжников сложилось устойчивое мнение, что при сухом снеге и минусовых температурах хорошо просмоленные лыжи в смазке не нуждаются. Иное дело «подлип». Избавиться от него в походе помогает натирание лыж парафиновой свечой, – некоторое время снег не пристаёт к лыже, а когда слой стирается, процедуру повторяют снова. Парафин будет держаться дольше, если смешать его с алюминиевой пылью, – это и есть самодельная лыжная мазь «серебрянка».

Ремонт лыж в походных условиях

Чтобы не заниматься ремонтом лыж в пути, нужно тщательно подготовить их и многократно проверить, особенно новые, во время тренировочных выходов. В походе следует взять за правило ежедневно осматривать лыжи: нет ли надломов, трещин, расслоений и задилов, прочно ли привинчены кан-

ты и крепления, целы ли тросики и др.

И все же отремонтировать лыжи в походе приходится, и чаще всего носки, ранты и крепления.

Вместо отломанного носка можно поставить металлический; он крепится к лыже винтовыми зажимами или шурупами. Если его нет, отломанный носок можно укрепить с помощью накладок из фанеры и жести, заранее вырезанных по форме носка. Фанерную пластинку следует даже выгнуть. Пластинки обычно скрепляются гвоздями, которые вбиваются сверху в фанерную накладку, а снизу заггибаются по форме скрепки, и острый конец гвоздя вновь вбивается в лыжу. Загнутые таким образом гвозди меньше тормозят скольжение.

Трещины можно скреплять проволочными скобками, но надежнее – прибитой гвоздиками фанерной или жестяной пластинкой.

Если лыжа сломалась между носком и грузовой площадкой или непосредственно впереди, починка обычно заключается в скреплении сломанных частей. Концы отломов необходимо опилить и стесать на клин. В местах соединения снизу и сверху следует прибить жестяные пластинки.

При отломе запятника надо опилить место отлома и при наличии продольных трещин прибить сверху накладку.

Когда отломилась часть лыжи непосредственно зади у грузовой площадки, следует выровнять место отлома и переставить крепление вперед. Ремонт такой излом не поддается.

Быстро и надежно отремонтировать сломанную лыжу сможет не каждый. Поэтому ремонтником избирается самый искусный. В его ремнаборе хранятся необходимые предметы: напильник, плоскогубцы, большая и маленькая отвертки, молоточек, ножницы, медная и полустальная проволока, крупные и мелкие шурупы, гвозди от 15 до 40 мм длиной, медные и дюралевые заклепки, фанерные и жестяные пластинки, шило, набор иглол, простые и капроновые нитки, киперная лента, капроновый шнур (парашютная фала), изоляционная лента. В

другом мешочке обычно помещаются запасные крепления, тросики или ремешки, кольца.

Многие группы, отдавая должное искусству ремонтника, все же берут с собой запасную лыжу. Мы также рекомендуем делать это, особенно новичкам и большим группам, которые используют неокантованные прогулочные лыжи. Для транспортировки запасную лыжу привязывают запятником почти вплотную к рюкзаку, чтобы она скользила по лыжне только носком. В этом случае лыжа не мешает при движении: не утыкается в деревья, кусты и камни и не «убегает» при спусках с гор.

Рюкзаки

Без рюкзака лыжный туризм немислим.

Многолетняя практика выявила некоторые общие признаки лучших образцов современных рюкзаков, которыми принято считать: приспособление к анатомическим особенностям человека, использование каркасов и бедренных поясов, стремление сблизить центр тяжести рюкзаков с центром тяжести человека, что способствует сохранению привычной для него прямой походки, вытянутая вверх узкая (не шире плеч и бедер) форма емкости.

Плечевые ремни и пояс должны облегать плечи и бедра, не сминаться под тяжестью рюкзака. Наиболее удобна серповидная форма плечевых ремней с эластичными прокладками.

Станковые рюкзаки, по нашему мнению, в зимних походах целесообразно применять, когда вес груза не превышает 30 кг.

К их недостаткам можно отнести то, что каркас цепляется за ветки, а при наклоне лыжника станковый рюкзак значительно увеличивает возможность падения вперед. Поломку каркаса сложно идеально отремонтировать в походных условиях.

Современный рюкзак мягкой конструкции по своим размерам позволяет переносить самые объемные предметы снаряжения. При тщательной подгонке может быть рекомендован в любой лыжный поход.

Нина АКИФЬЕВА,
фото автора

Н.В.Акифьева - кандидат исторических наук, доцент. Окончила исторический факультет Уральского государственного университета им. А.М.Горького, очную аспирантуру института экономики УрО АН СССР. Работает на кафедре истории России УГТУ-УПИ. Автор более 50 научных работ и статей. Живет в Первоуральске.

Павел Берг и сыновья

В литературе о прошлом города Первоуральска семья Бергов редко удостоивалась внимания исследователей. Но вклад ее в историю Нижнешайтанского (Васильево-Шайтанского, Васильевского) завода, а значит, и будущего города, выросшего из этого завода, трудно переоценить. Годы, когда предприятие принадлежало Бергам, были для этого завода «серебряным веком». Фигуры Павла Васильевича и его сыновей столь масштабны, что сравнимы только с первыми владельцами завода – Демидовыми.

Деятельность П.В.Берга не ограничивалась шайтанскими заводами. Конец XIX века – это время активного освоения богатств Амурского края, и Берг занялся (вполне успешно!) поиском и добычей золота. Он вошел полноправным участником в Зейскую золотопромышленную компанию (Зея – приток Амура. - Авт.). Его компаньонами стали: А.Л.Шанявский, будущий основатель народного университета в Москве, и В.Н.Сабашников, сыновья которого, Михаил и Сергей, стали потом известными книгоиздателями.

Производство оказалось прибыльным. Только за один 1890 год на восьми действующих приисках Соединенной акционерной компании (а к тому времени за компанией их было зарегистрировано уже пятьдесят) было получено 2686 кг золота. Золотодобыча велась и в уральской вотчине Бергов. На приисках шайтанской дачи за 60 лет эксплуатации было получено 4300 кг золота.

Золотой промысел не только изрядно обогатил владельцев, но и послужил во благо общества. При восшествии на престол Николай II дал согласие на открытие в России первого женского медицинского института (сегодня – Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И.П.Павлова. - Авт.), но при условии финансового обеспечения за счет частных средств. Согласно воле П.В.Берга, выраженной в завещании, два процента от его денежного капитала (185714 руб. 50 коп. - Авт.) были перечислены на открытие этого института. Выполнение вышеозначенной воли было им поручено душеприказчику – генерал-майору А.Л.Шанявскому «в знак моего полного к нему доверия и глубокого уважения к его испытанному бескорыстию». Открытие института состоялось в 1897 году. Без финансовой поддержки Нобелей, семьи Шаняв-

ских и Павла Берга это событие вряд ли смогло тогда произойти.

Не были забыты Павлом Васильевичем и Шайтанские заводы на Урале. На кричной фабрике вместо водных колес появились паровые турбины, приводящиеся в действие «теряющим жаром» от кричных горнов. Постепенно водяные колеса уступили место турбинам, и в приводах листокаточных машин. В 1872 году были установлены два новых прокатных стана. Через год начала действовать механическая мастерская по изготовлению паровых машин, котлов и станков не только для себя, но по заказам для других заводов. В одной длясте от Нижнешайтанского завода вступила в строй листоотделочная фабрика, известная как Павловский вспомогательный завод. При этом заводе в 1877 г. был построен цех по выделке кварцевого кирпича, употребляемого для кладки горнов и печей.

В 1882 году домна была переведена на горячее дутье, введено пудлинговое производство, построена пудлингово-сварочная фабрика. Доля кирпичного производства (когда получается сырое железо в виде пористого слитка, требующего дальнейшей проковки молотами) начинает заметно снижаться. В кричном горне одновременно выполнялись операции передела чугуна и проварки железа. Первая операция требовала окислительную атмосферу, а для второй эта атмосфера была вредна, так как увеличивала угар металла. Разделение операций, осуществленное в пудлинговом производстве, позволило освободиться от этого противоречия.

Домна Шайтанского завода XIX в.

Домна Шайтанского завода. 1900 г.

Благодаря реконструкции, осуществленной в 70-80-х годах, завод в конце XIX в. резко увеличил свою производительность. Выплавка чугуна в пореформенный период увеличилась в 3,3 раза. Изготовление железа за это же время – в 10 раз. Производство листового железа выросло с 23,9 тысяч до 275,3 тысяч пудов. В 1900 г. из общего количества готового железа листовое составляло 94 процента, что свидетельствовало о высокой степени достигнутой специализации.

Кровельное железо, изготовляемое шайтанскими заводами, принадлежало к особому типу, известному под названием «уральское» (или «сибирское»). Главным его отличием является то, что оно готовится на древесном топливе из качественной руды, что увеличивает его долговечность в несколько раз по сравнению с железом других промышленных районов. «На поверхности листов образуется особый слой (магнитных окислов), который предохраняет железо от ржавчины и так крепко пристаёт к поверхности листов, что не отпадает даже при загибе замка (фальца). При своей долговечности крыша из уральского железа дает в то же время крупную экономию и в расходах по периодической окраске, так как уральское железо не требует частого ее возобновления.

По словам А.А. Топоркова, шайтанские заводы «по благоустройству своему и ведению хозяйства принадлежат к числу лучших заводов на Урале». На Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 года в Москве они были удостоены серебряной медали.

Летом–осенью 1887 г. в Екатеринбурге состоялось грандиозное событие – первая и единственная в своем роде Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка «для ближайшего ознакомления с результатами научных исследований Сибири и Урала и с произведениями промышленности этих местностей», организованная энтузиастами из Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Здесь были представлены почти все казенные и частные уральские заводы и золотые промыслы. Решением жюри выставки заводы П.В. Берга отмечены малыми серебряными медалями «за хорошее доменное производство и различные улучшения в заводском деле».

После смерти Павла Васильевича в феврале 1894 г. шайтанскими горными заводами на посессионном праве владели его наследники – Василий и Сергей Павловичи Берги.

Проезжая через Шайтанский завод летом 1899 г., Дмитрий Иванович Менделеев отмечал: «село огромное и, видимо, богатое, народ весь одет исправно, довольство видное тут, очевидно, зависит от заработков на заводах». Спутник Дмитрия Ивановича С.П. Вуколов добавлял: «Нам сообщали, что население выпивает (водки.-Авт.) на 30000 рублей, что представляет своего рода характеристику».

В конце 1899 г. доменная печь Шайтанского завода была полностью перестроена. Новая печь высотой в 70 футов имела максимальную, ранее не практиковавшуюся на Урале производительность – от 3000 до 5000 пудов чугуна в сутки. На доменном производстве была установлена работа в три смены и увеличена заработная плата. 7 ноября 1901 г., впервые на Урале, в Шайтанском заводе были пущены в эксплуатацию моторы на доменных газах, что позволило экономить топливо и значительно удешевить себестоимость продукции.

После экономического подъема в 90-е годы XIX в. уральские заводы, как и промышленные предприятия всей России, в первые годы XX века вступили в полосу кризиса, особенно заметно проявившегося в черной металлургии. Кризис выразился в падении цен на чугун и в сокращении его производства на частных предприятиях. Однако шайтанские заводы экономический кризис 1900–1903 годов и последующую промышленную депрессию перенесли легче других уральских предприятий. Доменная печь работала практически без остановок.

Причины устойчивости Шайтанского округа объясняются значительными капиталами владельцев и правильно выбранной политикой строжайшей экономии топлива. Трудное положение с топливом заставляет владельцев искать альтернативу древесному углю. С.П. Вуколов отмечал, что «особенностью сего завода являлась постоянная забота об эффективном использовании имеющихся энергоресурсов». При наличии одной доменной печи и нескольких передельных цехов округ производил в начале XX в. до 500 тыс. пудов чугуна и до 300 тыс. пудов железа. Позитивную роль сыграл и тот факт, что основным продуктом заводов было листовое кровельное железо, не потерявшее спрос и в годы кризиса.

Тем не менее, кризис ухудшил финансовое положение, возросли убытки. Чтобы преодолеть организационные и финансовые трудности, заводладельцы основали в Москве правление под названием «Торговый дом наследников П.В. Берг – Сергея и Василия Павловичей Берг».

Общество создавалось для восстановления медеплавильного производства и устройства завода по производству хромпика. Акции были распределены между братьями (основные акционеры) и их сестрой Н.П. Свечиной и на биржу не выставлялись. Устойчивое финансовое положение общества позволяло ему обходиться собственным капиталом и не иметь кредитных взаимоотношений с банками.

Основным производством к моменту акционирования традиционно оставалось чугуноплавильное и чугунолитейное (ваграночное), а также листопрокат-

Клеймо Шайтанских заводов.
1900 г. Музей ОАО
«Первоуральский новотрубный завод».

ное и листоотделочное. Нерентабельное производство пришлось закрыть (в 1906 г. кричное, в 1911 г. пудлинговое).

В период промышленного подъема 1910-1914 гг. продолжилась модернизация заводов. Выплавка чугуна увеличилась. В 1911 году для переработки чугуна и стального лома в сталь была пущена мартеновская печь с суточной производительностью 5 тыс. пудов.

Акционерное общество шайтанских горных заводов располагало крупным месторождением хромистого железняка – Гологорским рудником, открытым в 1864 году. В начале XX века эксплуатация рудника давала от 150 до 260 тыс. пудов хромистого железняка в год, что приносило владельцам ощутимый доход.

Братья оказались удачливыми в бизнесе, они вкладывают средства сразу в несколько предприятий: железодельный и чугунолитейные заводы, сахарные фабрики, бумагопрядильную и ткацкую мануфактуры. Активы торгового дома «Наследники П.В.Берга», куда входили и шайтанские заводы, достигали десяти миллионов рублей.

Именья Бергов были разбросаны буквально по всей стране – Орловская, Пермская, Тамбовская, Харьковская губернии. Кроме того, семья владела 9 домами в Москве. В своей загородной резиденции, расположенной в тридцати километрах от столицы, Берги создали лесопарк из сибирских кедров и лиственниц.

В 1893 г. Сергей Павлович обращается в Московскую городскую управу с просьбой разрешить ему сломать старый деревянный дом в Денежном переулке и вместо него выстроить новый каменный особняк. Проект он заказывает архитектору Бойцову, построившему для баронов Мейендорф «романтический замок» в Барвихе.

Новый особняк в Денежном переулке заслуживает особого внимания. В нем необычно все – и удивительная история, буквально потрясшая мир, и художественная ценность здания. Столь оригинальной эклектики больше нет нигде. Настоящее смешение из готики, барокко и модерна. Однако смешение стилей вовсе не означает отсутствия вкуса. Наоборот, изящно оформленные и богато декорированные анфилады комнат – яркий образец гармонии и совершенства. В центре столовой – стол на тридцать персон, стоявший когда-то в Демидовском дворце в Петербурге.

Великолепие поражает с первых же ступенек. Наиболее любопытный элемент интерьера – осветительные приборы разнообразных и причудливых форм в стиле модерн. Сергей Берг одним из первых в Москве провел в свой особняк электричество. Именно в его доме состоялся первый в истории Москвы «электрический бал». Участник вечера – «король репортажа» Владимир Гиляровский вспоминал: «Она (жена Берга) была великолепна, но зато все московские щеголихи в бриллиантах при новом электрическом свете танцевального зала показались скверно раскрашенными куклами: они привыкли к газовым рожкам и лампам...».

История дома богата, как и его убранство. Супруги Берг придерживались либеральных взглядов. У них бывали видные политические деятели той эпохи, в частности, Александр Керенский. В 1917 году в особняке проводилось голосование в Учредительное собрание. Именно в этом доме произошло событие, которое резко изменило расстановку политических сил в стране. «23 апреля 1918 года посол Германии граф Вильгельм фон Мирбах-Харфф представил верительные грамоты председателю ВЦИК Свердлову и поселился в особняке. Но оказалось, что ненадолго. 6 июля эсеры Яков Блюмкин и Николай Андреев, снабженные мандатами ЧК, вошли в здание посольства и, вызвав посла в парадную гостиную, выстрелили в него. Убийцам удалось скрыться». Это преступление послужило сигналом к мятежу левых эсеров. В тот же день в правительственной газете появилось сообщение: «Сегодня около трех часов дня двое негодяев, агентов русско-англо-французского империализма, проникли к германскому послу Мирбаху, подделав подпись т. Дзержинского, под фальшивым удостоверением, и под прикрытием этого документа убили графа Мирбаха». Вечером в бывший дом Бергов прибыл Ленин и, выразив соболезнование, обещал сурово наказать убийц.

Вскоре после убийства Мирбаха германское посольство покинуло Москву, и в особняке появились новые хозяева – руководящие органы III Интернационала. Последний раз исполком Коминтерна заседал в особняке в феврале–марте 1922 года, затем здание передали посольству Италии, где оно пребывает и по сей день.

События 1917 года заставили братьев Бергов покинуть Россию и эмигрировать в Швейцарию. Дальнейшая их судьба автору, к сожалению, неизвестна.

Плотина и домна Шайтанского завода XIX в.

Ангелика решает продаваться?..

(монопьеса, одиночество в 1-м действии)

Действующие лица:
Поэтесса

2024 год. Осень. Поздний вечер. Беседка в парке. Дождь. На скамейке сидит женщина средних лет в плаще. Слегка промокшем. Мерзнет. Рядом стоит зонт, на скамейке лежит папка с бумагами (рукописью). Женская сумка приличного размера заполнена и обещает «творческий беспорядок» внутри себя.

– У-у-у-у-у-у... (воет, как маленький бродячий щенок, беспомощно и тоскливо). Ну, и зачем ты мне позвонил? Вопрос жизни и смерти (кривляется). Нужна твоя помощь! Ха, мне теперь тоже нужна твоя помощь. Выскочила из дома как ошпаренная: «Где ты? Что с тобой?», ключи забыла, сижу тут, как дура, без денег. Последние копейки истратила на твой любимый коньяк. (Достает бутылку из сумки, слегка потрясает ею в воздухе). А ты – ничего, совсем не изменился. Снова опаздываешь. Интересно, на сколько часов в этот раз? А, может, лет? Ты всегда говорил, что мы опоздали встретиться. Лет на семь. Ну, где же ты, где же? Брр, как холодно! И погода мерзкая. (Смотрит на часы). Молодец, ты явно делаешь успехи: опоздал на два часа тринадцать минут! Нет, я не сдвинусь с места. Буду ждать тебя до последнего, до конца. Назло! И тебе, и себе... Мамочка, милая, х-хо-о-олодно. Брр... То ли лето хреновое, то ли осень бесконечная. (Ходит вокруг скамейки, пытаясь согреться). Ну, хоть бы ты позвонил, сказал, что задерживаешься. Это же так просто! (Звонит мобильный)

– Алло.

– ...

– Мама? (разочарованно)

– ...

– Да.

– ...

– Почему не подхожу к городскому телефону? В ванной лежу, наслаждаюсь. Слышишь, вода шумит? (отрывает трубку от уха, выносит из беседки, где стучит дождь).

– ...

– Ой, хорошо! Пена цветочная с медом... Ммм. Маску делаю на лицо. Волосы крашу. Еще пару часиков понежусь, побалую себя, любимую, горячей водичкой.

– ...

– Могу, но не долго.

– ...

– Две минуты. Или три.

– ...

– Вечером я встречалась с подругами.

– ...

– Евой и Антониной.

– ...

– Ты их не знаешь.

– ...

– В кафе ходили.

– ...

– Спина болит? Давление скачет?

– ...

– Береги себя. Полежи.

– ...

– Ну почему они мне дороже?

– ...

– Ну конечно, я люблю тебя.

– ...

– Мама, ну, перестань. Мы ходим в кафе раз в неделю. Я приеду завтра. И прошу, не называй меня Машей. Ты же знаешь, что я терпеть не могу это имя. Маша Кашина!.. Ну, как можно было так назвать ребенка? Просто пародия на советский букварь.

– ...

– Что значит «не доживешь»? Не надо так говорить. Ты же знаешь, как ты мне дорога!

– ...

– Не передергивай. Это было всего один раз! А я была дура набитая. Ну прости, прости, прости, что я не позвала тебя тогда на мой день рождения.

– ...

– Да, эти подружки меня предали. Но при чем тут посиделки с Евой и Антониной?

– ...

– Хорошо, я приеду. НО ЗАВТРА!

– ...

– Мама, я прошу тебя.

– ...

– Господи, да не была я ни в каком кафе, я просто хотела побыть одна. Мне важно это. Нужно было сосредоточиться, обдумать сюжет. Я работаю. У меня серьезный заказ.

– Скажи лучше, как папа.

– ...

– Хорошо, я спрошу сама. Передай ему телефон.

– ...

– Папочка, как дела?

– ...

– Я не взвинченная. Совсем.

– ...

– Да, я хочу узнать, как ты себя чувствуешь.

– ...

– Я рада. Ты – молодцом. Держись.

– ...

– Ну все, целую. Люблю.

– ...

– Ну почему я не приезжаю домой? На выходные обязательно.

– ...

– Мама, перестань подслушивать. Это нехорошо. Ладно, я приеду завтра.

– ...

– Ну вот, ты опять всхлипываешь. Я привезу тебе торт... с валерьянкой. Внутри.

– ...

– Конечно, я зову вас в гости. Всегда жду.

– ...

– Только завтра. Сегодня категорически не могу вас принять.

– ...

– Нет, вы мне дороже любой работы. Просто она кормит меня. Если сегодня не выполню заказ, завтра мне не предложат новый, и тогда просто не на что будет купить хлеба.

– ...

– Да. Все приличные бабы сидят дома и воспитывают детей, а мужики пашут. Я, к сожалению, не самый удачный экземпляр. И пашу, и без мужика.

– ...

– Пока не хочу об этом говорить.

– ...

– Нет, я не пыталась закадрить издателя.

– ...

– Он вообще не в моем вкусе. Совершенно. Ну,

просто категорически не мой тип.

– ...

– Мама, я сейчас положу трубку.

– ...

– Ну все, пока.

– ...

– Целую. (вздыхает, кладет трубку)

Жизнь прекрасна! Если правильно подобрать антидепрессанты... (Нервно дергается, рукопись падает на землю, стихи рассыпаются). Черт! (Начинает собирать стихи, листает, идиотски улыбается):

– Ну, здравствуй, мой богатенький и страшенький издатель! Тела комисарского захотел? «Му-у, му-у. Вы такая аппетитная жэнщина!» Что ты понимаешь в женщинах и в стихах?! Примерно столько же, сколько свинья в апельсинах! 2024 год на дворе, а ничего не изменилось. Все точно так же, как и в 2004-м. Господи (кривляясь), сколько, наверное, горя вы пережили! Да, столько, что тебе и не снилось. Только стихи совсем о другом, о других, в конце концов. Чудак, тупица, хотел через строчки заглянуть мне в трусы. А опубликовать? Что вы, что вы! Непопулярный ноне жанр – поэзия. Конечно, у нас только по-пы популярные.

Но как на попу мою он пялился! Жеребец! Как и все они, впрочем. (Любовно оглядывает себя).

Кладет на колени папку. Начинает перебирать стихи.

А ты, редактор, тоже хорош гусь. Небось, на филфаке учился. Должен понимать, что стихи – это фантазия, плод, так сказать, воображения. В них говорит не автор, а лирический герой.

Нет, ну ты посмотри, просто путевые заметки на полях (разглядывает рукопись). Превратили, болваны, рукопись в корабельный журнал. И как вам только в голову пришло мне такое предложить! «Дорогая (да уж, не дешевая!), напишите, плиз, комментарии или предыстории к своим стихам, чтобы читателю было понятно, почему вы три аборта сделали, от каких мужчин, сколько раз были замужем, кому какие стихи посвятили, кто насколько в постели хорош». Короче, перчика добавить. И клубнички. И грязи, само собой. И выдадим бестселлер: стих – комментарий, предыстория – стих. Новый жанр получится. Откровения поэтессы. Расхватают за два дня. Бабы сопли пускать станут, мужики – слюни. Накосим бабла. Поделимся. Только честно все, как на духу. Как на исповеди. Ах, вы, твари проворные! И смех, и грех. Вы ведь от меня не правды ждете, а порнушки.

Порнушечка, она заводит. Она даже меня, лошадь старую, заводит. Еще бы. Вам нужна беллетристика с чернушными отступлениями. Журналистка, мать-одиночка, писательница-неудачница, проститутка по призванию. «Она изгибалась в его сильных и нежных руках и стонала, как волшебная свирель». Но на самом деле она хрюкала, как свинья. Притом что она – это я. Я хрюкала. Я – свинья.

Кстати, у свиньи оргазм длится 30 минут! Хочу быть свиньей в следующей жизни. Хрю-хрю. И так весь роман. Простая задача. Главное, чтобы стоял. У

издателя. От прочтения моего шедевра. И тогда все путем.

Только стихи – совсем другая сказка. (Вздыхает)

Ну, да ладно. Ладно. Пора успокоиться. Все-таки деньги предлагают. И немалые. А тут ни кола, ни двора. Даже квартира съемная. Ой, как велико искушение... Я ведь так всю жизнь пропорхала в надежде, что вот, завтра проснусь знаменитой, ан нет, этого не случилось. Все ждала, когда же мои стихи принесут мне и славу, и деньги. Но не вышло шумихи. Тоненькие сборнички, маленькие тиражи, мизерные гонорары. Меня всю жизнь кормила журналистика. Статьи, очерки. Только и это не принесло славы. Да и какая может быть слава в бабских журналах? А деньги... деньги улетучивались, словно дым. Я относилась к ним, как поэт, а тратила их, как настоящая женщина. Когда они есть – прекрасно, будем кутить, покупать боа и пропивать их в ресторанах. А если нет, садилась писать стихи. Незаметная жизнь незаметной поэтессы. А ведь как хочется греметь, не брать, а раздавать интервью, жить своей, а не чужой жизнью! Нет, надо браться за эту работу. Ведь не каждый день передо мной будет стелиться издатель с живыми бабками в кармане. Но с другой стороны, такая муть, такая попка! А еще эти грязные намеки на интим. Что ты, милый, не грехи, убери свои гроши. Я ведь енто не для денег, я ведь енто для души!

А может, попробовать под псевдонимом? Нет. Нужно свое имя раскрутить, свой бренд. Скандалы сегодня – самый действенный метод для раскрутки. К тому же при большом желании из моей жизни можно наковырять перченых сюжетов. Попробуем...

Угу. Вот оно. Начать с этого стихотворения (вытгивает лист из стопки)? Что к нему? Комментарий, как все произошло? Почему написался?

У-у-у... Хороший стих. Цельный.

Плакали даже слезы
В мартовские морозы.
В предошущенье разлуки
Стонали пальцы и руки.
Сердце плакало кровью
Над мертвою нашей любовью.

...Слезы – крупными вишнями -
Были, наверно, лишними.

Ага. Знаю. Они ждут разбитого сердца, смертельной обиды, неистовых разборок. А тут такая бытовуха. И смех, и грех.

Мне было лет восемнадцать. Я встречалась с парнем. (Смотрит на золотое кольцо на левой руке, как бы показывает зрителям). Да, Олежка, я до сих пор ношу твои подарки. Первое золотое кольцо, которое появилось в моей жизни. Помнишь, Олег, ты уже работал, а я была студенткой?.. Ты ходил обедать в ресторан. Каждый день! В голове до сих пор не укладывается! Каждый божий день в ресторан! Безумное буржуинство. Короче, ешь ананасы и рябчиков жуй. А я в то время ни разу в ресторане не была. Это тебе

не в оперу сходить! Ресторан манил, как волшебная сказка. А ты, Олежек, каждый день шастал в «Арбат» – совдеповское такое местечко, как к себе домой, и плевался от «убогости нашего общепита». Зачем ходил? Просто готовить самому было еще ужаснее.

Господи, как я хотела хоть одним глазком, как Золушка, глянуть на все это барство. Но не могла показаться тебе, моему любимому, мещанкой, не хотела выклянчивать деньги на меня. Как дура, тайно мечтала сходить в ресторан, но никогда об этом не просила, просто не произносила вслух. Родители так воспитали. Девочка-ромашка, гордая, как танк, не унижится до просьб. Да что там в ресторан попроситься! Я лет до семнадцати на свидании не могла парню сказать, что хочу писать. Напрягу ножки, сожму мочевою пузырь в кулачок, зубы стисну и ною: мне домой пора, мама ждет, я устала... Он, растерянный, проводит меня домой, даже поцеловать не успеет. Так сильно я в туалет спешу, а потом пописаю и думаю: вот, дура-то, всего-то и делов было, что зайти в какую-нибудь забегаловку или общественное место.

Я думала днями и ночами напролет, как это роскошно, по-барски, жрать в ресторане каждый божий день. И слюнки зависти текли у меня до самых коленок. Но однажды я не выдержала, краснея и заикаясь от смущения, попросила тебя: «Возьми меня с собой пообедать». – «Пошли. Хотя мамка тебе, небось, домашненького наготовила. У-у-у».

Я шла, захлебываясь слюной. Но гордость моя выкручивала косточки на пальцах: выклянчила, выклянчила... Еще до посещения ресторана мы успели поругаться. Из-за какого-то пустяка. Я сказала тебе: «Вали сам в свою забегаловку» – и отвернулась в надежде, что ты будешь меня уговаривать, ну, чтобы я пошла с тобой. Ах, Олежек, тогда я еще так плохо знала тебя! Ты отрезал: «Пока» и... пошел один. Я подождала минут пять в переходе метро, а когда поняла, что ты не собираешься меня звать, засунула гордость в известное место и побрела за тобой в ресторан. До спазм в желудке хотелось удовлетворить свою мещанскую сущность. Весь обед ты рассказывал мне, великовозрастной девице, о правилах этикета: «Не клади локти на стол. Зачем тебе принесли нож? Господи, ты как будто из деревни приехала?! Чему тебя родители учили? Держи вилку в левой руке». О, да. Это я теперь все знаю насчет вилок.

– У меня жена интеллигентка...

– И что?

– Вилкой берет...

А тогда кусок не лез мне в горло, хотелось захлебнуться слезами и оторвать тебе голову, как самцу богомола или таракану. Между прочим, таракан может прожить девять дней с оторванной головой, пока не сдохнет от голода. Мерзко! А я все о свинье думаю. О тридцати минутах...

Я мужественно копалась этой злополучной вилкой в своей тарелке. А придя домой, написала «Мартовские слезы».

Вот и все. Конечно, я не собиралась с тобой расставаться. Мне ведь еще хотелось в ресторан. А своей

стипендии хватало только на общие тетрадки и салатики в студенческом буфете. Расставаться? Да, любила я тебя на самом деле, я за тебя потом даже замуж вышла.

«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Анечка... Ахматова, милая моя подружка...

«Когда б вы знали, из какого сора»... Уу-у-у, как холодно. Жуть. Коньячком, что ли, погреться? Витька, да когда же ты придешь наконец?!

(Звонит телефон. Поднимает трубку).

– Мам, ну что опять?

– ...

– Да, еще в ванной.

– ...

– Хорошо, я куплю. Завтра. Сегодня уже аптеки не работают. Или отправь папу в дежурную. Она же у вашего дома.

– ...

– А-а-а, папа уже лег спать...

– ...

– Хорошо, я завтра зайду, привезу лекарство. Конечно, приеду. Я же обещала. Ну пока, целую...

Я чувствую себя в долгу
За хлеб и воду,
За эти строки на бегу,
За непогоду,

За то, что я живу, пою,
Смеюсь и плачу,
За радость каждую мою
И неудачу... (напряженно пытается вспомнить следую-
щую строчку).

За первый вздох. И на него
Налог наложен.
Я не смогу вернуть всего,
Прости мне, Боже.

Но каждый, будто кредитор,
Свой вексель множит
И, вынося мне приговор,
Долги итожит.

Берите жизнь, берите смех –
Плачу собою.
Но, разделив себя на всех,
Долги покрою ль?

Это я посвятила вам, дорогие мои родители. Написала, перепечатала на машинке и положила на письменном столе среди моих личных бумаг. Решила не показывать, знала, что вы сами найдете, откопаете. Была у вас такая Гбистская привычка – тотально контролировать все, что происходило в моей жизни. Вы ведь даже письма всех моих мальчиков перлюстрировали, дабы все в моей жизни было «в рамках морали и девственности». Личные бумаги на моем

столе просто внаглую изучались. Естественно, вы нашли стихотворение и требовали, чтобы я его уничтожила, потому что, мол, когда я вырасту и поумнею, мне станет ужасно стыдно за такие строки и за то, как больно я делала родителям.

А я нет, не сожгла и не спрятала. Вообще странные у меня отношения складывались с вами. Лет до семнадцати вы были в моей жизни как глыба, причал. Авторитет громадный. А потом мне стало так тесно в клетке нашего дома. Я просто задыхалась от внутреннего одиночества. Глаза смеются, а сердце каменное. И самый сладкий момент – сон. Я жила от вечера до вечера. От сна до сна, где можно было летать, жить, хотеть, где совмещалось все, что так легко рушилось в реальной жизни. Когда становилось совсем тесно и одиноко, я представляла себя муравьем, и стены дома сами собой вырастали, превращая нашу маленькую квартиру в огромную вселенную.

Кажется, сегодня задохнусь
В этом неудобном, мелком мире.
Я от безысходности напьюсь
И запрусь на целый день в квартире.

Вот еще чуть-чуть – и муравьем
Я себя представлю на минуту:
Сразу станет необъятным дом,
Заводью пространства и уюта.

И бутылки мутное стекло
Кажется до истины прозрачным.
Сердце терпкой негой истекло
И мечтой о чем-то настоящем.

Я усну в счастливом забытии...
И в ночи растает милый город...
Утопиться можно на мели...
...скоро...

Помнишь, мам, как недавно ты хотела у меня что-то выцганить, какую-то неприципиальную мелочь. Даже не вспомню сейчас что. Я улыбалась, но отрицательно качала головой. Тогда ты, артистично заломив руки, воскликнула: «Сделай это, если ты любишь меня!» Господи, меня просто передернуло. Вся жизнь пронеслась перед глазами. Постоянный шантаж, с самого детства: «Скушай кашу за мамочкино здоровье, иначе я буду болеть». (Передразнивает мамин голос) Я давилась слезами и кашей, боясь причинить страдания дорогому человеку. Ах, мама, мама!

– Я терпела невыносимую боль, рожая тебя. Когда я умру, ты еще пожалеешь, что таскалась по дискотекам, вместо того, чтобы посидеть с мамой! Мы с папой недоедали и недопивали, лишь бы у тебя все было...

Ежедневное бытовое насилие!

Ежедневный кошмар. В детстве я так боялась, что если буду плохо кушать или вести себя, родители заболели и умрут, а меня отдадут в детский дом. Однажды я сломала игрушку и испугалась, что от этого

ты, мама, можешь заболеть. Мне срочно нужно было что-то съесть, чтобы мама не заболела. Я нашла в серванте баночку с витаминами, села в углу дивана и стала есть, приговаривая: «Это за маму, это за папу, это снова за маму»... У меня было сильнейшее отравление – рвота, бред. Перед глазами летали огромные черные мухи. Ты носила меня на руках, а я кричала: «Мамочка, мухи, мухи, они забираются мне под одежду, убей их, мамочка!».

У меня было жесткое воспитание. Как смирительная рубашка. Мои друзья изучались тщательнейшим образом. Особенно отцом. Папа, ты ведь до сих пор так и не смог оторвать пуповину, расстаться со мной – своей любимой игрушкой. Всех мальчиков я должна была знакомить с родителями, а ты устраивал каждому допрос с пристрастием: «Ну, где работаешь? Учишься? На какие деньги живешь? Родители кто? А теперь – покажи паспорт». Моих парней сдувало ветром. А ты говорил: «Не плачь, дочка, у него не было серьезных намерений. Иначе он бы не сбежал». Однажды я устроила истерику, когда исчез красивый и умный мужчина, казавшийся мне судьбой. Я рыдала, что меня никто никогда не возьмет замуж. Замуж, замуж... Ты успокоился и даже как-то постарел сразу. Больше отец не допрашивал моих мужчин. Хотя продолжал меня поучать, как найти достойного: «Главное – ум и самостоятельность. Не думай, что я посажу вас к себе на шею. В моем доме вы жить не будете. Не для того я горбатился всю жизнь, чтобы какой-то недоносок имел и меня, и мою дочь». С тех самых пор выпасть из родительского гнезда стало моей мечтой. Квартира под самой крышей высокого панельного дома, компьютер, рабочий стол и тишина. Об этом я мечтала гораздо больше, чем о любви. Это казалось таким недостижимым, словно прыгнуть выше головы. Только блоха может прыгнуть на расстояние, в триста пятьдесят раз превышающее длину своего тела. Все равно что человек перепрыгнет через футбольное

поле. Тридцать минут.. мля..... повезло свиные... только представьте!

Холодно! Брр. Здесь дождь (прижимает руку к сердцу), там дождь (высовывается на миг из беседки). Я – дождь. Одинокий, соленый, холодный дождь в поисках себя... У-у-у-у-у...

А это (достаёт листок из стопки) написано по дороге из Хаяниса в Нью-Йорк. Да, я много поколесила. Прямо какая-то лягушка-путешественница.

Даже не любовь – болезнь по родине – Тайная гнетущая тоска.

Что меня с тобой связало? Вроде бы Ты сира, убога. Ведь легка И ярка здесь красота лубочная – Новый свет расчерченных дорог, Запах денег, смешанный с цветочным, Но душа здесь отбывает срок. Почему улыбки и приветствия Мне напоминают о других Серых лицах? Будто я ответственна За людей страны, где ветер лих, Где кривые хатки, червоточины У ума, у жизни и сердец. Я больна тобой, страна-обочина. Это крест мой, или мой венец?

Милый мой редактор, хочешь предысторию к тексту? Ну, опять же не в масть. Никакого перчика.

Все те же времена моей розово-ветчинной юности. Студенчество. Мы уже собирались с Олегом пожениться. Помнишь, дорогой, как ты стал интересоваться моим приданым? Шиш! Отец мне с детства говорил: твое приданое, дочка, ум и красота. А мать вторила: зато уж если полюбят, то тебя, а не наши деньги. Понятное дело, денег-то не было. Но ты, Олег, – парень твердый. Не человек – кремень! Я, собственно, всегда на таких западала. Каких? Тех, кто больше вызывает уважение, чем любовь. Чем сложнее, тем лучше. Никаких легких побед. Извилистые пути к счастью. Короче, Олежек поставил меня в известность: «Я тут, дорогая, квартиру купил, в долги влез. Надо много работать, денежки отдавать. Если ты хочешь жить в моей квартире, то должна вложить в нее свою долю». Ты честно предлагал мне отпахать. Нашел работу в США. По программе студенческого обмена. Друзья думали, что поехала я туда грызть гранит науки. Завидовали! Если бы. Я поехала туда за длинным рублем, вернее, долларом. Поденщиной заниматься. ОчЭнь деньги были нужны. О-о-очень тебя любила. И никакой гордыни. В задницу ее.

Господи, я была влюблена до головокружения, до того, что в ночном небе вместо звезд видела сотни твоих улыбающихся лиц... Что, в общем-то, нетрудно при плохом зрении.

Итак, я поехала мыть ноги в Атлантическом океане, безо всякой романтики.

Вначале пристроилась в забегаловке «Бокс ланч», стала заворачивать в блины мясо с овощами. Потом решила найти себе еще одно местечко. На вечер. Ду-

рака работа любит. В пиццерию требовались официантки. Вернее, подавальщицы блюд. В забегаловке клиенты сразу попадали к кассе и оплачивали заказ. Как в Мак-Дональдсе. Посетителю выдавали жетон, и официантка провожала его к столику. Там он побрякивал своим жетоном, пока не появлялась девушка с подносом и чеком с определенным номером, тем же, что и на жетоне. Совершался обмен: девушка забирала жетон и оставляла на столе порцию.

Мой первый рабочий день в качестве официантки начался с голодных спазм. Взяла первый поднос и вспомнила, что с утра ни разу не перекусила. Закружилась голова от голода. Но во время работы жевать строго воспрещалось. Даже если нет клиентов, я должна была красивой статуэткой стоять возле входа, зазывая посетителей. В короткой юбке на высоких каблуках. Меню в руках. Улыбка до ушей. Подносить, убирать, разносить. Что-нибудь еще?

Заглатывая слюну, я уже обслужила несколько клиентов, убрала за ними посуду, но не нашла на столе ни цента чаевых. Это было крайне странно. Я-то знала, что на Западе оставлять чаевые – норма.

Куда же делись мои? Ответ лежал на поверхности. Около кассы стоял небольшой круглый аквариум с запиской: «Оставьте немного чаевых для бедных детей, приготовивших вам эту пиццу». Дети – такие же, как и я, студенты – трудились на кухне, а в конце смены между ними делилась «чаевая» выручка. Клиент с легкой душой бросал в аквариум доллар и чувствовал, что его миссия по чаевым на сегодня выполнена. Я «пролетала».

На вопрос в моих глазах хозяин кафешки заметил коротко: «Трудись. Клиенты вспомнят и о тебе». Как в анекдоте. Ты жарь, жарь, а рыбу я после подвезу. Короче, заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьет. Я стала с голливудской улыбкой приставать к посетителям: «Нравится ли вам у нас?», «Ой, кажется, ваш малыш хочет порисовать. Может, принести ему карандаши?», «Еще чашечку кофе?»... А чаевых все не было.

Один клиент похлопал меня по попе, когда я проходила с подносом мимо. «Вот этот должен оставить не меньше трех баксов, – подумала я. – Неужели моя задница стоит дешевле?» Но не тут-то было. Он почкавал, смачно отрыгнул и удалился, посчитав, что моя попа входила в сервисное обслуживание.

Измотавшись вконец, я приняла семейную пару, которая заказала две фирменных пиццы баксов на тридцать. О! Дорогая машина. Приличные штотки. Эти не пожалеют мне немного чаевых. Я радостно подхватила тяжеленный поднос и загарцевала по направлению к их столику. Эффектно наклонилась, опуская поднос, и на мгновение потеряла равновесие. Буквально десятой доли секунды мне хватило, чтобы удержаться на шпильках, но две огромных пиццы предательски сползли на колени моих клиентов. Дама как-то по-детски всплеснула руками, глядя на свое веселенькое платье в чепухе, ветчине и овощах. Мужик с другой стороны стола разгребал грибы в соусе... со своего причинного места. Сказать, что я была

в шоке – не сказать ничего. Вся моя предыдущая жизнь пронеслась перед глазами. Вначале я метнулась к даме, но ее остервенелый взгляд просто повесил в воздухе мое «I'm so sorry». Другие английские слова выветрились у меня из головы. Схватив салфетку со стола, я стала промакивать ею брюки мужчины. Дама схватилась за сердце. Я ретировалась к хозяину пиццерии. Да. Но сказать ему о происшедшем было не так-то просто. Мой язык отказывался произносить: «Я вывернула пиццу на колени клиентам», поэтому со смертельно бледным лицом я, волнуясь, произнесла sacramентальную фразу: «It has happened food crash». В дословном переводе значит «Случилась пищевая катастрофа». Хозяину поплохело. Когда он вышел в зал и понял, что никто не умер, заулыбался, расшаркался перед посетителями и предложил ужин за счет заведения. Я убирала следы катастрофы, а он сел за рояль музицировать для пострадавших.

Нет, я не чувствовала себя виноватой. Я боялась, что этот ужин вычтут из моей зарплаты. Сумма была слишком велика для первого рабочего дня. Через полчаса «подгребла» еще одна веселенькая компашка. Среди семерых разномастных гостей оказался один пожилой иммигрант из России. Он мгновенно распознал меня по акценту. Начал приставать с вопросами: из какого я города, чё тут делаю. С меню бегаю! Я была не очень-то любезна.

Мне вдруг стало нестерпимо неловко от самой этой ситуации. Оттого, что бегаю тут с подносами, подаю прыщавым юнцам пиццу, получаю шлепки подвыпивших посетителей. Как будто этот чужой человек прикоснулся к моей сокровенной тайне, почувствовал мою гордыню и то, как гадко мне находиться здесь, улыбаться в болезненном ожидании нескольких центов, гарцевать на шпильках между столиками. Он не стал расспрашивать меня ни о чем, хотя, наверное, ему очень хотелось. Ведь за границей ты бросаешься на звук родной речи, как голодная собака на кость, ты готов омыть слезами каждого, у кого похожий акцент.

Уходя, пожилой русский подошел ко мне, вложил в ладошку свернутую бумажку и сказал: «Ничего, девочка, ничего. Будет и на нашей улице праздник». Я стояла не шелохнувшись, а слезы крупными виноградинами быстро-быстро побежали по лицу.

Я открыла ладонь. Там лежала пятидолларовая купюра. За моей спиной стоял хозяин. Он аж присвистнул от русской щедрости (в его забегаловке редко оставляли такие чаевые).

За «Фуд крэш» с меня не взяли денег. Посчитали это боевым крещением. Только на работу я больше не вернулась, не смогла переступить внутренний барьер гордыни. Так бесславно закончилась моя карьера официантки. В тот самый вечер я вначале возненавидела, Олег, тебя за то, что ты отправил меня на эти чертовы заработки, а потом испытала такой прилив нежности, что просто боялась в ней захлебнуться. Я позвонила тебе и сказала, что очень хочу вернуться домой, что так сильно тебя люблю, как еще никогда не любила, и любви так много, что мне нуж-

но ее с тобой разделить. «Не ной, ты сильная. У тебя все получится. Не надо сдаваться. Ты вернешься и будешь об этом жалеть. Потом», – сказал мне ты. И все. Я не знаю, как объяснить это, но я действительно сразу же стала сильной. Очень. Я поняла, что смогу прожить без тебя, Олег, без Мити, Пети, Васи, без родителей, детей, котов и хомячков. Потому что есть я. И я – большая. Любовную лихорадку сняло как рукой.

Если бы тогда ты разрешил мне вернуться домой, то, наверное, я так всю жизнь и любила бы тебя, но никогда не стала бы такой сильной. И никогда бы так смертельно не устала быть такой сильной.

(Вспоминает).

Россия – состояние души. (Словно перебирает в памяти строки)

Россия – состояние тревоги. (Ищет словесную опору)

Не сточены мои карандаши,
Не пройдены еще мои дороги. (Напряженно вспоминает)

Но это бесконечное тепло,
И это беспросветное раздолье
Всегда меня на родину влекло,
Хоть русский хлеб не с солью был,
А с болью.

«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»... Что же там дальше? Я так много знала наизусть. Так любила поэзию. Жила в этом мире ритмов и образов. А сейчас... память рассыпается, как песок, и мне просто некому читать стихи, не с кем о них говорить...

Потом я вернулась. Только не привезла обещанных денег. Потому что после телефонного разговора с тобой, Олег, поняла, что в центре моей вселенной только я. Я и... моя книга. Я поехала путешествовать по Америке. Заработки закончились. Но мы все-таки поженились.

Знаешь, когда я была пятнадцатилетней девчонкой, мечтала заглянуть в будущее. Прожить один день моей двадцатипятилетней жизни, потом тридцатипятилетней, пятидесятипяти... И так, пока смерть не разлучит нас. Меня и жизнь.

Теперь я с ужасом думаю, что было бы, если бы та наивная девчонка увидела меня сегодняшнюю, совершенно не вписывающуюся в рамки тех пятнадцатилетних мечтаний о большой и чистой любви. И собственно, что бы было? Наверное, ей, веселой непоседе, просто расхотелось бы жить и стремиться к чему-нибудь. Жизнь принимает такие причудливые формы, что мы не всегда готовы их осознать и примерить на себя. Однако приходится...

Разве птица бывает высокомерной? Она просто слишком высоко измеряет пространство.

Разве птица бывает глупой? Она просто живет в другом мире.

Разве птицы на свете бывают? Это только тебе показалося.

(Копается в сумке):

– Ну, где же ключи? Как же я могла забыть их? Ну? Нет. Нет. Нет.

Как всякая половозрелая самка, я вскоре после свадьбы захотела ребенка. Маленький живой комочек плоти с хитросплетенными нашими генами. Но ты не спешил обременять себя отцовством: «Мы еще совсем не пожили для себя. Да и что мы готовы дать нашему ребенку?» Ты всегда был реалистом. Если мужчина не хочет жениться, то лучший день для свадьбы – в следующем месяце. Если он не хочет детей, то лучший ответ – в следующем году. И так четыре года подряд, пока я не написала...

Я рыдала в льняную простынь...
С некрасиво опухшей мордой
Я рыдала. Казалось, просто –
Бросив все, притворяться гордой.

Улететь? Раздобыть бы денег...
Взять займы на неделю где-то...
Убежать на Лазурный берег,
Где такое слепое лето...

А сегодня метель сквозь просинь
Замотала город в пеленки.
Я рыдала, рыдала простынь...
Я хотела родить ребенка...

А ведь я действительно рыдала. (Смахивает слезинки с глаз). Да, об этом, пожалуй, стоит написать в этом чертовом романе. Хотя получается какая-то спекуляция на чувствах. Но вся жизнь – одна сплошная спекуляция на чувствах. Разве не так?

Что произошло дальше? О, нет, ты не прослезилась и не затрахал меня до полусмерти, чтобы зачать малыша. Ты был цельной личностью. Гораздо более сильной, чем я. Так появился целый цикл про аборт...

Я тень убитого ребенка,
Тобой – во мне.
А он так жалобно и тонко
Кричит во сне.

Зовет и стирает руки,
Рвет тишину.
Как тяжелы мне эти звуки;
У них – в плену.

Да нет же. Все снова не так. Это не я. Это моя лирическая героиня. Маленькая женщина, чертенок, живущий в моей душе. Ее тошнило, било мелкой дрожью, она заламывала руки и шла на аборт. А я в это время сидела за письменным столом, всхлипывала и роняла в блокнот слово за словом. Чтобы стать тенью убитого ребенка, совсем не обязательно почувствовать внутри себя холодный расширитель Гигара.

(Героиня молчит, перебирает листы со стихами).

Все было с точностью наоборот. Помнишь, мы уже решили родить ребенка? А он все никак не хотел за-

водиться. У меня обнаруживали то эрозию шейки матки, то дисбактериоз, то дисфункцию яичников. Двадцать врачей – двадцать разных диагнозов. И каждые месячные я воспринимала просто как кровавые слезы матки о несостоявшейся беременности. Поэтично, правда? Так говорил мой гинеколог.

Написала целый цикл стихов «Моей нерожденной дочери».

Помню, когда гинеколог обнаружил дисфункцию, я присела в коридоре женской консультации и просто выдохнула из себя (садиться на край сцены):

Нет вестей. И я одна на свете.
Ящик пуст, и телефон молчит.
На моей на маленькой планете
Умер днем октябрьским пиит.

Он родился слабым и недужным.
А казался смелым и большим.
Был любим, но никому не нужен
Ангел с нежным именем моим.

Вновь возвращается к рукописи, листает...

Мои. Я всегда знала, что буду поэтом. С самого детства. Как только научилась, читать, писать и держать в руках ножницы. (Улыбается). Лет с шести я играла в писателя. Вырезала из журналов и детских газет стихи и рассказы любимых авторов, вклеивала их в тетрадки, рисовала к ним картинки и все тексты подписывала своим именем. Так я издавала собственные книги. У меня была целая полка таких монографий. Иногда я наклеивала в свои книги не всю историю, а лишь ее часть, продолжение дописывала сама и издавала книги в соавторстве.

Я знала, что у меня будут книги. Правда, не думала, что так мало... Когда в детстве мне не засыпалось,

я не считала слоников, я про себя читала любимые стихи. Долго-долго. Столько наизусть знала! Устраивали с подружками концерты... А теперь и почитать некому... (вспоминает):

Полна записная книжка чьих-то имен.
Страницы исписаны плотно и мелко.
Огромным магнитом застыл на столе телефон.
Тщусь позвонить...
...и разбиваюсь о стенку...

Несколько тысяч пустых и чужих номеров.
Я не по делу...

...мне просто тепла захотелось...

Два часа ночи.

Никто не готов

Выслушать душу,

Подняв из постели уставшее тело.

(Копается в сумке).

– Ну, где же ключи? Как же я могла забыть их? Ну? Нет. Нет. Нет. Достает из сумки собственный сборник.

Недавно тяжело заболела моя подруга, литературный критик. Болезнь подкосила ее, когда вышла в свет новая книга моих стихов. (Ненавязчиво показывает зрителям). Эта новость упала тяжелым грузом на сердце моей подруги, и тут же проявилась ее застарелая астма. Я сказала ей:

– Дорогая, напиши рецензию на сборник для журнала «Молодая поросль».

– Вряд ли прокатит. Тебе уже не двадцать пять. Не девочка. (Изображает подругу).

– Тогда, может быть, для газеты «Кризис среднего возраста»? У меня там много стихов о несчастной любви. (Продолжает разыгрывать сценку по ролям).

– Не выйдет. Не та тема. Да и кому сейчас интересны страдания поэтессы? К тому же в «Возрасте» все прекрасно знают, что у тебя в жизни все кризисы надуманные. Но книга хороша!

– Тогда, может, для «Всемирной литературы» заметку тисканешь. Мол, так и так, вышла, дескать...

– Ну, ты загнула! Не любят тебя там, не понимают... Прямо и не знаю, что делать...

– А ты напиши. Я сама куда-нибудь пристрою.

– Да болею я. Застарелая астма. Вот только, кхе-кхе-кхе, обострение пройдет, тогда...

Подруга потихоньку умирает. До сих пор. Я навещаю ее иногда. Зачем? Коварная штука – привычка. Но после этого разговора я написала еще одно стихотворение. Где же оно? Где? (Перебирает листы рукописи, находит, читает вслух).

А баловни судьбы лишь потому,

Что боль не доверяли никому.

На сталь переплавляли боль в груди.

Она на дне больших зрачков – гляди.

Счастливые... Наверно, так и есть.

Хоть ран незаживающих не счастье.

Завидуйте, завидуйте сильнее!

Еще есть силы, чтоб менять коней.

Мне уже... Господи, так много лет! А у меня до сих пор нет дома. Просто нет этого щемящего чувства «до-

мой». Вот идут люди, суетятся, спешат, торопятся домой, там, где живет их запах, где уютно, где можно ходить в затертом до дыр халате и разношенных тапках. А у меня никогда не было дома. ...Кажется, я родилась в общем вагоне поезда дальнего следования. И с детства знала, что когда-нибудь поезд хорошенько тряханет, двери с грудным надрывом откроются, и проводница скажет: «Это ТВОЯ остановка». Я выйду и пойду по следу собственного запаха домой.

А пока в вагоне смердят, кто-то курит, и я матерюсь, стараясь не нарушать гармонию общей картины. Еду в общем вагоне поезда дальнего следования и, чтобы не сойти с ума, устало шепчу себе: «Следующая остановка МОЯ». Следующая, следующая, следующая...

Когда я переехала в квартиру мужа, меня долго угнетало чувство, что он заработал деньги на эту жилплощадь, а я ему ничем не помогла. Я стала обставлять квартиру мебелью на свой вкус, но она странно болталась в воздухе – без стен, без окон, пола и потолка, которые мне никогда не принадлежали. Потом я, как кошка, все искала место, где пахнет мной. Но везде пахло другими людьми. Терпкий запах мускатного ореха исходил от моего мужа, шерстью пах кот, вареной сгущенкой – ребенок. Даже здесь нет моего запаха. Здесь просто пахнет дождем и чужой жизнью.

Мне бы дом обрести
И, усталой,
Расслабить бы в гавани плечи.
Я не знаю, как долго брести,
И грести в суете,
И насколько короткой
Окажется вечность...

Мне бы дом
Из коленей твоих и из рук,
Из покоя на грани безумств и истерик.
Мне бы дом,
Как спасательный круг...
Мне бы берег...
(Копается в сумке).

– Ну, где же ключи? Как же я могла забыть их? Ну? Нет. Нет. Нет.

(Ключи ищет в сумке, оттуда неожиданно падает метрика – маленький кусочек больничной клеенки. На котором пишут параметры новорожденного).

Метрика? Метрика моего сына. Ношу ее с собой как... нательный крест. Я уже почти отчаялась забеременеть, как вдруг это произошло. Утром, часа в четыре, рвотные спазмы погнали меня из теплой постели к белому другу. Тогда я, конечно, не сказала своему малышу «Здравствуй», подумала, что отравилась вчера в ресторане. Когда это повторилось на следующее утро, я упорно не хотела верить, что внутри меня есть чья-то маленькая душа, просто обострение гастрита после отравления. На следующий день что-то шевельнулось в моей душе, и я отправилась в аптеку за тестом. Опустила тоненькую полоску в пластиковый стаканчик с мочой, закружилась голова, и новый приступ токсикоза случился от неудержимого счастья. Я

была беременна.

Когда меня привезли рожать, в роддоме оставалось пятнадцать минут до пересменки. «Не повезло, женщина. Рожать в пересменку – гиблое дело», – сказал мне санитар. – «Гони каталку, я успею». Уставшая акушерка собиралась домой и разлилась на мои «несвоевременные» роды. Было холодно. На рыжую клеенку текла моя бурая слизь. И казалось, что роды – последний день в моей жизни. Умереть было не страшно, было страшно не увидеть малыша. Но потом пришел доктор, спокойный и уверенный: «Мамаша, все будет хорошо». Он дал глотнуть мне рюмку водки: «Легче пойдет, местная анестезия». Я вцепилась в него и тужилась, тужилась, тужилась... Представляла себя в объятьях доктора и думала о том, сколько на своем веку он перевидал разорванных вагин, каков же он в постели, пьяных дел мастер.

Мальчик. Три шестьсот. Пятьдесят два сантиметра ростом. Алексей. Защитник. В мальчишек с таким именем я всегда влюблялась в школе.

В два месяца у тебя, моя кроха, впервые поднялась температура. Тридцать девять и пять. Горячий маленький комочек беспрестанно кричал. Олег был на работе, и я металась, не зная, как эту температуру сбить. Ближе к ночи вызвала скорую. В твое крохотное тельце что-то вкололи огромным шприцем. Конечно, шприц был совершенно нормальным. Но рядом с тобой, двухмесячным малышом, он казался естественно громадным.

«У вас, мамаша, скорее всего воспаление легких. Так что либо в больницу, либо мы снимаем с себя ответственность за жизнь вашего крикуна». Я решила подождать с больницей до утра. Ненавидела эти казенные койки и холодные белые халаты с детства. Мне оставили две каких-то ампулы, рассказали, в какой пропорции смешать и куда вколоть, если температура поднимется снова. Я не могла представить, что проткну тебя, мой маленький комочек плоти. Но через час снова подскочила температура, и я в дрожащих руках разводила растворы для укола. Сидела у кровати и листала медицинский справочник по детским болезням, по алфавиту: А, Б, В, Г... Казалось, буквально все приводит к летальному исходу. К утру снова поднялась температура, я вызвала скорую и сказала: «Увозите в больницу». Нас привезли в инфекционную. Заперли в холодном маленьком боксе и приказали ждать врача. У медперсонала была рабочая планерка. Это мне так везет или у них всегда планерки с пересменками?

Через полчаса я стала кулаками стучать в стекло двери, на руках плакал ты, мой родной Алешка. Пришла санитарка, выругала меня, как школьницу, и сообщила, что планерка еще не кончилась. Часа через полтора нас осмотрел врач. Подтвердил подозрение на воспаление легких и отправил на анализы. Моча, кровь у мамы и ребенка. Укол, чтобы сбить температуру. Алешка, ты отказывался брать грудь и все время кричал. Я носила тебя на руках и пела. Не знаю, из каких глубин подсознания я выкапывала весь бластной, попсовый и лирический репертуар. «Гоп-стоп, мы

подошли из-за угла», «Алеша», «Катюша», «Мохнатый шмель на душистый хмель, цапля серая в камыши, а цыганская дочь за любимым в ночь»... Началась вторая бессонная ночь, я все пела, выла, читала стихи. Они не нужны были тебе, моему двухмесячному малышу. Они нужны были мне, чтобы не сойти с ума, измеряя шагами два метра длины и два метра ширины нашего маленького холодного бокса. Утром я позвонила Олегу, попросила привезти нам одежду и забрать, выкрасть, увести из этой чертовой больницы. Поскандалила с медсестрами и врачом, под расписку забрала домой своего малыша.

Вызвала участкового доктора, пришла крепкая тетка, покрутила тебя в руках, нажала на ушки, ты просто зашелся от крика. «Бабонька, да у вас просто отит», – сказала мне врачиха, – «Уши лечить надо»... Твои ушки мы вылечили, только у меня из-за всей этой невротрепки пропало молоко. И не вернулось.

(Садиться на скамейку, достает ручку из сумки, начинается что-то выцарапывать на скамье).

– У-у-у-у-у, почему ты не приходишь? Опоздаешь? Задержишься? А может, с тобой что-то случилось? Действительно серьезное... А я сижу тут, как дура, и коплю обиду за опоздание. Может, тебя пора спасать?.. А может, уже даже поздно?.. Витя, Витя, что же ты? Где ты?

(Вновь раздается резкий телефонный звонок. Поэтесса стоит в нерешительности. Телефон трезвонит).

– Ишь, какой настойчивый. Даже не знаю, подходить или нет. Опять, наверное, родители нашли повод настроение испортить... Или подруги... Не дай бог, редактор журнала... Я ведь так и не бралась за рекламную статью. Господи, да замолчишь ты или нет?

Включается автоответчик: «Здравствуйте, с вами говорит Ангелика Вереск. К сожалению, я не могу сейчас подойти к телефону. Оставьте, пожалуйста, сообщение после того, как услышите гудок. Я вам перезвоню, как только смогу».

(Поэтесса садится на скамейку. Ждет, кто оставит сообщение. Раздается красивый мужской голос на заднем плане, фоном звучит музыка, слышен женский смех).

– Ангелика, дорогая, сними, пожалуйста, трубку... Порывисто закрывает лицо руками.

– Я бы очень хотел тебя услышать... Мне почему-то кажется...

Нервно хватая трубку:

– Тебе все правильно кажется... Это я, Виктор.

– ...

– Забыл? Забыл о нашей встрече?

– ...

– Конечно, я очень рада, что все разрешилось само собой, что тебе не потребовалась моя помощь. Это просто чудесно!

– ...

– Должна тебе признаться, я тоже забыла прийти в парк. Замоталась! Было столько радостных новостей. Крупный издатель сделал мне сегодня эксклюзивное предложение. Так что я буду работать над новой книгой. Потрясающий заказ. Не могу рассказать в под-

робностях. Но знай, что я подписала обалденный контракт на чертовски интересный роман.

– ...

– Сейчас я дома.

– ...

– ... Городской не отвечает, потому что я принимаю ванну.

– ...

– Да, мобильный всегда со мной.

Слышишь, вода шумит? (Отрывает трубку от уха, выносит из беседки, где стучит дождь).

– ...

– Ой, хорошо! Пена цветочная с медом... Ммм. Маску делаю на лицо. Волосы крашу. Еще полчаса понежусь, побалую себя, любимую, горячей водичкой.

– ...

– А что за шум за твоей спиной? Вечеринка?.. (Звук музыки и смеха затихают).

– ...

– Вышел на балкон? Спасибо. Конечно, можем поговорить. Недолго.

– ...

– Кофе? С удовольствием, как-нибудь...

– ...

– Шесть лет слишком много... даже не знаю, что тебе рассказать. Вышло две книги. В Москве поставили четыре моих пьесы. Ты, наверное, слышал.

– ...

– Не слышал? Ну и ладно. Важнейшим из искусств у нас является кино. Вот снимут скоро фильм по моей повести...

– ...

– Нет, ты там не фигурируешь. С чего бы это? Ты всегда страдал манией величия! В том-то и сила настоящего писателя, чтобы каждый читатель, зритель, слушатель смог увидеть свою историю.

– ...

– Да, я осталась высокопарной. Просто не все крылья обломали. Помнишь, как ты называл меня птицей?

– ...

– Как жена? Дети?

– ...

– Мой муж? Замечательно. У него просто нет других вариантов. И все же зачем ты позвонил?

– ...

– Сын? Прекрасно!..

– ...

– Я не плачу, тебе бы просто этого хотелось.

– ...

– Нет, завтра точно не могу. Я же сказала, работаю. Крупный заказ для одного о-о-очень престижного издательства. Да и потом, я уже приглашена на романтический ужин при свечах. А ты думал, что я шесть лет сижу и жду твоего звонка?

– ...

– Боюсь, я не хочу знать, Виктор, насколько ты счастлив.

– ...

– Тем более, если это не так.

– ...

– Я правда не плачу. Уже очень давно.

– ...

– Нет, ты совсем меня не знал.

– ...

– Послезавтра? Послезавтра я улетаю в Италию. На неделю. Просто хочу подышать воздухом Флоренции, настроиться на работу. Может быть, как-нибудь потом...

– ...

– Да, я говорила, если ты хочешь увидеть человека, то все дела решаются сами собой и обстоятельства неминуемо ведут вас к встрече. Но почему ты решил, что я непременно хочу увидеть тебя?

– ...

– Витя, шесть лет – слишком долго. Уже поздно. Беспощадно и бессмысленно. Ты что, развелся?

– ...

– Ты пьян? Тебе изменила жена?

– ...

– Тогда я не понимаю, какой может быть кофе?

– ...

– Ах, черный...

– ...

– Нет, не надо читать мне мои письма. Я этого не вынесу. (Порывисто отключает телефон. Плечи мелко дрожат. Это слезы).

Мое сердце – усталый имам,
Поднявшись на минарет,
Черную боль отдает губам
И вере, которой нет.

Четырехкамерный метроном
Отстукивает спеша
Время, в котором есть хлеб и дом,
До времени, где душа,

Выскользнув, словно вода из рук,
Каплей уйдет в песок,
И, вздрогнув в небе, сорвется вдруг
Звезда и пронзит висок.

И будет солнце осколком дня
Для поллой трели души.
И слишком мало будет меня,
Чтобы к тебе спешить...

– Забыл? Ты забыл о нашей встрече! Как банально! Как просто! Господи, именно так все и должно было произойти. А я-то, дура впечатлительная, неслась к любимому, ключи забыла, жду его тут всю ночь напролет. (Дождь затихает).

(Находит под скамейкой мокрую плюшевую игрушку, щенка, прижимает к груди).

– Вот она я – забытая, промокшая под дождем игрушка, смешной щенок. Бездомный, несчастный. Вся жизнь под дождем. Стены протекают, на улице льет. В доме холодно, из дома выйдешь – на улице мокро. У-у-у-у-у-у-у-у-у. (Дождь кончился, на небе зажглись луна и звезды... Поэтесса, обращаясь к звездам, воздев руки к небу кричит).

– Ну что устались на меня, холодные, равнодушные? Да, такая я. Такая, какая есть! Живая, большая, настоящая! Завидно?

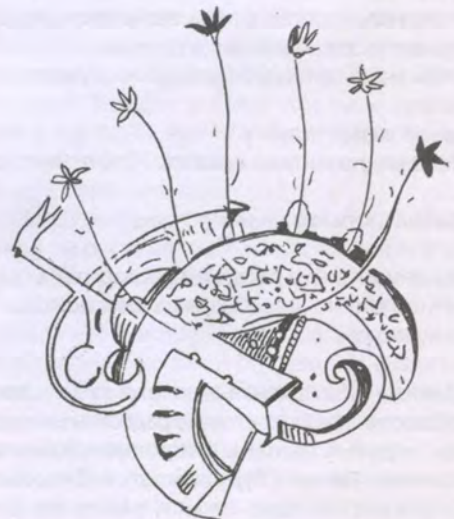
Завидуйте, завидуйте сильнее!

Еще есть силы, чтоб менять коней.

(Устало опускается на скамейку)

«Когда б вы знали, из какого сора»... Милая моя Анечка Ахматова! Достает из сумки сборник стихов Ахматовой:

– Всегда ношу с собой, как Библию. (Листает). Ну, конечно. Вот же оно.

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах всё быть должно некстати,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

(Раскрывает сборник на портрете, ставит на скамейку, достает бутылку коньяка, откупоривает.. Чокается с портретом. Рассказывает, обращаясь к Ахматовой, смакует коньяк...)

У-у-у-у, хорошо. Вот теперь можно согреться. Ждать Виктора бессмысленно. У него своя вечеринка. У меня будет своя. (Встает и кружится с бутылкой по сцене, продолжает рассказывать...)

В каком бы счастливым браке ни жила женщина, ей всегда хочется, чтобы один хороший парень в этом усомнился. Так я завела себе любовника. Или он завел себе меня? Короче, однажды в городе ко мне подошел мужчина и... усомнился в моем женском счастье. Это был Виктор. Он повел меня пить кофе в ближайший бар и долго-долго говорил про бездонное одиночество в моих глазах. А потом держал мою руку в своей и целовал мое обручальное кольцо на безымянном пальце. Только кольцо.

Мне так одиноко, что хочется вены
На волю весной отпустить.
И только губам еще может верить,
Но больше не может жить.
И северный ветер немного шершавым
Ласкает меня языком.
Такая нелепая странная драма.
В ней город совсем незнаком.
Мне так одиноко, бездонно, безгречно,
Что я, не дождавшись весны,
Еще в феврале, возвращаясь с мороза,
Спешу растолковывать сны.
Чужая квартира с моею пропиской,
И руки впервые чужие,
А острое лезвие тонко и близко
На краешке ванны лежит.
Воздушная пена – мое покрывало.
И не остывает вода.
А раньше я просто не замечала,
Какие пришли холода.
В тепло окунаю безвольное тело.
Нет, я не играю с судьбой.
...Растаяла пена, вода заалела,
Я просто вернулась домой...

Была ли я тогда одинока? Собственно, как и всегда. Я бравировала своим одиночеством. Я знала, что с ним делать. Оно давало мне возможность творить. Когда не с кем было поговорить, я разговаривала со своими героями, наделяла их не пережитыми мной страстями. Думала, я пою, а слышать меня никто не

умеет, значит, я просто опередила свое время, появилась на свет лет на сто – двести раньше, чем нужно было. Или на двести позже? Казалось, что одиночество – мое естественное состояние, возвышающее меня над другими суетящимися мурашками. Я не метала бисер перед свиньями, не стелилась перед дураками, осознавала, что мне тщетно найти понимание среди людей, которые боятся смерти и не могут летать. Кого-то держат за крылья, не давая взлететь, а кто-то просто рожден бескрылым. Такая вот генная мутация.

И все-таки иногда так хотелось вспороть кожу на грудной клетке, чтобы кто-нибудь заметил, как мне одиноко. Чтобы это заметил муж...

Утром я ждала, что позвонит телефон, и я услышу хорошие новости, или муж проснется раньше и скажет: «Доброе утро, любимая». Но всегда звонил будильник. И со временем я поняла, что одиночество – хорошая штука, когда есть кому рассказать об этом.

Знаешь, а мне так не хватает твоей любви,
Долгих ночных разговоров, чайной заботы.
Нежность мою знобит. Гриппует она, смотри,
Температурит и кашляет: «Где ты, что ты»...
А ты на работе, ты занят, ты важен, зол
Немного, для понта, малости нужной мачо.
«Не пей аспирин. Лучше выпишу панadol», –
Сказал мне доктор. Добавил:
«Мужчины не плачут».
Я – не мужчина. Я – просто бродячий щенок,
Которому негде приткнуться свою нежность.
Знаю, что панадолом выплатишь мне оброк
Нашей любви. Принимаю, как неизбежность.
Мне нужно работать. Пустые писать статьи.
Как же нелепо клянчить гриппом внимание!
Лающим кашлем не вымолишь каплю любви,
Глинтвейн с корицей меньше, чем понимание.
Хотя и глинтвейн я готовлю себе сама.
Имбирь мешаю с душицей и гвоздикой.
Меня доконала затянутая зима -
Вязкая, всепроникающая мастика.
«Опять алкоголь с панадолом?» – ты огорчен,
Принес два флакона «антигриппозных» капель.
Глинтвейн твой противно-горький,
он переперчен...
Ужин готов?» Я безмолвно встаю с кровати.
Нежность знобит. В ушах колокольный звон,
Будто бы я – обезглавленное распятие.
Легко раскололся на две половины дом.
И выдувает ветер парео и платья,
Фотоальбомы, безоглядную верность рук,
Пыль поднимает, гуляет... Он вольный – ветер.
Так и живем, гриппуя. Свой коротаем кру-
говорот надежд, боли, мечтаний о лете.
Каждый из нас по-своему одинок.
Лишних вопросов не задаем: боимся ответов.
Нежность моя – продрогший бродячий щенок -
Чихает и кашляет: «Ну что же ты, где ты?»

(Находит в сумке письмо. Еще одно неотправленное письмо Виктору. Читает отрывок).

– «...Неожиданно ты, мой случайный человек в кафе, показался таким родным, близким. Возникло чувство, что мы тысячу лет знаем друг друга, просто разлученные в детстве близнецы». Голова пошла кругом. Я летала как на крыльях».

Все успевала по дому, все просто горело в руках. Начался невероятный творческий подъем. Я написала ярчайший цикл стихов... мужу. Да-да, именно ему. Нежных, любовных. «Мое сердечко у тебя в руках, как лунный камень маленькой подвески»... Сама не знаю, как оно вышло.

Наверное, в моей жизни произошло чудо. А муж всегда оставался на высоте. Не мучил подозрениями, не звонил в неурочный час, не спрашивал, откуда в доме цветы. Он просто радовался моему хорошему настроению. Даже больше, чем ты, Виктор. Только не умел это высказать. Но я-то чувствовала. Мы ведь так много лет были вместе. И я словно снова его полюбила.

А ты, Витя – отдушина, свой человек. Нам действительно было хорошо. Вскоре ты предложил мне и руку, и сердце, и кошелек. Но я – женщина гордая и ужасная кривляка. Что ты! У меня семья – муж, ребенок и кот! Как можно-с. Тр...ся – одно, а портить романтику бытом – совсем другое.

(Возвращается к письму, продолжает читать).

«Знаешь, почему большинство женщин не сразу засыпают после оргазма? Им просто нужно еще доехать до дома. Но, кажется, ты не оценил мое чувство юмора.

На самом деле, я тряслась, как девчонка. Внезапно испугалась перемен, поняла, что пока не готова к такой решительной атаке, но почему-то не нашла нужных слов, чтобы все объяснить тебе. Муж, ребенок, работа, кот... И Ты на другой чаше весов. Ты не писал мне стихи, не дарил платья... Ты делал мне массаж, массаж ног... ровно год – долгий год нашего романа.

Знаешь, я так любила твои прикосновения, так безумствовала от твоих пальцев, что все-таки собиралась уйти от мужа, готовилась превратить нашу сказку в быт желтого тазика с вишневым вареньем. Хотя мы оба не любили варенье: ты из-за приторности, я – потому, что нужно было его варить. А ведь истинная поэтесса так далека от кухонных паров... рядом с тобой.

Рядом с тобой были сплошные поэтические безумства. Помнишь, как однажды мы купили несколько ящиков шампанского, притащили их в гостиничный номер и решили устроить себе ванну».

(Отрывается от текста, продолжает вспоминать).

– Откупоривали бутылки в ванной и целовались. Мы захмелели уже от самого приготовления этой ванны. Потом уселись туда и плескались, как дети, пару минут. В ванной отвратительно воняло брагой, мы вдыхали алкогольные пары, кожа впитывала их порами, но веселое сумасшествие не переросло в бурный секс потому, что уже через пять минут ты вынес меня на руках и, пошатываясь, с трудом дотащил до кровати, где мы тут же уснули просто мертвецки пьяным сном.

Однажды мы придумали рабочую командировку и укатили на три дня в Прагу. Ты купил охапку роз, шел впереди и усыпал мой путь лепестками. Горничная в отеле со злым видом заметала после моего королевского шествия нашу розовую дорожку. Все это было слишком хорошо, чтобы продлиться долго.

Некоторые львы сношаются более пятидесяти раз в день. Все равно хочу быть свиньей в следующей жизни... качество превышает количество... Мы занимались любовью на лепестках роз, но меня не оставляло щемящее необъяснимое чувство одиночества.

(Возвращается к письму, читает).

– «Я часто думала о том, что будет, когда ты разлюбишь меня. Я часто думала о том, что будет легко и немножко жаль, когда я разлюблю тебя. Ты сделал это первым. Обычно мужчины заканчивают раньше женщин.

Знаешь, как это было? Это было смешно.

Это было смешно до истерики, до судорожных спазм обрушившегося на мою голову правды его счастья. Ты не просто разлюбил, ты перевлюбился в другую женщину. Самое забавное в том, что та, вторая, не была молодой красивой душой, как принято. Она была на восемь лет старше меня, умная такая толстуха. М-да... Неисповедимы пути Господни».

Ну что? Что? Разве об этом можно написать в романе? «Так не бывает», – скажет читатель. Но в жизни все бывает, даже если кажется, что не так. (Всхлипывает)

Если бы ты навсегда исчез из моей жизни... Просто растворился, как мираж. Но нет же, ты никак не хочешь меня отпустить. Вначале, вернее, в самом конце наших отношений, ты мерзко сдрейфил, просто перестал мне звонить, отменял встречи СМС-ками на мобильный. А потом прислал письмо: давай останемся друзьями. И тут я вспомнила, как однажды ты спросил: «Что ты сделаешь, Ангелика, когда решишь бросить меня?» – «Скажу: давай останемся друзьями», – беззаботно прощепетала я, даже не подозревая, что сама вложила оружие убийства в руки своего рыцаря. Легко. Только перестало хватать воздуха и куда-то исчезла земля под ногами. Так я впервые закурила. (Закуривает). Давай останемся друзьями. В этот момент ты, Виктор, стал мне так дорог, так нужен, что я просто задыхалась от нежности, пока не заметила, что нежность задыхается мною. Сложила самолетиком письмо от любимого, подожгла и запустила с балкона шестого этажа.

Потом сама позвонила тебе. Стараясь придать голосу несвойственную мне мудрость и простоту, сказала, что давно ждала подходящего момента, чтобы расстаться, и все надеялась, что ты сделаешь это первым. Спасибо, спасибо тебе, Витенька! Ты всегда был таким чутким. Уловил мои колебания, все понял, написал это замечательное письмо.

Ха, ты был в страшной растерянности. Ты ждал от меня слез, выяснения отношений, ждал, что хотя бы спрошу, почему. Милый, ты совсем ничего не понял во мне! Я так и осталась для тебя закрытой, непрочитанной книгой. Гордость и боль оказались сильнее

любви. Они всегда сильнее, поверь.

Но тебе было мало. Ты написал мне еще одно письмо, в котором подробно объяснил, из-за кого и почему ты решил меня бросить (как будто я вещь!), даже фотку возлюбленной приложил. Это было необъяснимое хамство. Или глупость... Или желание сделать мне еще больнее? Зачем? Конечно, я выколола ей глаза... На фотографии. И что? Она продолжает прекрасно видеть, водит машину и нарожала тебе детей. Двоих. Мальчика и девочку. Она, в общем-то, хорошая баба. А я – стерва.

Говорят, мужчины любят стерв.
 Черта с два! Я истинная стерва!
 Каждое свидание, как нерв.
 Каждый мой возлюбленный, как первый.
 Извожу,
 ласкаю,
 низвожу,
 возвышаю,
 головы кружу...
 Только под венец идут с другими.
 Я их просто взглядом провожу.

Виктор, Виктор... Ты не звонил уже целых шесть лет! И вот ворвался сейчас так неожиданно. Может, стоило все-таки сходить с тобой на кофе? Может, все-таки любовь больше, чем гордость?

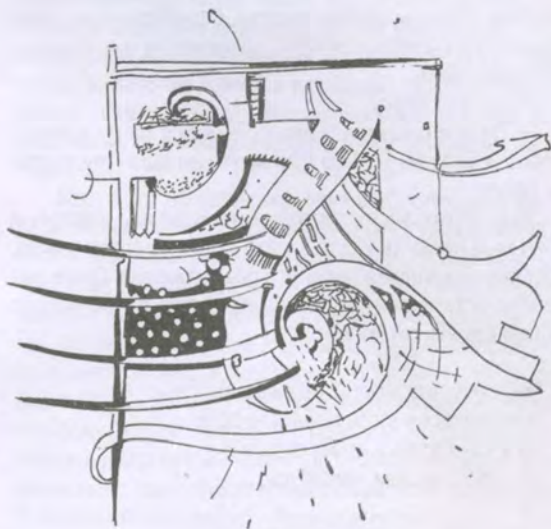
Ты, реальный, давно настолько чужой,
 Что меня ни на миг не спасают
 Повисшие длинной китайской лапшой
 Наши редкие телефонные стаи.
 И когда ты, реальный (взрывается пульс!),
 Возникаешь в моей телефонной лягушке,
 Я кривляюсь, я хвастаюсь, вру и смеюсь,
 Будто болтаю с лучшей подружкой.
 Ты, реальный, в реальной живешь семье,
 И пузатые дети зовут тебя папой.
 А жена, обнимая в постели, шепчет тебе:
 «Моя грелка, какой ты сегодня помятый»...

Все так странно: за тысячу долгих верст
 Ты живешь счастливый, спокойный, сытый.
 Но вчерашний сон мне тебя принес,
 И ладони были мои раскрыты.
 Я взяла тебя, как благовую весть,
 И легко положила тебя под сердце.
 Ты пришел в масть, как нательный крест,
 Ты пришел в звук, как знакомое скерцо.
 И теперь не знаю сама, отчего
 Не хожу я больше пустою вазой:
 Я ношу тебя, оттого тепло.
 ...Только больше ты не звонил ни разу...

Долго. Наверное, с год я мысленно разговаривала с тобой каждый день, задавала тысячу вопросов и один самый главный: «Почему?». Почему, почему, почему?

«Почему любовь уходит, оставляя в сердце боль?»

С этого текста я решила открыть (кривляется) новую грань моего таланта. Я захотела стать поэтом-песенником. В конце концов, сколько можно было писать «в стол», ждать очередного сборника в издательстве, когда вот они – деньги и слава – валялись под носом, бери не хочю. Эту тему не поднял бы только ленивый. Я никогда не была ленивой! Нашла композитора, набрала у него музыкальных болванок, рыб и стала строчить. Казалось, ну что тут сложного? Главное – быть поближе к народу. Доходчиво, о ежедневном и еженощном, простыми словами. Тягуче, певуче. Вот, собственно, и все нехитрые правила сочинительства. Однако все оказалось не так-то легко. Буквально на первом моем тексте композитор начал спотыкаться:

– «Неизведанная тайна на губах ее алела». Что такое «алела»? – строго спросил он меня.

– Это, типа, краснела.

– А раз краснела, то так и пиши. А то твое «алела» уж больно мудреное слово.

«Что за debil?» – подумала я. И отправилась на поиски другого композитора. Второй был не менее веселым. Из моих текстов он выкопал строчку «И любовь над крышами парит!».

– Чё это она у тебя там парит? И ударение неправильное.

– Да не парит она, а парит!

– Че делает?

– Летает, типа.

– Так и пусть себе летает, но зачем же парить кого-то.

Потом были и другие продюсеры, певцы и музыканты. Кого-то не устраивали тексты, кто-то не хотел платить, кто-то вдувал мне что-то про христианскую мораль, про то, что деньги за стихи брать грешно, стихи, они как птицы – родились и улетели. А что мне, простите, кушать, птицы вы мои дорогие?

Так я поняла, что автором современных хитов мне

не стать, а изменить поп-культуру в одиночку просто нереально, беспощадно и бессмысленно.

Три розы в мартовском снегу
Белее снега.
Я улыбнуться не могу,
Так сладка нега.
И тайной музыки – немой –
Звучит реприза.
Я в облачении самой
Священной ризы.
Я исчезаю – в никуда,
Но вы не верьте.
Существования беда
Страшнее смерти.

Я стала писать пьесы. Много. И рассылать их по театрам. Ответы не приходили. Однажды муж, вернувшись с работы, ласково спросил, чем я занималась весь день.

– Писала пьесу.

– Ты все пишешь и пишешь, я все пашу и пашу. Хороша житуха. Только почему-то ни один театр тебя не берет.

Все. Оторвался с потолка невидимый кирпич и упал мне на голову. Эта фраза стала началом конца, последней каплей взаимного раздражения. Даже сын не мог остановить покотившееся под откос колесо нашей семейной жизни.

Безрезультатность, безысходность,
Несовместимость наших чувств.
И я как будто в преисподней
С тобой рядом нахожусь.

Но ты – не Дьявол-повелитель,
Ты – узник веток в очаге.
И наша ветхая обитель –
«Гнездо» на птичьем языке.

Да, мы с тобой пернаты оба,
Хлопот семейных тащим груз.
Любовь накачивает злобой
И нежность оставляет грусть.

Да, мы с тобой крылаты оба,
Но окольцованы притом.
И кажется, что станет гробом
Огромноглазый светлый дом.

Еще чуть-чуть – и мы, возможно,
Преодолеем страх разлук
И потихоньку, осторожно
Друг друга выпустим из рук.

Словно в тумане, я решила уйти в никуда, сбежать от одиночества. Как можно сбежать от себя самой? Мы подали документы на развод. Я знала, что не буду подавать на раздел имущества. Что позволено быку, то не станет делать Юпитер. Я сняла квартиру, тихо

сбирала вещи в картонные коробки и говорила сыну, что у нас просто станет больше жилья, что он сможет жить, где захочет. Он смотрел на меня большими карими глазами Олега. И молчал. Как папа. Маленький, цельный, как скала, человек.

А потом была бессмысленная и беспощадная процедура развода, после которой ты, Олег, посадил нас с сыном в машину и повез домой. Мы тихо зашли в твою квартиру, сели в зале на полу, обнялись и долго плакали втроем, понимая, что это уже навсегда. Мы впервые стали по-настоящему родными людьми, которые просто запутались в сложной игре с названием «Жизнь». Потом ты пригласил нас на кухню готовить ужин, знал, как долго я мечтала приготовить настоящий семейный ужин. Приготовить его всей семьей. Но не так, когда мужчины на подсобных работах и только ждут, как бы смяться к телевизору, а когда все творят и каждый кусочек наполняется огромной любовью. Ты чистил картошку и плакал. Впервые. Я никогда раньше не видела твоих слез. Иногда даже просила: «Ты поплачь, сними стресс, легче станет». А ты говорил: «Я – мужчина».

А тут мы так светло и хорошо поплакали вместе. И я, и ты, и Лешенька. Поужинали и легли спать. Все вместе. На одной кровати, обнявшись, как старые друзья. Утром я разбудила сына и увела его в новую квартиру, в новую, незнакомую жизнь.

А Виктор все не выходил из моей головы. Сонет за рассказом, пьесу за песней я посвящала тебе, Витя. Запечатывала в конверты, шла на почту и возвращалась домой. (Открывает сумку, достает стопочку неотправленных писем, разбрасывает). Вот они. Неотправленные письма. К мужчине, которого я действительно любила. Я бредила им реже, но острее. Эта любовь стала моим хроническим заболеванием. Пси-

холог говорил, что я люблю не человека, а образ, который сама себе придумала. Что пора бы жить в реальном мире и беречь реальных людей. Да я и сама знала, что совместная жизнь с тобой принесла бы мне только разочарование. Ведь, по правде говоря, ты все-таки не был героем моего романа. Но, затронув мое самолюбие, мою гордыню, ты стал героем моих стихов, моих грез.

Я не могу не думать о тебе:
Ты в каждой капле моего восторга.
И, видимо, так хочется судьбе,
Чтобы влюбилась лань в степного волка.

Я знаю, будет роковым прыжок,
Я скоро сдам, не выдержав погони.
В безумствии придет смертельный шок,
Когда меня моя любовь догонит.

Ты насладись: коктейль кровавый свят,
От мяса пар почти живого тела.
И карие глаза мои горят.
Не беспокойся.
...Я сама хотела.

Мы жили с Олегом на соседних улицах, сын ночевал то у него, то у меня. Алешка и сейчас ночует у папы. Мы вместе проводили выходные, стараясь как можно меньше травмировать ребенка. Наши отношения с Олегом наладились. Мы просто перестали раздражать друг друга, но все то хорошее, что было, мы сберегли в душе. Иногда мы занимались любовью, незамысловато и просто, как старые друзья. Нам не нужно было друг друга удивлять и поражать, мы просто хотели получить разрядку.

Только люди и дельфины занимаются сексом ради удовольствия. Ну разве что еще свинья.

Потом в моей жизни стали появляться самые разные мужчины. (Достает из сумки несколько фотографий). Это доктор, который принимал у меня роды. У нас был короткий и бурный роман прямо на гинекологическом кресле. Совершенно нормальный мужчина, в меру внимательный и неприветливый. Этот – капризный редактор женского журнала, избалованный вниманием слабого пола. Это – поэт с синдромом маниакально-депрессивного психоза. То посвящал мне сладострастные поэмы, то впадал в апатию.

Этот был похож на Элвиса, Элвиса Пресли. Просто двойник. Натуральный. Эдик. Он во всем подчеркивал сходство. Собирал все записи Пресли, интервью. Он даже выучил английский! Просто помешался на Эле, пел, крутился у зеркала, имел триста сорок костюмов и все время спрашивал: «Я достаточно Элвис? Я натурально похож?».

Вначале меня это забавляло, потом наскучило, а в конце и вовсе стало противно. Я злилась и думала, что он радуется, а я бы огорчалась своей похожести на знаменитость. Я бы комплексовала, что не стала более знаменитой, чем Элвис. Хотела бы, чтобы Элвис изводился и старался быть похожим на меня. Ина-

че... иначе все бессмысленно. Хотя все бессмысленно и так.

(Взгляд падает на метрику, лежащую на скамье).

Мой сын. Ты почти вырос. Недавно я слышала, как ты, мой мальчик, кому-то рассказывал по телефону, что женишься на простой работающей девушке. Воспитательнице в детском саду. Главное – чтобы она хорошо готовила, стирала и вовремя заправляла постель. И тут я так четко осознала, насколько я – дурная мать. Все по-настоящему дорогое – тебя и мужа – бросила на алтарь своих стихов. Меняла мужиков, чтобы найти новые ощущения, новые сюжетные повороты и неожиданные творческие решения. Не пекла пироги, как делают другие матери, а все строчила и строчила, переводила тонны словесной руды. Ради чего? А ты, мой бедный, недолаканный мальчик, все время хотел простого свежего супа и тихих семейных вечеров без стука клавиатуры, без невнятных декламаций. Как же ты ненавидишь стихи! На дух не переносишь. Зато так ценишь ватрушки, домашнюю колбаску и пироги. (Закрывает лицо руками, опускается на колени, плечи вздрагивают, голос срывается на рыдания).

Всю, всю, до капельки, жизнь я положила на алтарь своих стихов. Моя жизнь теперь легко помещается в эту рабочую сумку – телефон, Ахматова, мой сборник, неотправленные письма, несколько фотографий, метрика и бутылка «Ани»... Ах, да, еще звезды. Жизнь с правом на звезды. Правом, которое никто и никогда не сможет у меня отнять! Неужели сейчас я сяду и напишу порнушечный тупой бестселлер для домохозяек, неужели я позволю им смеяться или плакать надо мной? Никогда! (Начинает рвать листы рукописи, продолжает захлебываться рыданиями. Внезапно плач стихает. Поэтесса прижимает к груди растерзанную рукопись, целует стихи).

Что же я делаю, дура набитая?! Стихи – они же, как дети. Они же живые, как любовь, как жизнь. Они же и есть вся моя жизнь. Все, что у меня было. Все, что после меня будет. Остальное мираж. Даже если они не лучшие, не самые гениальные. Они же МОИ дети. Мои. Понимаете, читатели и редакторы?

Беззащитна,
Приду нагая,
Лишь стихи на моих руках.
Первый камень – последний камень,
Приготовленных вами плах.
Пригвожденной рядами строчек
Быть назначено на роду.
А меня безродную – очень
Полюбили стихи, на беду.
Ни отстаивать их, ни бросить:
Видно, просто дурная мать.
Вот опять приближается осень.
Неизбежно мое – писать.

(Задевает локтем сумку, она падает со скамейки, из нее неожиданно вылетают ключи).

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

Пауза. Поэтесса изумленно смотрит на них. Молча снимает парик. Потом начинает истерически смеяться:

— Ключи, родненькие, где же вы прятались все это время? Что ж это я, как дура, тут всю ночь просидела? Домой, быстрее домой, в ванну — и спать. Потом прическа, макияж и обворожительная улыбка. Мне еще предстоит важный разговор с издателем.

Поэтесса опять надевает парик.

Ремарки:

В конце пьесы на скамейке в ряд должно быть выложено много предметов — вещей поэтессы. Вся ее жизнь. Символы жизни поэтессы являются персонажами, с которыми она ведет беседу, персонажами, к которым обращены ее монологи.

Сумка — сама жизнь.

Рукопись — издатель.

Телефон — мать.

Кольцо на левой руке — муж Олег.

Промокшая плюшевая игрушка — сама поэтесса.

Письма — любовник Виктор.

Фотографии — другие мужчины в жизни поэтессы.

Метрика — сын Алексей.

Сборник Ахматовой — творчество.

Собственный сборник стихов — попытка самореализации.

Бутылка «Ани» — одиночество.

Ключи — последнее звено, которое помогает понять, что в жизни героини завтра ничего не изменится.

АБАРИНОВА Антонина Ивановна (урожд. Рейхельт, 1842 — 1901), авт. воспоминаний.

Актриса. Училась у П. Виардо в Париже. Была знакома с И. С. Тургеневым. Ее "Воспоминания". \ \ "Ист. вестник" 1901. Т. 83. № 1 С. 213-224. В ЦГАЛИ хранятся ее письма к режисс. и драмат. Е. П. Карпову, драмат. М. И. Чайковскому, актрисе М. Г. Савиной. Ее фото — в ЦГАЛИ.

Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т. 3. Ч. 3. № 6686; Лит. архив. 4.

АБАШКИНА Мария (1886 —), авт. воспоминаний.

Ткачиха. Воспоминания — в кн. Абашкина М., Илюшина А. С., Карлухин Ф. Ф. «Повесть о трех» М., 1935. С. 7-55. (детство в рабочей семье; раменская ткацкая фабрика Моск. губ.; детский труд; замужество; народ. свадеб. обряды; участ. в рабоч. движ.).

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 1. № 797.

АБРАМОВА

Автор брош. "Крестьянин и рабочий". Екатеринбург, 1917. Изд. Екатеринбург. комитета партии социалистов-революционеров. Брош. переплетена вместе с безымянной брош. «Народ и богачи», изданной казанским комитетом той же партии.

Каталог Белинки (Екат.)

АБРАМОВА Ан.

Автор кн. "Царь Саул" Поэма в 5 картинах. (Спб., Тип. М. Волковича, 1911)

Венгеров. Источ.

АБРАМОВА М.

Сотр. в газ. "Рус. Вед." — крипт. Аб -ва, М. (1897. № 3). Масанов.

АБРАМОВА Мария Морицевна (наст. фам. Гейнрих; 1865 — 1892), авт. стихов и рассказов.

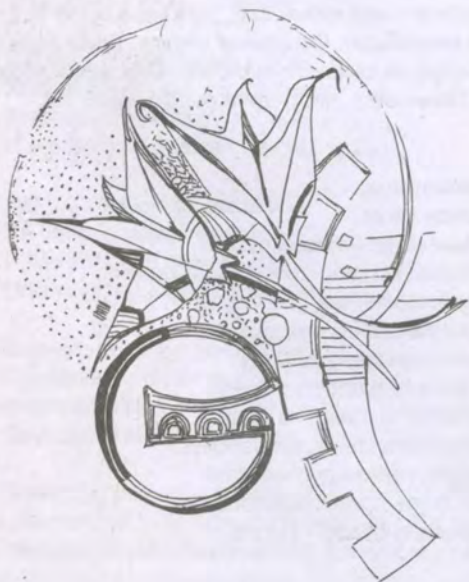
Актриса, антрепренер; гражданская жена писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. Род. в Перми, где держал фотографию ее отец, венгерский офицер. Училась в Пермской жен. гимн, потом — на казанских фельдшерских курсах. Выступала на сценах многих городов России. Общалась с литераторами. Писала стихи и печатала их в провинциальных изданиях, в т. ч. в «Екатеринб. неделе» (1890). После нее остались неоконченные рассказы. О ней: Друг (Маноцков В. И.) «М. М. Абрамова: Воспоминания». «Дневник артиста». 1892. № 4 (некролог-воспоминания).

Голдин; ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. № 2398.

АБРАМОВА-КАЛИЦКАЯ Вера Павловна (урожд. Абрамова; в первом браке Гриневская; псевд. Алиен, В.; 1882 — 1951), писательница, авт. воспоминаний.

Дочь петербург. чиновника. Была одно время женой Александра Грина (Гриневского), но вскоре они развелись. (См. Петряев Е. Д. Лит. находки. С. 200) Авт. расск. для детей "Беглецы" (М.-Пг., 1923); "В Лапландии", "Лошадь Василия Дмитриевича" (1925), "Миллионы глаз" (М.-Л., 1931), "Храбрый пастух и великий ученый", рас.-быль (М.-Л., 1928), "Искатели нефти", рас. для юнош. (1933). Сотр. в «Читальне народной школы», «Проталинке», «Дет. отдыхе», «Тропинке», «Всходах», «Всеобщ. журн.» (1910-11) — Алиен В. «Из вос-

(Продолжение на стр. 47.)

Валерий ШАКАЕВ,
фото автора

Дети снегов

*Торум ет, отыр ет! За веру, за богатырей!
(Мансийский тост).*

Хандыбина юрта

От натопленной железной печки в доме стало так жарко, что пришлось приоткрыть двери в сени. Вместе с теплом потянулся струйкой к выходу папиросно-сигаретный дым. При приглушенном свете керосиновой лампы справа от входа, у печки, на стене виднеются полки для хранения посуды, слева – умывальник. Вдоль остальных стен располагаются кровати, у окна – кухонный стол.

Кровать главы дома, 62-летнего Петра Андреевича Хандыбина, стоит, как и положено в мансийских жилищах издревле, в правом переднем углу. Над ней – священная полка с занавеской, за которой хранятся культовые предметы. На попытку узнать, что именно хранится и можно ли посмотреть, хозяин уклончиво ответил: «Конечно можно, но...»

Известный этнограф А.В.Головнев в книге «Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров» утверждает, что на полке лунх находятся изображения духов-покровителей, шкуры и черепа медведей. У входа под потолком приспособлено, видимо, для просушки, несколько пар охотничьих лыж, недавно изготовленных хозяином...

С директором Североуральского музея Светланой Ивановной Литосовой мы в Ультеме-Урае-пауле («поселение в середине горелой старицы») – поселке из одного дома на р. Пелым, где всего два

Сумки-тучан. На тучане в руках – узор «паук», тучан на стене – «коршун».

Окончание. Начало в № 12, 2004 г., № 1 2005 г.

**Н.И.Анямова с сыновьями демонстрирует
собственноручно сшитую малицу.**

жителя: Петр Хандыбин и его сын Владимир. На карте области это место отмечено как «Хандыбина юрта».

С Верхнего Пельима на лодке с мотором нас доставил сюда Владимир Бувеский, друг семьи Хандыбиных, хорошо знающий эти места. Выехали поздно вечером, целый час плыли в сплошной темноте, иногда освещая берега фонариком, за что дважды были «наказаны». Один раз «сели» на упавшую и перегородившую реку ель, второй раз – ветки низко склонившейся над рекой березы чуть не сняли с наших голов скальпы.

У дома Хандыбиных громким лаем встретили нас Хансик и Лепок – собаки-лайки, разбудившие не ожидавших нас в такое время хозяев, заставив их взяться за ружье.

«Мы думали – не волки ли?» – облегченно выдохнул Петр Алексеевич. Волков в последнее время развелось много, и именно это стало основной причиной, по мнению Хандыбиных, отказа ивдельских манси от занятий оленеводством.

Хандыбины хорошо говорят по-русски. Владимиру Хандыбину 33 года. До семи лет говорил только по-мансийски. По-русски научился в интернате в п. Полуночном, где проучился 8 лет.

В 1987 году призвался в армию, служил в Крас-

ноярске. После службы вернулся домой, в Пелым, до 1994 г. пас оленей. Стадо насчитывало 80-100 голов.

Я попросил Володю рассказать о себе по-мансийски. Вот как это прозвучало:

Ам намум Владимир Хандыбин. Анум налыман нупыл хорум тал. Ам вораеум и хули алычлеум. Ам алсум ята Полум кол. (Меня зовут Владимир Хандыбин. Мне 33 года. Я охочусь и ловлю рыбу. Я родился в доме на Пельиме).

Дважды встречался Володя с медведем. И оба раза медведь поворачивался спиной и убегал. Рассказывал Владимир и такой случай. В детстве он рыбачил на озере у Кирилл-пауля (на р. Пельим), заметил блестящий черный предмет длиной 2-3 м, шириной 20-30 см. Через некоторое время он исчез в воде. Затем появились круги на воде, постепенно увеличивающиеся в размерах. Потом из воды вдруг забил фонтан, поднимаясь все выше и выше. Даже выше елей. Кто это или что это? Никто ему не мог объяснить.

На вопрос: «Когда Хандыбины поселились на Пельиме?» – ответил: «В начале XX века, когда дед пришел с Тюмени» (Тюменью манси называют весь Тюменский край).

Что же представляет собой пауль у Полум махум (пельимского народа)? Посмотрим на примере Ультем-Урай-пауля.

В центре стоит дом (кол). Метрах в десяти – печь для выпечки хлеба, справа – две конуры для собак-лаек, в виде шалашика (кутювкол). Недалеко от печи – место для сушки мяса, рыбы (савок). За савоком – сумьях (хозяйственный сарай на сваях). За домом, у леса – ялпынг сумьях (священный амбарчик на сваях). Тропинка налево от дома ведет в лес к савонкану (семейному кладбищу), расположенному в 100–150 метрах.

К Хандыбиным можно попасть не только по Пельиму. От поселка Верхний Пельим на север идет УЖД – узкоколейная железная дорога, так называемая 7-я ветка. Но она настолько разбита и так заросла, что по ней проехать может решиться только отчаянный парень. От ветки до юрты всего два километра. Но нам вполне хватало испытать все «прелести» УЖД – «ужасной железной дороги», как в шутку называют ее местные жители, проехав по ней от п. Хорпия до Верхнего Пельима.

От Хандыбиных узнаем, что в 28 км вверх по Пельиму расположено поселение Петра Курикова – Урай-пауль, в котором проживают 5 человек. Вместе с Петром Куриковым – Николай с женой Полиной и двумя детьми. В 12 км от юрты Петра Курикова раскинулся Овун-Я-пауль, где хозяином его брат Семен, а на Каменном Пельиме – Ахвасым-Полум-Пауль (на карте – Самбиндалова юрта).

Торум – верховный языческий бог у «детей природы». Несмотря на всеобщую христианизацию, разграбление, сжигание, разрушение святилищ, манси сохранили веру в своих богов. И в подтверждение тому – священные амбарчики во многих

паулях, сберегаемые и в наши дни. Например, у Хандыбиных и в Тресколье.

«...Возле избы высоко над землей, на трех срубленных соснах – священный шайтанский амбар. Там на растеленной медвежьей шкуре покоились идолы, родовые божки, что приносят удачу и счастье. После охоты мужчины приносили жертву Акынь на медном блюде, подносили божкам соболиную шкурку, кусочек сохатины, белую тряпочку или лосяные рога. На стенах шайтанского амбара на рысьих и бобровых шкурах висели священные лук и стрелы, жертвенные нагрудники, украшенные бисером. Под страхом смерти древние законы запрещали женщине дотрагиваться до священных стрел и кованных чаш». (Сазонов Г.К., Конькова А.М.).

Вот провожу вас и понесу в жертву соболя, сообщил нам Володя Хандыбин перед нашим отъездом, а вернее, отплытием из Ультем-Урай-пауля.

– Хотите посмотреть вор-кол (лесную избу) Куриковых? – спросил Володя.

Получив согласие, он направил лодку в одну из протоков, мимо довольно большого острова посреди Пельыма. Вскоре, оставив лодку на берегу, по едва заметной тропе мы вышли на поляну, посреди которой стоял небольшой дом, рядом – хозяйственный сумьях. У каждой мансийской семьи, кроме постоянного пауля, по тайге разбросаны 6-7 таких вор-кол. Осмотрев хозяйство и сделав несколько снимков, поплыли дальше. Через полчаса увидели на берегу сваленные в кучу еловые бревна и две уткнувшиеся в берег лодки.

– Дома Куриковы, – утвердительно сказал наш проводник. А потрогав мотор на одной из лодок, заключил:

– Только что перед нами приплыли, лес заготавливают.

А лес здесь растет в основном только по берегам рек, дальше – сплошные болота. Ели, березы, пихты, склонившись над водой из-за подмытых корней (берега глинистые), образовали коридор, а упавшие в воду – многочисленные заторы.

«...Дерево встречало человека и провожало в неземной мир. Оно встречало рождение человека в мань-коле – маленьком доме, берестяная люлька апа покачивала его, пока он ползал и был слабее птенца, оно спасало его юртой – избой из вековых лиственниц, оно оберегало его в охотничьей лесовней юрте – вор-кол. И дерево провожало его, когда угасала жизнь. Деревья-друзья, деревья-пища, деревья-красота, деревья-вчера и сегодня, деревья-завтра, много зим наперед.» (Сазонов Т.К., Конькова А.М.).

Бревна, что лежат на берегу, пойдут на изготовление лодок. Подходя к Урай-паулю, расположенному на огромном острове, образованном старицей и рекой, заметили справа от тропы дециметровой толщины плаху, закрепленную как в тисках, лежащими с обеих сторон поперечинами, обилие щепок. Здесь распиливают бревна на доски при помощи бензопилы.

Лодки (хап) пельымских манси отличаются от лозьвинских. Они намного короче, легче. Вспомнилось, какие усилия стоило приложить осенью того года у Тресколя, чтобы стащить лозьвинскую лодку к воде, протасив почти десять метров по берегу. Лодки там носят название «бурмантовки» (по названию поселка Бурмантово, где их строят). Длина ее 5–7 метров, а ширина – около метра. Так и хочется назвать ее индейской «пирогой». А сходство с ней придает остроконечный, высоко поднятый над водой нос. «Бурмантовка» быстроходна, управляется только одним шестом.

Во время археологической экспедиции в Бурмантово вечером после работы неоднократно наблюдал, как ребята играли на реке в «догонялки». Черемуховские юные археологи на «резинке», нажимая на весла, с трудом «уносили ноги» от «бурмантовки», умело управляемой местными мальчишками и девчонками. Только большая маневренность «резинки» часто выручала наших ребят.

Почему же лозьвинские манси предпочитают «бурмантовки», а пельымские – более легкие «дощатики»? Все очень просто. У Лозьвы-реки – каменистое дно, а у Пельыма – глинистое. И тонкостенные лодки быстро прохуляются на многочисленных лозьвинских перекатах, через которые часто приходится тащить их волоком.

Поселок Тресколье. Священный сумьях.

Но вернемся на берега Пелыма. Справа в старнице виднеется каркас изгороди. Когда весной старница заполнится водой, ее перегородят изгородью с ловушками в отверстиях (арпи). Запорный лов рыбы, широко распространенный в древние времена у всех финно-угорских народов, большую роль играет и сейчас.

Ароматный запах хлеба ударяет в ноздри, напоминая нам о времени обеда.

– Полина Павловна хлеб испекла, – резюмировал Володя.

Разнобойным лаем собаки известили хозяев о нашем приходе.

После краткого знакомства, и пока накрывали на стол, осмотрел хозяйство Куриковых. Полина Павловна, хозяйка пауля, доставала хлеб из печи, которая, в отличие от традиционного расположения ее на улице, размещалась в своеобразной летней кухне, примыкавшей к дому через крытое дощатое помещение типа сеней. Рядом с домом – небольшой огород с еще не выкопанной картошкой (экспедиция состоялась в начале сентября). Метрах в 10-ти – второй дом с примыкающим к нему огородом такого же размера, что и первый. Николай Гаврилович, младший брат Петра Гавриловича, показал мастерскую, в которой лежало несколько уже готовых нарт, чуть больше традиционных по размерам.

– Это нарты (сун) под «Буран», – ответил Николай, заметив мое недоумение. Здесь же красовался новенький снегоход – оплата Куриковым от югорской администрации и мэрии за возведение мансийских домов в музее под открытым небом в городе Югорске Ханты-Мансийского национального округа. Музей был открыт в 2002 г.

Нарты пользуются большим спросом, особенно у русских, поэтому без заказов Куриковы не остаются.

«...В давние времена, куда обессиленно добирался Птица Памяти, травы и деревья отдавали людям плод, семя и соки. Звери приносили жир и мясо, реки – рыбу, и дарили звери людям лишние шубы и в худые годы делились последней шкуркой – ведь были они братьями и сестрами. Ведь они понимали друг друга и помогали сберечь чужую жизнь. Самые старые манси слышали от прадедов, тем передали их прадеды, что в те времена медведь был их старшим братом, лось – средним, а журавль и лебедь – младшими. Чайки и гагары были людям сестрами, а это значит, для кого-то матерью, бабушкой, и положили они начало роду людей Чайки, Гагары, Гуся или Лося». (Сазонов Т., Конькова А.М.).

И сейчас пелымские манси в честь лося проводят праздник Лося, медведю посвящают Медвежий праздник, даже ворону не забывают в Вороний день.

Когда еще существовал Суеват-пауль (манси называют его Налми-паулем, а Верхний Суеват-пауль – Пуй-паулем), ивдельские манси обычно уст-

раивали там Медвежий праздник на Новый год (Васил хотэл). Туда съезжались из Тресколя, из поселений с Пелыма. Одной из наиболее интересных частей Медвежьего праздника пелымских манси являлись кукольные представления. Куклы назывались йиквне хум и йиквне нэ – танцующие мужчина и женщина. Их делал Петр Гаврилович Куриков.

Это были деревянные фигурки, укрепленные на шпешках. Куклы управлялись с помощью ниток, привязанных к пальцам кукольника, играющего на санквылтапе. У Петра Гавриловича сохранились куклы, и он продемонстрировал нам, как они танцуют.

Рыбаки, туристы, охотники, ученые-исследователи, неоднократно встречавшиеся с манси, хантами и другими коренными жителями Севера, отмечают их замкнутость, немногословность. И виной этому – не суровость условий жизни, не отдаленность от цивилизации, а просто степень их доверия к собеседнику. Этнограф и историк Л.Н.Гумилев называет это комплиментарностью, т. е. неосознанной симпатией к одним людям и антипатией к другим.

Уже через полчаса нашего пребывания в Ультем-Урай-пауле Петр Андреевич сыпал шутками, и от смеха в теплом доме Хандыбиных стало еще теплее... Чувствовалось, что хозяин знает много инте-

УЖД - ужасная железная дорога.

ресного, о многом может рассказать, но не надо его торопить.

Так получилось, что при возвращении в Хорпию и в лодке, и на дрезине я оказывался рядом с Петром Андреевичем (он вез ягоды и дичь на продажу). Я расспрашивал его о тех местах, которые мы проезжали, интересовался мансийским языком. Отвечая на мои вопросы, Петр Хандыбин поинтересовался моим отчеством и фамилией. Призадумался. Может, искал в них родственные корни? Не стал я тревожить его мысли своими расспросами, для чего ему это нужно, чтобы не разочаровать. Потому что во мне течет марийская кровь, кровь одного из народов финно-угорской ветви уральской языковой семьи. К этой ветви относятся и манси. Но если мари – народ финской группы, то манси – угорской. История свидетельствует о мирном соседстве этих народов, об их интуитивном чувстве родственности.

В Хорпии Петр Андреевич пригласил меня в гости. Там у него дом, в котором живет его жена Анна Кирилловна. Пока мы разгружали дрезины и ставили их в гараж, он несколько раз пытался выяснить, когда я к нему зайду. Но поскольку мы собирались вскоре выехать в Североуральск, я не мог пообещать ему. И когда поздним вечером мы покидали засыпавший поселок, остановились на минутку у дома Хандыбиных, чтобы попрощаться, Анна Кирилловна сообщила, что Петр Андреевич очень ждал меня, да, не дождавшись, уснул. О чем хотел поведать старый манси? Этот вопрос будет волновать мое воображение всю зиму, до новой нашей встречи. А пока – ос емас улум, Полум махум! – до свидания, народ Пельыма!

Позади три этнографические экспедиции, в ходе которых мы познакомились с жизнью манси в поселках с преобладанием русскоязычного населения (Бурмантово, Хорпия, Верхний Пельым), в мансийском поселке Тресколье-Керасколя, в традиционных паулях по реке Пельым. Оказалось, не мы одни «проторили дорогу» к манси севера Свердловской области. В последние годы к ним приезжали музейные работники Екатеринбурга и Югорска, корреспондент ханты-мансийской газеты «Лунма сэрипос» Светлана Ромбандеева – племянница известной мансийской ученой Евдокии Ромбандеевой, с сотрудниками музея-заповедника «Торум-Маа». Частый гость у них Анатолий Гуцин – корреспондент «Областной газеты». Кинорежиссер Аркадий Морозов снимает два фильма об аборигенах.

Проживая в поселках, манси в основном утратили свою культуру, традиции, частично – язык, многие пристрастились к «зеленому змию». Лишь в паулях пока сохраняют традиционные промыслы и, несмотря на все катаклизмы XXI века, хранят веру. И пока стоят Урай-паули, Ультем-Урай-паули, – будет жить народ манси и будет звучать по большому празднику: «Торум ет, Отыр ет!». За веру, за богатырей!

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

поминаний» – в кн. «Воспоминания об Александре Грине» Л., 1972. С. 153-203 (1906-1912, 1917-1921). Работа в нелег. «Красном Кресте», знакомство с Грином. Бегство Грина из ссылки. Уход В.П.Калицкой из дома, семейная жизнь с Грином в СПб. Арест Грина (1910). Венчание. Жизнь в ссылке в Пинеге Арханг. губ. Лит. работа Грина, круг его чтения. Образ жизни писателя).

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 8692.

АБРИКОСОВА-ТИХОМИРОВА Лидия Владимировна, авт. воспоминаний.

Жена артиста, балетмейстера и педагога В.Д.Тихомирова. Стала сост. (вместе с Н.П.Рославлевой) сб. «Василий Дмитриевич Тихомиров, артист, балетмейстер, педагог» (М., 1971) и написала для него воспоминания «Самый близкий друг».

ИДРДВ, Т.4. Ч. 4. № 7700 а.

АВАРОВА

(См. Макароза С.М.)

АВГУСТИНА

Инокния, публиковала стихи «Екатеринбургских епарх. ведомостей» (1912-1916), а также в «Тобольских епарх. ведом.» (1916).

Голдин.

АВДЕЕВА Екатерина Алексеевна (урожд. Полевая, 1789 – 1865), прозаик-очеркист, издат. русских народных сказок, автор книг по домоводству.

Сестра писателей-славянофилов Н.А.Полевого и К.А.Полевого. Рано выйдя замуж за иркутского купца П.Авдеева, путешествовала с ним по Сибири, а, овдовев, много ездила по России. Творческие интересы А. очень разнообразны. Исследователи называют ее первой сибирской писательницей. Ее «Записки и замечания о Сибири. С прилож. старинных рус. песен» (М., 1837) – «одна из первых... собственно этнографических» книг (А.Н.Пыпин). Написала также «Записки о старом и новом русском быте» (СПб., 1842); «Очерки масленицы в Европ. России и Сибири, в городах и деревнях» («Отч. зап.» 1849. № 2). Эти книги А. берегут для нас обычаи, нравы, суеверия и предрассудки, детали быта русского народа. Собственно беллетристич. произв. А. («Русские предания. Солдатка» – 1847; «Страшная гроза» – 1848) тяготеют к жанру физиологич. очерка. А. принадлежит заслуга отбора и лит. записи русских народных сказок, вошедших затем в фонд русской детской классики. Сказки А. – «первая подлинная запись из уст народа» (В.Я.Пропл). Екат. Алексеевна – автор первых в России хозяйственных книг; создала своего рода энциклопедию практических советов на все случаи жизни. После отмены крепостного права выступала за устройство в России ферм, как наиболее рациональной формы ведения хозяйства.

Русские писатели (портр.); Слов. рус. писательниц; ИДРДВ. Т. 2. Ч. 2 (указ. имен); Лит. Сибирь.

(Продолжение в следующем номере.)

НАГАДАННЫЙ

Таня, окончив школу, недолго думала, куда поехать учиться. Ткнула в карту пальцем. Выпал Н-ск. Приехала. Поступила в университет на физический факультет. Поселилась в общежитии.

Новые друзья, новые отношения и... Зима наступила очень быстро. Весело, впервые вдали от родителей, встретили Новый год. Неожиданно, где-то к вечеру, вдруг обнаружили, что уже шестое января. Ночь под Рождество. Надо гадать. Решили вызывать духов. Студенты – народ легкий на подъем, организовались быстро. Достали лист ватмана и расчертили его для спиритического сеанса. Людмила принесла три стеариновые свечи. К полуночи все было готово.

Девушки закрылись в комнате. Занавесили окна, чтобы парни из соседнего общежития не могли подсмотреть. Обернулись простынями, распустили волосы, зажгли свечи и, изо всех сил стараясь быть серьезными, приступили к гаданию. Духи Пушкина, Толстого, Чехова и Достоевского, по-видимому, в эту ночь были заняты и не ответили девушкам. И тут Татьяна вспомнила свою бабушку Ольгу Львовну. Она померла два года назад.

– Вызываю дух моей бабушки Ольги Львовны, – торжественно сказала Таня. Вдруг блюдце дрогнуло, девчонки завизжали.

– Тише, вы, – цыкнула на них Людмила. – Продолжай, Таня. Дух ответил тебе.

– Ты будешь с нами разговаривать? – спросила Таня, и блюдце покатило к слову «да».

Все вопросы моментально вылетели у девушки из головы.

– Спроси, выйдешь ли в этом году замуж, – шепотом подсказала ей Людмила.

– Выйду ли я в этом году замуж? – срывающимся голосом проговорила Таня. Блюдце снова указало на слово «да».

– Спроси, как будут звать жениха, – снова подсказала Людмила.

– А как будут звать жениха? – и блюдце, двигаясь от буквы к букве, написало: «СЕРГЕЙ».

Знакомых Сергеев у Тани было много. Который из них? Или кто-то новый? Интересно...

– А какая у него будет фамилия? – волнуясь, спросила Таня. Блюдце скользнуло к букве «п» и замерло.

– На букву «п». Это судьба, – прошептала Людмила, – спроси еще что-нибудь.

О чем еще можно спрашивать после всего этого?! Татьяна поблагодарила дух бабушки и отпустила его. Все остальное время, пока девчонки гадали, она сидела слегка ошалевшая. Надо же, в этом году выйдет замуж. Мужа будут звать Сергеем. Ей это имя нравится. Фамилия на букву «п». Таких знакомых у нее нет. Значит, познакомится. Но ведь перед свадьбой нужно еще и подружить. Времени совсем не осталось... Что делать?

Сдали сессию. Закончились каникулы. В самом начале второго семестра Людмила съехала из общежития. Она вышла замуж за студента биофака, с которым уже давно дружила. А через месяц пригласила Таню в гости на день рождения мужа. А он позвал своего одногруппника, которого звали Сергей Поляков. Таня сразу же поняла: это Он. Но как-то было ее удивление, когда через неделю после этой встречи познакомилась в библиотеке с Сергеем Прохоровым. А еще через неделю – в общежитии с Сергеем Пойда. Потом – с Сергеем Примаковым. Казалось, где-то рядом находится рог изобилия специального назначения. Парни с именем Сергей П. прибывали и прибывали. Девушка начала избегать новых знакомств и при всяком упоминании о гадании истерично смеялась.

Так прошла весна. Таня полностью сосредоточилась на экзаменах. А потом уехала в стройотряд. Но и там находились все новые и новые Сергеи П. Теперь, знакомясь в очередной раз, она спрашивала: «Надеюсь, Вас зовут не Сергей?». И слушала привычный ответ: «Именно Сергей. А как Вы догадались?». И после стройотряда все продолжилось. А после встречи с Серго Павлиашвили Таня в сердцах воскликнула: «Бабушка, за что!».

После этого ночью девушке приснился сон: бабушка смотрела на нее и улыбалась – насмешливо и нежно. Таня проснулась в плохом настроении и пошла прогуляться, чтобы как-то развеяться. Пого-

да соответствовала настроению. Давило черное небо, готовое пролиться дождем. Сентябрьская листва уже была отмечена временем. В парке Таня села на скамейку. К ней подошел молодой человек.

– Привет, – сказал он.

Татьяна нечего ему не ответила.

– Вы скучаете. Хотите, я вас рассмешу?

– Надеюсь, вас зовут не Сергей, – раздраженно спросила Таня. Парень смутился:

– Нет. С чего вы взяли? Я Юра.

Девушка облегченно вздохнула и улыбнулась ему. Потом они долго гуляли по парку, болтали, смеялись. Договорились встретиться вновь. Через несколько дней Татьяна уже не представляла свою жизнь без этих встреч. Юра оказался чутким, заботливым, внимательным. Его имя не сходило с языка Тани. Подружки ей завидовали, а она не замечала вокруг никого, кроме Юры.

В конце ноября он пришел с букетом хризантем.

– Таня, я люблю тебя. Я хочу всю жизнь быть рядом с тобой. Выходи за меня замуж.

О большем девушка не мечтала. На пороге загаса она с улыбкой вспомнила рождественские гадания. Но каково было ее удивление, когда она открыла паспорт своего жениха. Там черным по белому, русскими буквами было написано: Сергей Сергеевич Пономарев.

Про Веру

Вера, высокая, стройная женщина, стояла у окна и плакала. Ей было тридцать пять, и она была одна....

Наплакавшись вволю, она вытерла слезы и пошла на кухню. Поставила греть чайник, сделала бутерброд с маслом и колбасой, задумалась и... намазала колбасу медом. Чайник к тому времени закипел. И тут зазвонил телефон. Вера подняла трубку:

– Алло, здравствуйте.

– Я даже не знаю с чего начать, – ответил приятный мужской голос.

– Вы куда звоните?

– Именно вам, Вера.

– Извините, я не узнаю по голосу. Кто вы?

– Меня зовут Владимир. Я из параллельного измерения.

– О, Боже! – сказала Вера и бросила трубку. Псих какой-то. Или чья-то глупая шутка.

Вернулась к столу. Взяла бутерброд и с удивлением посмотрела на него. Она покачала головой, аккуратно счистила мед с колбасы и принялась за ужин. Едва прибрала за собой посуду, как снова раздался телефонный звонок:

– Пожалуйста, только не бросайте трубку, – раздался умоляющий голос Владимира, – возможно, вам показалось, что я псих, или что это какая-то шутка. Действительно, так и есть, хотя все не так, как вы себе это представляете. У меня нет другого выхода, пожалуйста, помогите.

– Скорую что ли вызвать? Так у вас есть телефон. Вы можете и сами.

– Мне понятна ваша ирония. Я и сам еще сегодня утром... Короче, друзья подшутили и переместили меня в ваше измерение. Я хочу домой. А вы ход... он у вас в спальне.

Вера снова бросила трубку. Это было уже слишком. «Выход в спальне! Наглец! – проворчала Вера. – Эти мужики... Им бы только в спальню. Уж и не знают, что придумать. Он, видите ли, из параллельного измерения!».

После разговора ей стало тесно в комнате, и она решила немного прогуляться, тем более, что сгущались сумерки, а ей очень нравилось это время суток. Вера оделась, взяла перчатки, открыла входную дверь и чуть не вскрикнула от неожиданности: у двери стоял мужчина. В руке он держал сотовый телефон. Вера застыла в оцепенении. Некоторое время они смотрели друг на друга. Он выгодно отличался от всех знакомых ей мужчин. От него веяло... какой-то надежностью, что ли. И, надо сказать, он был очень даже ничего....

Тут внизу стукнула дверь, и Вера вздрогнула.

– Это я, Владимир, – сказал мужчина, – если вы прогоните меня, то я даже и не знаю, что буду делать.

Вера внимательно посмотрела на него – такой симпатичный... «А что, если...» – подумала она.

– Проходите, – и она отошла в сторону, пропуская мужчину.

– Спасибо вам большое, Вера, – ответил Владимир и поцеловал ей руку. – Я уже думал, что никогда не вернусь домой, – он вытер ноги о коврик. – Если позволите, я не буду вас задерживать, – и, не глядя на Веру, шагнул в дверь спальни комнаты.

Возмущенная Вера вошла следом, готовая растерзать наглеца, но в спальне уже никого не было. Она осмотрела комнату еще раз и горько рассмеялась. Владимир исчез. Лишь на полу остался влажный след от мужского ботинка.

КИКОНА

– А с вами бывало так, что в полутемном переулке вы вдруг чувствуете страх, резко оборачиваетесь – и видите только свою тень? – с интересом поглядывая на меня, спросил худенький мужичок в сером пальто и в кепке. Очень худенький.

– Ну и что? – ответила ему я.

– Вот! – победно воскликнул он, подняв вверх указательный палец.

– Что «вот»? – спросила я.

– Вот вам и доказательство.

– Доказательство чего? – спросила я и внимательно посмотрела на него.

– Доказательство существования кикона! Я про них все знаю. Незадолго до нашей с вами встречи одна такая выползла из тени и цапнула меня за ногу. Вот, даже след от зубов остался, – и он гордо продемонстрировал свою голень с отпечатками зубов. Я посмотрела на его ногу и подумала: «Это же надо быть таким худым», а вслух сказала:

– Вам, наверное, очень повезло. Судя по отпечаткам.

– Я сбежал от нее. О, эти киконы – коварные твари. Прячутся в вашей тени, потом, в самый неожиданный момент, выползают и трансформируются. И тогда все. Какое. И не подавятся.

– Похоже, вам очень повезло, – попыталась я прервать его, но мужичок разошелся:

– Гнуснейшие, я вам скажу, твари, эти киконы. А какие у них зубы... Жуть! А чешуя... А шипы на хвосте... А какие приобретают формы! Иной раз и не сразу узнаешь....

– Вам. Очень. Повезло.

– Если бы не ту-

тутры, они давно бы расплодились. Милейшие тутутры. Такие пушистенькие, симпатичные, а вот с киконами справляются запросто...

Тут я не выдержала, и... Я ведь с ним хотела пообщаться. А он? Тутутры ему, видите ли, пушистые и милейшие... Да гнуснее тварей не существует! Того и гляди норовят вцепиться в тебя зубами. И кикон поносит. Знает, видите ли, все. По-моему, так они – само очарование. И зубки ничего так... Симпатичные зубки. И шипы на хвосте один к одному. Ровненькие. И чешуя приятного оливкового цвета.

Брр... Очень худенький был мужичок. И тень его слишком маленькая. Спрятаться как следует негде. Киконы ему, видите ли, не нравятся. Это он мне не понравился. Сбежал! Ха! Одни кости....

Я потянулась трансформируясь. Приближалась новая тень. Хорошая тень. Большая.

Пойдем в «Юбилейный»

Закон дороги простой -
иди вперед не спеша...
Дикштейн

Как все начиналось

Это случилось в начале декабря 1970 года. Группа студентов истфака Уральского госуниверситета вышла в поход по маршруту «поселок Верхняя Сысерть - станция Полудневая». Но в пути студенты сбились с дороги и заблудились. Им пришлось идти целый день и всю ночь, и только к утру они вышли к железной дороге. За это время туристы прошли более 60 км. Трудности и лишения похода сплотили группу, и когда все благополучно вернулись в город,

было решено организовать при университете турклуб. В этом году нашему турклубу исполнится 35 лет. Срок немалый. Тем более, испытаний за эти годы было предостаточно. А в честь похода, от которого и ведется летоисчисление турклуба УрГУ, каждый год в декабре проводится традиционный зимний марафон по тому же маршруту: «Верхняя Сысерть - Полудневая». Туристы университета с любовью называют его «Юбилейный переход».

Конечно, его трудно сравнивать с более знаменитой «майской прогулкой», которую ежегодно устраивает городской турклуб. В этом ежегодном весеннем марафоне принимают участие тысячи туристов и просто любителей активно отдохнуть. Но программа «Юбилейного», как мне кажется, более драматична и насыщена интересными событиями, неожиданными поворотами.

Да и можно ли сравнивать 50 км по городским и окрестным дорогам в теплое весеннее время (с пунктами подпитки и каретами скорой помощи) с экстремальным декабрьским марафоном в 60 км, где участники, помимо продуктов, несут в своих рюкзаках необходимое туристское снаряжение. А ведь иногда температура опускается до сорока, и ещё пронизывающие насквозь ветра, а бывает и снег выше колена.

Вот примерная программа «Юбилейного»:

За неделю до похода на место выезжают «разведчики» – их задача договориться с охотниками кордона «Плита» о ночевке в избе, проверить со-

стояние места ночевки. А у избы есть свое название – «Наука» (ходит легенда, что ее построили какие-то научные сотрудники).

За день до приезда основной группы выезжает на кордон комендантский взвод. Это самые опытные и сильные туристы турклуба УрГУ. Им необходимо приготовить дрова для большого костра, протопить печь в избе, а также сделать мелкий ремонт: вставить стекла в оконные рамы взамен разбитых, подлатать нары и стол, приготовить праздничный ужин. (В этом году пришлось восстанавливать печь – развалился правый бок и не было дверки...)

Когда собираются все новички, все действие переходит в ночной лес.

Ярко пылает огромный таежный костер (нодья), тени играют на лицах собравшихся. В шуточной форме идет знакомство. Вот вперед выступил бородатый турист-водник: « Не дрейфь – через пару лет... вы будете такими же, как я..!!» (не в смысле бородатым, а смысле опытным...) А вот тонкий голосок девочки-первокурсницы с матмеха: «Нигде

не была, но очень хочу побывать везде..!» Все хором скандируют: « Побываешь!!!»

В этом году новичков всего двенадцать человек, а старики вспоминают, что в конце восьмидесятых был случай, когда новичков пришло сорок, а их было всего двадцать восемь. Кто-то даже шутил: «Еще неизвестно, кто кого посвящать будет...». Как раз после знакомства и начинается обряд посвящения в туристы турклуба УрГУ. Прошлогодние новички приготовили полосу препятствий, которую надо преодолеть нынешним кандидатам – там есть и блуждание взявшись за руки (или за основную веревку) по ночному лесу, и восхождение на высочайшую вершину (около костра) под названием Пуп, и спелеоучасток... Они также могут попасть и в лавину, и на переправу по бревну через пылающий костер. Много условных трудностей поджидает начинающих туристов в импровизированном походе, но они всегда с честью и, самое главное, дружно проходят шуточные испытания. Ведь им всегда помогают старшие товарищи. В заключение посвящения звучат опять же шуточные клятвы, например: «Если учеба мешает туризму – брось учебу!», «Зарубился сам – заруби товарища!».

А на правую щеку ставится круглая печать: «Все, теперь ты настоящий турист!».

После посвящения начинается концерт бардовской и туристской песни. Репертуар самый разнообразный. Спать – нехотя – расходятся далеко за полночь.

А теперь самое главное

А утром в путь. И дорожка, надо сказать, дальняя! Как говорится, трудно первые двадцать пять километров, а потом привыкаешь. Первые двадцать пять – по лесной дороге, остальные – по шоссе. Было время, когда в переход уходило до ста двадцати человек, а было, когда на тради-

ционный маршрут вышли только восемь самых опытных туристов – тогда был сильный мороз под минус сорок два, и председатель турклуба УрГУ Вячеслав Михайлович Морозов запретил многим участвовать в зимнем марафоне. Сейчас в дорогу в среднем уходят тридцать пять – сорок человек.

Последние пять лет наш переход сопровождает «ГАЗ-57» с будкой (в народе его зовут «Трумэн»). За его рулем сидит один из самых опыт-

ный турист УрГУ Александр Крюков. Он прошел немало пеших и лыжных походов, экспедиций, попадал в передраги на водных маршрутах, но более знаменит за свои автомобильные первопрохождения по бездорожью. Его даже на соревнования «Урал-Трофи» не допускают, потому что знают, что ему там равных нет.

За пять километров до станции надо пересечь «Черное поле». Всегда дуют сильные ветры, уже видны огни населенки, а сил нет, болят сбитые ноги и косит усталость. И вот тогда кто-

нибудь начинает петь. И в такт песне все маршируют вперед, приближаясь к намеченной цели. Первые, как правило, приходят на станцию Полудневная в одиннадцать вечера (ходят легенды, что кто-то приходил и в девять), а последние приползают (в прямом смысле этого слова) в два часа ночи (ходят легенды, однаж-

ды последние приползли за пятнадцать минут до утренней электрички). Есть такие, кто, сходяв один раз в переход, больше никогда не появлялся в турклубе (поняв, что туризм не для него). А есть много таких, кто прошел по пять, десять, а то и девятнадцать раз по этому трудному пути и собирается вновь встать на тропу Юбилейки в декабре 2005 года.

Петр РЫКАЛОВ

СЕВЕР ЗОВЕТ

Утром мы сошли с поезда. Под ногами хрустел снег, тридцатипятиградусный мороз совсем не слегка пощипывал нос, а вокруг – тишина и спокойствие. Резкая смена обстановки после суетной и сытной столицы Урала парализовала нас. Мы просто стояли и смотрели вдаль, на тонкую горную цепь Полярного Урала. К началу маршрута подъехали на местном поезде. Одинокая железнодорожная ветка протянулась от магистрали Москва–Воркута на восток, чтобы пересечь уральскую гряду и спуститься к реке Обь. За окном – редкие чахлые ели и кусты карликовой березы. Их еще не успело занести снегом. Солнце уже село за горизонт, и в отблесках заката все окрашивается в малиновый цвет.

В три часа дня будет совсем темно. Первый день похода выдался очень тяжелым. На ручье Медвеьем мы переложили все вещи из саней по рюкзакам, чтобы окончательно их не испортить. Затем вошли в каньон. Здесь на протяжении семи километров узкое каменистое русло ручья

вьется между крутых склонов. Снега еще мало, что очень кстати. 16 лет назад в этом каньоне лавиной засыпало группу туристов из Ухты. Где-то здесь должен быть обелиск, но среди груды камней нам не удастся его приметить.

Стемнело. До седловины перевала осталось совсем немного. Мы установили палатку, а вокруг нее – ветрозащитную стенку из больших снежных блоков. Строительные работы при свете фонарика заняли два часа. Обессилившие, мы на коленях вползли в палатку. После ужина стало как-то неестественно светло. Все выскочили из палатки. Холодное черное небо было сплошь разукрашено большими зелеными мазками. Сияние! Так вот ты какое, Северное сияние Мы зачарованы, некоторые из нас это видят впервые.

На третий день пути на перевале Гагарина нас застала непогода. Сильный ветер, пурга. В туре перевала обнаружили записку туристов МАИ 19-96г. – приятный сюрприз, вечером будет что отметить. А теперь – скорее вниз! Солнцу недоступны

На десятый день мы подошли к цели нашего путешествия. Это озера Хадьтаеганлор, зажатые между двумя зубастыми массивами хребтов Изьяхой и Обручева, и гора Харнаурдыкев. Последние 4 дня погода неважная – скрывающая горы, низко висят свинцовые облака. Густой туман, ветер и снегопад затрудняют движение. Непонятно, что делать дальше – то ли ждать погоды, чтобы взойти на Харнаурдыкев, то ли спускаться с плато вниз. Однако туман рассеялся, а вместе с ним – и наши сомнения. С вершины горы мы увидели солнце, второй раз за семь дней. Был полдень, а оно уже прощалось с нами и спешило скрыться за горизонт. Ночь наступала. При свете удивительного северного сияния мы шли по озеру Хадьтаеганлор. Небо постоянно менялось, переливаясь зелеными и малиновыми сполохами. Изрезанная цепь полярных вершин скрывала нас в лунной тени. От усталости и темноты все плыло перед глазами. Было непонятно, стоишь ты или идешь, координация нарушена, мы часто падали на ровном месте, молча вставали и шли дальше. Сияние закончилось, зато началась пурга...

Поход подходит к концу. Сегодня мы уже в работе 12 часов. Север прощался с нами полярным сиянием, звёздным небом и крепким морозом. В этот день мы прошли почти 60 км. Далеко на горизонте узкая сиреневая полоса заката, а над нами черное звёздное небо. Огни заполярного города выглядят чем-то нереальным. Город больше всего походит на затерянную в космическом пространстве летающую базу инопланетян. Очарованные красотой Севера и попав в её плен, мы будем долго мечтать о новых странствиях, о сумерках полярной ночи и о более высоких широтах. Север зовет.

узкие горные долины, поэтому в ноябре вся походная жизнь проходит в сумерках и темноте. Ледяные пики бесконечно простираются во все стороны, их заволакивают облака, которые по мере приближения сумерек сначала синеют, а затем чернеют. Немного жутковатая тишина властвует здесь. Мы не осмеливаемся ее нарушить и лишь изредка перебрасываемся короткими фразами. Отсюда кажется, что вся наша планета состоит из льда и скал и кроме нас четверых никого не существует. Такое трудно представить в обычной жизни. Природа засыпает, готовясь к долгой зиме.

Некоторые реки еще не замерзли, одну из них пришлось переходить вброд, другие только покрылись льдом. Он еще не надежный, бывает, что мы неглубоко проваливаемся и, не обращая внимания на такие мелочи, идем дальше. Иногда из-под снега торчит черничный куст, можно ненадолго остановиться и полакомиться морожеными ягодами.

Зимой в поход... на велосипеде

или

Открытие зимнего скалолазного сезона

*«И скучно, и грустно,
И некуда даже залезть...»*

Однажды в разгар зимы тоска по скалам у двух скалолазов достигла своего апогея. Со слезами на глазах родственников и болью в сердцах их друзей, они покинули свой любимый город. Они ничего не могли с собой поделать – сердце и руки хотели лезть, трогать, ощупывать и обнимать камень. Душа рвалась ввысь и прочь от земли, прочь от города, учебы, заключения в четырех стенах и грязи со снегом на улицах.

Тоска улетучилась, едва Леха и Вася начали

крутить педали своих любимых велосипедов. Их понимали только эти железные кони, что несли молча и безотказно в любые дали. До станции Исеть добрались легко... а вот дальше начались первые трудности – снег был довольно мокрым и налипал на колеса, на обода, на ноги и даже на Лехины очки. Казалось, сама природа была против их дерзкой вылазки! Но разве их когда-нибудь останавливала погода? «Али мы не скалолазы!» – решили они и поехали дальше.

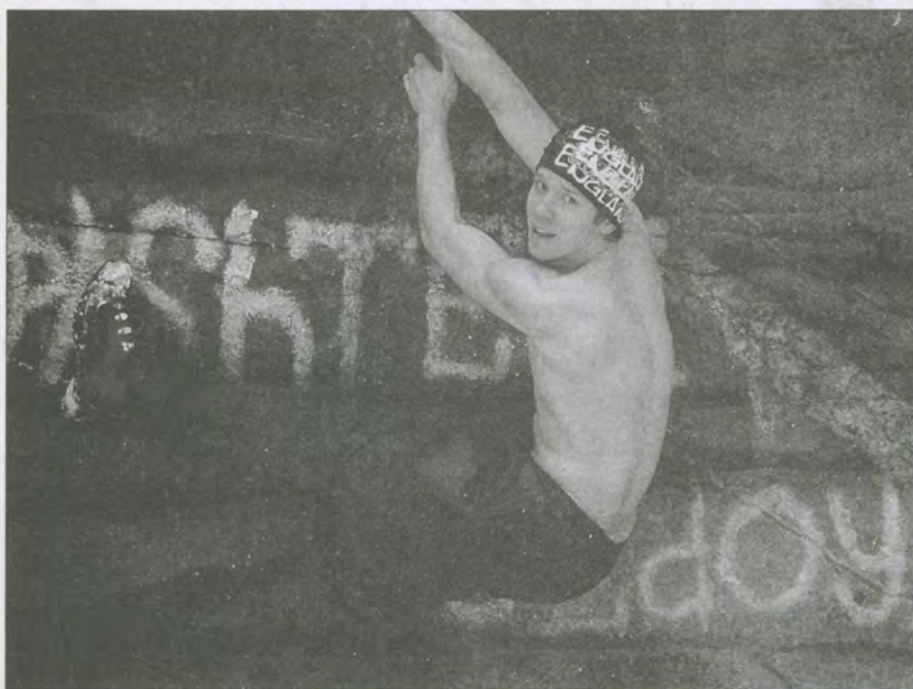

После получаса плавания по снежным просторам они вконец потеряли ощущение дороги и какого-либо направления – Леха мрачнел с каждым поворотом пути, который «вел куда-то не туда». Вася отвечал Лехе взаимностью – у него внезапно прошла эйфория от удачно начавшейся поездки. Но на скалы хотелось все сильнее и сильнее... А вокруг был один лес, кусты и ни одного завалающего камешка хотя бы метров пятнадцать в высоту. «И черт нас дернул поехать по автомобильной дороге! Надо было по обычному пути добираться!» – отчаялся Леха. «Сейчас на дерево полез!» – думалось Васе. Молча было решено остановиться и собраться с мыслями, силами и друг с другом, так как растянулись они по этому снежному морю сильно и были довольно далеко друг от друга. Посовещались, и Вася ушел в разведку. «Черти справа!» (Скальный массив «Чертово городище» – прим. ред.) – кричал Леха вдогонку. «Да не, слева!» – отвечал Вася. В итоге скалы оказались высоко на холме, но все же слева. Настал черед отморозков нести свои велосипеды – при подъеме они оказались ужасно тяжелыми, неудобными и вообще не к месту. Пыхтя, карабкаясь, выбиваясь из сил и

терпения, парни все же взобрались на холм – за четыре подхода с перекурами минут на пять. С целью восстановления физических и моральных сил наверху... устроили еще один перекур. Через пять минут немного счастья (до Чертиков было рукой подать), блаженного отдыха и позирования для фотоаппарата они двинулись к скалам.

Как же велико было их удивление, когда скалы оказались засыпаны снегом! Ну конечно, они потом поняли, что на дворе была зима. Однако осадок от этого потрясения оставался еще долгое время. При ближайшем рассмотрении оказалось вдобавок, что скалы еще и заиндевели и покрылись куржаком, а по трещинам кое-где течет вода. Но наших друзей уже ничто не могло остановить. Скинув куртки и растершись снегом, они ушли вешать веревку. Наверху вдруг оказалось очень скользко – ботинки не держали, а руки грозились отцепиться от скалы. Подпихивая друг друга под самое интересное место (в смысле в зад), им удалось сантиметр по сантиметру взобраться на самый верх. Поднявшись по лесенке, наши герои залегли на камень в позе снайпера и в полнейшем тумане принялись искать кольцо, куда вщелкнуть карабин. Внезапно нащупав край, Вася дернулся и, чудом ухватившись за Леху, пристыл к заледеневшей поверхности. «Леха, держи за ноги, или упаду!» Леха схватил его за ноги и не выпускал, пока тот не повесил карабин и веревку, и даже после это-

му маршруту (слева), и был таков. Бодрой трусцой он взлетел до финиша и крикнул: «Ура! А теперь спускай меня нежно!» После успешного приземления два друга отпраздновали удачное открытие зимнего скалолазного сезона – выпив... (как и полагается настоящим спортсменам) чай с травмами (из термоса) и съев по большой шоколадке. Тут Леха пришло в голову глянуть на часы. Времени до «электрона» оставалось, мягко сказать, мало. С армейской быстротой свернув страховку и

го вместе они доползли до лесенки, держа друга за ноги. Спустившись, эти наркоманы от скалолазания с криками «ура» пошли к скалам... но не лазать а... КУШАТЬ. Так как дорога заняла уйму времени и, самое главное, отняла много сил из-за бесконечных плутаний по снежным заносам, лесным тропинкам и тупикам в буреломах, то поесть им хотелось больше, чем медведю бороться. Подкрепившись, Вася надел надежную скалолазную систему, привязался проверенным узлом к веревке и полез. А Леха страховал, подбадривая его снизу. А Василий, после пяти минут болтания под абсолютно сырым и скользким карнизом, не выдержал, выругался себе под нос и прошел его, сам не понимая как. Наверху его захлестнули волны ветра, снега и счастья от пройденного маршрута. И уже не чувствуя рук и промокнув насквозь, он спустился вниз и как бы передал эстафетную палочку Лехе.

Леха болтался под карнизом гораздо меньше и с криком: «Да зачем тут нужна магнезия!» – спустился вниз. Внизу он взял себя в руки, в руки взял магнезию, мешочек с магнезией прицепил сзади и пошел на вторую попытку. Нисколько не болтаясь под карнизом, мегаскалолаз небрежно пробежал мимо карниза, решив пройти его по классическо-

упаковав вещи, они понеслись на станцию. Нет, не пешком, а на велосипедах – но уже по другой дороге. Она была короче, но значительно опаснее. На одном из крутых спусков им пришлось даже покурваться. Обошлось без синяков и технических поломок. Все-таки зима на дворе, и падать в сугробы приятнее... «Электрон» подошел вовремя, всего лишь с десятиминутным опозданием, и наши друзья, вконец промокшие как снаружи, так и внутри, вбежали в теплый и уютный вагон, где их быстро разморило, и они погрузились в безмятежный и счастливый сон. И снились им только скалы...

Дерево

От Павла Никифоровича ушла жена. Ушла к его лучшему другу Николаю Ивановичу. Павел Никифорович был по этому поводу в совершеннейшем недоумении и, отчаявшись, в конце концов, после бесплодных попыток вернуть ее, пошел поведать о своей беде Степану Сергеевичу, жившему в соседнем деревенском доме. И вот уже два приятеля шли проселочной дорогой, огибавшей поле, и обсуждали произошедшее.

- Ты ее бивал, Павел Никифорович?
- Нет, не бивал.
- Так, может, ты пил?
- Да-к нет же, я не пил.
- А обзывал ее?
- Да-к нет, не обзывал.
- Так что же она, просто так ушла?
- Ну да.
- И ничего не сказала?
- Только то, что, видите ли, не любит меня, а любит его.
- Вот так тварь. А он что?
- Да-к я к нему ругаться пришел, а он молчит. Ну, я его кулаком в лицо и ткнул. А он меня тоже – и из дома из своего выгнал. Друг называется.
- Ты это дело, Павел, так не оставляй. Но сначала разберись, подумай, была ли твоя вина, что она ушла. Ты мне все рассказал?
- По-моему, да.
- Ничего не забыл?
- Павел Никифорович плечами пожал и отвечает:
- Вроде кажется, что все-таки забыл о чем-то и вспомнить не могу.
- Это как так?
- А вот так. Голову напрягаю, но ничего не получается.
- Ну, так напряги посильнее.
- Да-к куда уж посильнее! Ей богу, Степан, куда уж!
- Так ты не можешь вспомнить?
- Нет. Придумай что-нибудь, чтоб я вспомнил.

Степан Сергеевич считал себя человеком от природы очень оригинального склада ума. В воображении его, действительно, порой рождались идеи весьма нестандартного толка – этот случай исключением не стал.

- Павел Никифорович, видишь то дерево? – Степан указал на дерево, росшее среди поля поодаль метрах в десяти.
- Ну да.
- Привяжи себя ногой к суку и повиси вниз головой. Может, вспомнишь.
- Экую ты невероятную затею придумал, Степан Сергеевич. И долго же мне так висеть?

– Да пока не вспомнишь. Но кровь в голову-то быстро прибежит – память сразу вернется.

- Ты уверен?
- Не был бы я Степаном Сергеевичем, если бы не был уверен.

Ну, когда уж Степан говорил так, то, значит, ему доверять было можно – Павел Никифорович это хорошо знал. Двое приятелей нашли веревку, и через 10 минут Павел повис на суку.

- Я пошел, мне еще поработать надо в доме.
- Как так?! Нет-нет, это ты оставь, Степан! Как же я тут без тебя висеть буду?! – Павел Никифорович испуганно заводил руками.
- Не волнуйся, друг. Ты не вспомнил еще?
- Нет.
- Я через час приду тебя проведаю. Так что не волнуйся.

И как Павел Никифорович ни протестовал, Степан Сергеевич ушел домой: дела у него были действительно неотложные – он забыл покормить свиней. Но, войдя в дом, Степан вдруг вспомнил, что от него тоже недавно ушла жена и тоже к его лучшему другу Ивану Степановичу. Он загоревал, достал самогончик из шкафчика, выпил одну рюмку, выпил две, выпил три – и так, потихонечку, ушел в запой.

Тем временем наступила ночь, и Павел Никифорович, будучи подвешенным за ногу, весь продрог. Теперь он уже вспомнил и то что он пил, и что бивал свою жену, и много еще чего другого, только более его теперь занимало долгое отсутствие Степана Сергеевича. Он клял приятеля, как только мог, за то, что тот, видно, забыл о своем обещании вернуться, за то, что ему пришла в голову такая дурацкая (хотя и подействовавшая) идея, но ничего не помогало – Степан Сергеевич так и не возвращался. В результате Павел Никифорович начал кричать, и кричал он долго.

Поляна спряталась за серебряной дымкой тумана-призрака. Полная луна взошла высоко и радостно горела в небесном празднике звезд. Светляки водили хороводы в травяной паутине и вторили своим изумрудным сиянием музыкальному стрекоту цикад. Земля отдыхала, уставшая после ярких оттенков дня. А Павел Никифорович все кричал и звал на помощь.

Валентин ЛУКЪЯНИН,
фото Галины ЛУКЪЯНИНОЙ

Чудо света
в Долине Павших.

или

Рождественская сказка
о мудром диктаторе

По белу свету

На одном из сайтов Интернета мемориал Долины Павших (Valle de los Caidos) упоминается в ряду пяти «испанских чудес света», занимая в их списке второе место – между Альгамброй и Эскориалом. Думаю, что основания для того есть. Более того, в принципе этот мемориал вполне можно было бы назвать и восьмым, уже без всяких прилагательных, чудом света, продолжив им ряд «чудес», признанных еще в античности. На самом деле, они ведь, те семь чудес света, поражали воображение путеше-

ственников прежде всего циклопическими размерами: высота пирамиды Хеопса 137 метров, высота Фаросского маяка 122 метра... Так вот, высота креста, венчающего мемориал в Долине Павших, – 150 метров, к тому же стоит он на скале высотой (не над уровнем моря, а от подножья) 150 метров; сложите вместе – и получите высоту Эйфелевой башни. Видно его, как утверждает испанский автор Александр Сириси, с расстояния до 50 километров; думаю, он не преувеличивает.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Но башни (и даже дома) нынче в мире существуют и более высокие, так что другое обстоятельство особенно меня поразило. Тот же Сириси сообщает, что крест (сложенный из гранитных блоков) весит 200 тысяч тонн. А ведь он имеет не только вертикальную часть, но и горизонтальную. Если смотреть с дальнего расстояния – это легкая и изящная конструкция, а на самом-то деле поперечина имеет длину 46 метров, и это значит, если перейти на язык сопромата, что в конструкцию креста Долины Павших входят две консоли примерно по 20 метров каждая. Которые, между прочим, тоже сложены из гранитных блоков! Сколько ж они весят? Какой там «крутящий момент», работающий на излом? Сделайте скидки на все облегчающие варианты – и все равно счет должен идти на тысячи тонн. Тысячи тонн гранита, висящие в воздухе – уму непостижимо! Но не духом же святым они держатся!

Однако «Santa Cruz» («Святой Крест») – он хоть и самый заметный, но не самый главный компонент мемориала. Главный – 260-метровая (от входа до торцевой стены) базилика, вырубленная в скале под крестом. Греческое слово «βαδιλίκη» буквально переводится как «царский дом». В русском языке оно прижилось прежде всего как архитектурный термин, которым обозначается определенный тип планировки здания. Но, возможно, не каждый читатель знает, что это слово обозначает еще и один из высших рангов в иерархии католических храмов. Именно в таком смысле говорят о базилике Долины Павших – грандиозном храме, вырубленном в скале. Храм задуман и осуществлен с таким размахом, что сам папа римский Пий XII почтил церемонию его освящения своим посланием.

Он и на самом деле великолепен. Настоящий шедевр пластического искусства – литая решетка, отгораживающая «мирскую» часть подземелья (контроль, сувенирные лавки и проч.) от «сакральной» (ее создал сам главный архитектор проекта мемориала Диего Мендес). На стенах галереи, ведущей к алтарю, под высоким сводом, – восемь гигантских, под стать масштабам помещения, гобеленов работы мастера XV века Гильермо Паннемайтера; вдоль стен – мраморные изваяния святых, созданные лучшими испанскими скульпторами специально для этого храма; в нишах, оборудованных как небольшие часовни, – живописные полотна на темы из Священного писания...

Галерея (поскольку это храм, то, наверное, правильнее назвать ее центральным нефом) ведет к алтарю. Алтарь воздвигнут там, где центральный неф пересекается под прямым углом нефом поперечным, образуя вместе с ним в плане крест. Крест на скале – и крест в скале. И как бы соединяет их, сгущая мистическую атмосферу, тоже крест – внушительных размеров бронзовое распятие, расположенное как раз под тем, наружным крестом, в центре алтарного возвышения. Рядом с распятием – кафедра проповедника, раззолоченные кресла для церковных иерархов. За алтарем – деревянные рез-

ные скамьи для хора (такие можно увидеть в любом католическом храме). Налево и направо от алтаря уходят «крылья» подземного креста; за их торцевыми стенами (с той и с другой стороны) – довольно вместительные часовни.

Над алтарем – купол, украшенный мозаикой работы Сантьяго Падроса. Как утверждает Александр Сириси, он «идентичен» куполу римского Пантеона: высота 42 метра, диаметр – 41 метр, а на изготовление мозаики ушло 400 миллионов цветных камешков (в одном российском Интернет-издании говорится только о 6 миллионах, но кто их сейчас точно сосчитает?). А под этим грандиозным куполом, по обе стороны распятия, два захоронения под светлыми каменными плитами, на плитах выбиты имена... Впрочем, лучше, если я эти имена назову чуть позже, а сейчас – хотя бы самый беглый взгляд на мемориальный комплекс снаружи.

Скала, над которой возвышается большой крест и внутри которой устроена базилика, настолько живописна и выразительна, будто сама природа создала ее, чтоб продемонстрировать присутствие «горного» духа на земле. На вершину ее, к подножию креста, можно подняться на фуникулере, но больше впечатляет пеший вариант: там есть неприметная со стороны, но хорошо оборудованная дорожка среди камней и деревьев, ведущая наверх; за каждым ее поворотом открываются новые виды и на циклопическое сооружение, возвышающееся над скалой, и на очень живописные окрестные пейзажи. Оказавшись же на верхней площадке, вы получаете возможность увидеть с близкого расстояния испанские гранитные фигуры четырех евангелистов (работы Хуана де Авалоса), как бы подпирающие крест у самого его основания, а над ними еще возвышаются изваяния, символизирующие человеческие добродетели. Сразу поверх голов этих воплощенных «добродетелей», на высоте 42 метров от основания креста, есть еще одна обзорная площадка, куда будто бы можно подняться на лифте, устроенном внутри креста, но эта услуга, видимо, не для рядовых посетителей, а пешком туда хода нет.

Традиционность пластических форм, прямолинейность образной символики при беспримерных масштабах всей композиции многими ценителями искусства принимаются в «штыки»: дескать, претенциозно и помпезно. Спорить не буду, замечу только, что есть какой-то пространственный предел, за которым «количество» неизбежно оборачивается эстетическим качеством. Грандиозная монументальная композиция в Долине Павших – скала, гигантские изваяния из гранита, крест – подтверждают эту закономерность. Бывал я, к слову, и в Альгамбре, и в Эскориале – поверьте, второе «испанское чудо света» нимало не уступает этим двум по силе эмоционального воздействия.

Да-а-а... А вот отношение к нему явно иное. Это утверждение я не могу подкрепить данными из каких-то достоверных источников – опираюсь только на собственные впечатления. Дело в том, что ми-

Базилика.

нувшей осенью мы с женой были в Испании и однажды, выбрав погожий денек, посетили это примечательное место.

На автостоянке вблизи базилики мы обнаружили парочку туристических автобусов (кажется, немецких), да три-четыре «коче» – легковых авто – с испанскими номерами. Лишь редкие фигуры просматривались на огромной, более трех гектаров, эспланаде перед главным входом в базилику. Пусто было в барах, почти никого – в сувенирных лавках (кстати, среди буклетов, макетов, брелочков особенно пикантно выглядели шоколадки «Valle de los Caídos»: холмик с крестом, которые можно съесть); немногочисленная публика флировала и по нефам базилики. Здесьние пространства могли бы без напряжения поглотить поток посетителей, по меньшей мере, раз в десять-двадцать больший. И вот такое безлюдье – в хорошую погоду, в часе всего езды от Мадрида. Не сезон? Однако нам было с чем сравнить: за два-три дня до того мы были в Галисии, в Финистрерре (на «краю земли»), от Мадрида девять часов на автобусе, а потом пересадка – и еще два часа езды. Лил дождь, шквальный ветер ломал зонтики, а городок был «под завязку» набит туристами.

Однако обстановка в Долине Павших не стала для нас неожиданностью – чего-то подобного мы ожидали. Ибо, когда выразили намерение съездить в Valle de los Caídos, буквально все наши испанские друзья стали смотреть на нас со смешанным чувством сожаления и осуждения, будто мы вознамерились совершить дурной поступок.

Так что же нас туда повлекло и почему посещение одного из «испанских чудес света» так явственно и однозначно осуждается общественным мнением в Испании?

Сразу скажу: ехали мы туда не праздными зеваками, но, если воспользоваться расхожим штампом, «по следам легенды», имеющей хождение, между прочим, не столько в Испании, сколько в России.

Сюжет легенды о Долине Павших напоминает рождественскую сказку. Якобы мудрый каудильо Франко, победив в гражданской войне 1936–1939 гг., быстро восстановил мир и согласие в стране, великодушно простив своих поверженных противников и устроив общий пантеон для жертв с той и другой стороны – вот этот самый мемориал Долины Павших. Потом, дескать, он призвал в страну юного Хуана Карлоса, наследника престола Бурбонов, которому позже, уходя в мир иной, завещал пустующий королевский трон и благое дело восстановления демократии, а себя велел похоронить среди возлюбленных сограждан, ставших жертвами братоубийственной войны, в которой сам он вынужден был участвовать лишь ради установления порядка и спасения родины.

Зигзаги общественного мнения у нас, в России, на протяжении последнего века не раз претерпевшей радикальную ломку идеологических устоев и ценностных ориентиров, просто поразительны: то объявляем жестоким диктатором бывшего всеобщего любимца Фиделя, то возлюбляем Пиночета, то признаем истинными русскими патриотами власовцев... Случай с «миротворцем» Франко органично вписывается в этот парадоксальный ряд, и, право, не стоило бы ему придавать особое значение, если б легенда о Долине Павших не приобрела у нас значение едва ли не юридического прецедента, на который ссылаются публицисты, политики, государственные мужи. А восстановление московским мэром Лужковым храма Христа Спасителя – разве не российская калька с испанского оригинала? А екатеринбургский храм на Крови – не реализация ли той же схемы гражданского примирения? А сколько еще подобных «миротворческих акций» совершилось и совершается поныне на «Святой Руси»?

В конце концов наши друзья-испанцы поняли, что потребность автора этих строк познакомиться поближе с «феноменом гражданского примирения» – нечто иное, нежели праздное любопытство туриста, и согласились организовать нам эту поездку.

Галерея.

Как сообщается в упоминавшейся выше книге Александра Сириси, идею создания мемориала генерал Франко высказал еще в 1939 году, сразу после своей победы, в разговоре с художником Сантьяго Падросом – тем самым, что впоследствии создал мозаику купола над алтарем подземной базилики. Зерно идеи заключалось в том, что новому режиму необходимо эмоционально-зрительное воплощение его высоких устремлений, которое бы стало своеобразной параллелью к Эскориалу. Дескать, Эскориал – это памятник нашему великому прошлому, а мемориал должен стать вехой и базой, с которых начнется еще более великое будущее страны. Поэтому и встать ему надлежало неподалеку от Эскориала. Считается, что сам же каудильо указал на живописную долину с высокой скалой посредине, в окружении горного массива Гуадаррама, – это километрах в десяти от Эскориала. Ее и окрестили Долиной Павших.

По окончании гражданской войны страна была разрушена и разорена, но на идеологически важный объект ни средств, ни сил не жалели. Провели конкурс проектов, собрали лучших архитекторов, скульпторов, живописцев, инженеров, согласных поработать на новый порядок. И обеспечили «великую стройку фашизма» рабочей силой. Не знаю, ориентировался ли Франко непосредственно на опыт советского ГУЛАГа или просто идея «лежала на поверхности», а только строили мемориал узники испанских концлагерей, бывшие защитники республики. (В одном российском Интернет-издании встретилось такое суждение: «Долина Павших была всенародной испанской стройкой (что-то типа Беломорканала) еще при жизни Франко и примиряла всех испанцев». Как говорится, «умри, Денис, лучше не скажешь»!) Сколько их туда согнали, сколько их там погибло – таких сведений ни в испанских, ни в российских источниках найти не удалось. Но мои испанские консультанты утверждают, что армия строителей была огромна, а условия труда и быта были у них каторжные – думаю, на самом деле не лучше, чем на Беломорканале.

Хороша же база для примирения: строился мемориал каторжным трудом побежденных, а идея в нем воплощалась – торжествующих победителей. Причем не надо быть тонким знатоком истории и ценителем пластических искусств, чтобы распознать в мемориале символы и основные понятия испанского фашизма.

Франко идеологом не был – он был «солдатом». А идеологию, которую позже стали называть франкизмом, и Испанскую Фалангу, ставшую ядром франкистского мятежа, создал еще в 1933 году тридцатилетний Хосе Антонио Примо де Ривера, сын военного диктатора Мигеля Примо де Риверы, правившего Испанией с 1923 по 1930 год. Но молодому идеологу не повезло: мятеж начался в июле 1936 года, а уже осенью главаря Фаланги республиканцам удалось арестовать. Его предали суду, суд

Дверь, ведущая в крипт.

вынес приговор по всей строгости военного времени, и 29 ноября 1936 года Примо де Ривера-младшего расстреляли на плацу тюрьмы города Аликанте. Бескомпромиссные защитники республики не могли и предположить, что тем самым оказали неоценимую услугу будущему диктатору Франко: они избавили его от возможного соперника и в то же время дали ему в руки символ и знамя. Имя Хосе Антонио (фамилию уже и упоминать перестали) – работало эффективней, чем если бы живой идеолог ездил по фронтам и произносил пламенные речи.

Однако какой заряд смысла несло в себе это имя?

Оказывается, сын военного правителя Испании с юных лет был восторженным поклонником Муссолини, у которого он, собственно, и позаимствовал основные идеи, сильно приправив их испанским национализмом и католицизмом. Так что именно с подачи Хосе Антонио франкисты воевали против республиканцев под лозунгом «Por Dios y por Espana» («За Бога и Испанию») и свою войну высокопарно называли «la Cruzada» («крестовый поход»). Вот почему «Santa Cruz» и Испания стали ключевыми мотивами мемориального комплекса Долины Павших. А когда «всенародная стройка» «испанского Беломорканала» завершилась (а продолжалась она без малого двадцать лет!), прах Хосе Антонио перенесли из Аликанте в алтарь базилики. Полтора десятилетия спустя там же похоронили самого Франко. Вот эти два имени и высечены

на могильных плитах в «сакральном» центре мемориала Долины Павших.

«Все правильно, все справедливо», но причем тут, спросите вы, согласие и примирение?!

Оказывается, дыма без огня все-таки не бывает. Нет, пожалуй, ни одной публикации в Интернете, где бы не говорилось о сорока тысячах жертв гражданской войны, похороненных в Долине Павших. Это что – тоже легенда? Нет, этот факт не ставят под сомнение и самые непримиримые противники франкизма. Останки жертв гражданской войны покоятся в двух криптах, расположенных за часовнями, которыми завершается с обеих сторон поперечный неф. Массивные двери, ведущие в крипты, для посетителей всегда закрыты; над той и другой прикреплен большой крест, а под ним надпись (в обоих случаях одна и та же): «Caidos por Dios y por España. 1936 – 1939. R.I.P.» – «Павшие за Бога и Испанию». То есть «крестоносцы» Франко – иначе понять это невозможно. И ритуальная латинская формула «R.I.P.» (requiescat in pace – покойтесь в мире) подчеркивает тот же смысл.

Между тем очень даже вероятно, что за этими дверями покоятся останки не только фалангистов, но и республиканцев. Просто никто не знает, чьи это останки. Существует правдоподобная версия, что они были извлечены из братских могил, которых много оставалось на полях бывших сражений. Если угодно, это была необходимая для страны, завершившей кровавую войну, санитарная операция. Властям было недосуг разбираться, кто на какой стороне воевал – всех и поместили вместе. Но надписи над входом в крипты не оставляют места для сомнений: побежденные помещены в общее захоронение на условиях полного и безоговорочного (и, увы, безмолвного!) подчинения порядку, установленному победителями! Вот почему потомки погибших республиканцев (да и вообще нынешние испанцы демократических убеждений) воспринимают возведение покойным диктатором мемориала в Долине Павших не как шаг к примирению, а как попытку навязать, утвердить идеологию франкизма на вечные времена. И никогда не посещают это дурное место. А престарелые ветераны Испанской Фаланги, распушенной полтора года спустя после смерти Франко, съезжаются в Долину Павших дважды в год (в день начала франкистского мятежа и в дни смерти Хосе Антонио и Франко – они почти совпадают), но не для «покаяния», а чтоб вместе поностальгировать о лучших (для них) временах.

Вот такое «примирение» и такое «согласие».

Как же, в таком случае, возникла благостная легенда?

Несомненно, сам Франко к ее появлению не причастен: ни о какой «демократизации» испанского общества он не помышлял и юного принца из семейства Бурбонов призвал не затем, чтоб поручить ему руководство демократическими пере-

нами. Все было совсем наоборот: диктатор понимал, что его власть не легитимна и уйдет вместе с ним, но наследник, воспитанный им в духе франкизма, взойдя на престол, будет восприниматься (с точки зрения национальных и вообще католических традиций) как безоговорочно законный властитель. Нельзя сказать, что Хуан Карлос обманул надежды каудильо, – просто он оказался достаточно умен, чтобы понять неотвратимость демократических перемен. «Отцом испанской демократии» он не стал, но безусловная заслуга короля состоит в том, что он не стал противиться переменам.

Вот где-то в ходе этих перемен кто-то неглупый и попытался приспособить символ и оплот идеологии франкизма к новым реалиям, вспомнив, что в Долине Павших республиканцы похоронены тоже. А потом и сама администрация мемориала подхватила эту идею, объявив, что готова принимать для захоронения (разумеется, там, в наглухо закрытых боковых криптах, – не рядом же с Хосе Антонио и Франко) останки республиканцев, но при условии, если они истинные католики. Поразительно: уже и после смерти франкизма бывшим борцам с ним предлагалось ради «примирения и согласия» признать себя побежденными!

Довелось мне там, в Испании, слышать мнение, что символом согласия и примирения в Долине Павших можно одурачить разве что доверчивых туристов, а реальными и действенными шагами к примирению и согласию в испанском обществе стали демократические преобразования, происходившие уже после смерти Франко и вопреки его воле. Тут, по-моему, есть над чем подумать и нам, россиянам.

Мазуров Владимир Данилович. Профессор МАТМЕХа Уральского государственного университета. Эти стихи – лишь малая часть того, что можно увидеть и прочитать в новой книге поэта, которая выйдет в следующем месяце – вот такая неэвклидова лирика.

НОЧЬ В МАРТЕ

Лес от прохладного ветра весны
Мощно шумит.
Мокрый снежок или дождь с вышины,
Мох и гранит.

Мягкая, темная, мокрая ночь,
Ни души!
Утро, прошу: не гони ее прочь,
Не спеши!

ДАО ЛЮДЕЙ И ВОЛКОВ

Отзвук закатный скользит
По зеленому золоту храма.
Звон колокольников сверкает,
Взлетая к осколку - звезде.

Вечер сгущается в синь,
И в пучины леса угрюмо
Волки по рыхлым снегам
Пролагают свой Дао везде.

Из ковша звезд лился
На поля и весь свет
Новый месяц. На лицах
Голубой его свет.

Захватило ли дух мне?
Или вывелась дурь?
Засветился на кухне
Алюминий кастрюль.

Как утро сумрачно и снежно!
В нем страсть моя растворена.
Всю ночь волнуяще и нежно
Меня качали волны сна.

Я вижу новые глубины,
Тоски я полон и огня.
Я закричу – лишь вой звериный
Сумеет выразить меня!

КОСМОС НОЧИ

За лугом – леса полоса:
Неравнозубчатая ельность.
В душе полет и беспредельность,
Тревог утихли голоса.

Ледышкой тает острый месяц,
Еще он юный и косой.
На вольной воле целый месяц
Живу в деревне Слободской.

В тяжелых травах цвет ромашки,
В глубинах Вятки рыбы ход.
Как хорошо в одной рубашке,
Вдали от шума и забот!

Уж ветер ночи жжет с покоса,
Сиянье звезд несет покой.
Свой холод отдают мне росы,
Туман сгустился над рекой.

В душе такая беспредельность!
Кругом лесов и трав краса.
Неравнозубчатая ельность.
Темнеет леса полоса.

ШИКАРНАЯ ЖЕНЩИНА

В лунном сиянии,
Вся в файдешине Вы,
С видом усталым
И взглядом критическим,
Мчитесь в бесшумной блестящей машине Вы
Прямо навстречу ветрам атлантическим.

Вы - легкая и сверкающая,
Непьющая и некурящая.
Красивая и...какая еще?
Как будто ненастоящая.

Сверкаете в русских снегах,
Вы вся в голубом и в сергах.

Андрей ПИЧУГИН,
фото автора

Андрей Пичугин - краевед, фотограф, следопыт;
руководитель кружка юных туристов.
В «Уральском следопыте» напечатано
несколько его очерков.
Живет в Нижнем Тагиле.

ВЕСЕЛЫЕ ГОРЫ

Вершина легенд и преданий

*«На Урале каждый большой камень
имел за собой неумирающие предания».*
Д.Н.Мамин-Сибиряк.

Среди Веселых гор заметно возвышается вершина Кирюшкина камня. Про нее сложено множество легенд и преданий. Со стороны Черноисточинска Кирюшкин камень отчетливо просматривается на горизонте между хорошо узнаваемыми горами Широкой и Белой. Вершина Кирюшкина камня, устремленная ввысь синей полусферой, не уступает по высоте горам окружающим ее. Вот одна из легенд, дающая представление о высоте горы.

«Давно жили рядом две горы, два великана-богатыря: Кирюшка и Билимбай. Могучие и высокие были, выше других гор. А рядом была красавица Белая гора. Однажды поссорились великаны из-за красавицы и стали бросаться камнями. С тех пор и сравнялись они вершинами с другими горами. А склоны Кирюшкина пригорка и горы Билимбай – сплошное нагромождение камней».

Однажды мартовским днем, когда в полную меру чувствуется приближение весны, мне представилась возможность покорить вершину Кирюшкина камня. Путь на лыжах начался от подножья Белой горы в сторону Осиновой. Поднявшись на пологую верши-

ну Осиновой горы (ее высота 591 метр над уровнем моря) и определив азимут, начал продвигаться дальше, к заветной цели.

Погода стояла облачная, и в горах дул пронизывающий встречный ветер, даже редколесье не спасало от него. Миновав межгорную ложбину, начал крутой подъем. Из-под снега кое-где виднелись побеленные изморосью скалы, сверху накрытые снежными шапками. У подножья горы перед подъемом устроил привал.

После привала по крутому снежному склону серпантином стал подниматься на Кирюшкин камень, высота которого составляет 644 метра. Когда до вершины оставалось несколько минут подъема, в безветренной стороне горы случайно увидел следы: «рысь прошла». Посмотрел вверх, откуда шли следы, и в нескольких метрах увидел на снегу рысь! Серо-рыжая, она лежала притаясь, глаза ее были устремлены на меня. Холодок страха прошелся по всему телу и остановился в ногах. Что делать? То ли хвататься за нож, то ли за фотоаппарат...

Из-под куртки осторожно достал фотоаппарат,

Окончание. Начало в №1, 2005.

Заповедные земли Урала

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Напереднем плане склон
Кирюшкина камня;
вдали - Белая гора.

Вид с Лазоревого камня на Черноисточинский пруд.

навел на резкость – шкала расстояния показывала двадцать метров. В бинокль рассмотрел рысь: на кончиках ушек – кисточки, морда выражала спокойствие, никакой явной агрессии не было на ней. Но, наверно, придется возвращаться, так и не поднявшись на Кирюшкин камень. Только сделал несколько шагов назад, как в ту же секунду рысь поднялась, развернулась и прыжками убежала в сторону Поперечной горы. Путь на вершину был свободен.

Кирюшкин камень состоит из нескольких шиханов причудливых форм. Цепляясь за уступы скал, поднимаюсь на самый высокий шихан. Прямо передо мной Осиновая гора, через которую только что перешел. На горизонте она простирается полукругом. Вдалеке виднелась из-за Белой горы часть Черноисточинского пруда, еще правее горы: Широкая и Билимбаи. А вот и родина Мамина-Сибиряка – Висим, с белыми от снега полями. Ближайшее от горы село Первомайка, чуть дальше рабочий поселок Уралец и Захаровка, окруженные со всех сторон молодыми хвойными лесами.

В этих лесных горах любил охотиться юный Мамин-Сибиряк. Может быть, поднимался и на этот шихан. Вот как в своем автобиографическом очерке «Зеленые горы» Мамин-Сибиряк описывает природу Осиновой и Кирюшкина камня:

«Сама по себе Осиновая не отличалась ни высотой, ни красотой, а походила на громадную ковригу хлеба. Мы предпочитали уходить на охоту под Кирюшкин пригорок, стоящий рядом. Он состоял из утесистого шихана, от которого во все стороны рассыпались каменные россыпи... Мы прежде всего забирались на самую вершину шихана, чтобы отсюда досыта налюбо-

ваться широкой горной панорамой. Мы просиживали целые часы, любясь зеленым морем родных гор, исчерченных бойкими горными речками по всем направлениям и только кой-где тронутых человеческим жильем. Вдали виднелся наш родной завод Висим с его двумя прудами, ближе пряталась за горой деревушка Захарова, потом платиновые промыслы, и только. В поле нашего зрения находился Черноисточинский громадный пруд-озеро, но он заслонялся каменной глыбой Белой горы».

Можно воочию представить, как за полтора века изменился природный ландшафт

вокруг горы. Но почему носит гора такое название? Об этом еще одно предание.

«Схоронен на горе Кирюшка, который собирал девушек грешных. Посадит их в сани, вымажет углем и увезет их к кельницам. Река там была. Кельницы жили. Они носили черные платья. На Петров день пришли парни к кельницам и увидели там увезенных девок. Они начали браниться. Им указали на Кирюшку. Парни пошли на гору и взяли с собой Кирюшку... Больше никто его и не видел. С того времени так и называется гора».

Время идет быстро, и нужно уже торопиться обратно к поселку Уралец, на рейсовый автобус. Спускаясь с горы, оборвал крепление на лыжах. Хорошо, что в рюкзаке был кусок проволоки, привязал лыжину к ботинку – до поселка можно добраться. Температура воздуха поднялась, снег стал мокрым и тяжеленными комьями прилипает к охотничьим лыжам. Позади меня оставалась поверженная вершина леденд и преданий...

Белая гора

Бумаги, бумаги

Отец рассказывал, как один из моих дедов надумал заиметь диплом священнослужителя» более авторитетный, более почитаемый, чем то, что можно было получить в наших краях. Решил присоединиться к нему и другой его родственник – менее грамотный по сравнению с ним, но довольно богатый. Видимо, как-то рассчитывал на свои деньги.

Так и отправились они вдвоем, один – с грузом своих знаний, а другой – нагруженный золотом. Добрались, предстали пред очами авторитетной комиссии. Но ученые мужи, святые отцы не торопились принимать, сидели в кругу и вели свои повседневные научно-нравственные размышления, дискуссии. Беседовали они на одном из мертвых языков и поэтому свободно говорили о вещах, о которых ни за что на свете не признались бы перед прихожанами. Ожидающие сидели в стороне от них. Как и полагается, в молитвенной позе.

Так прошло полдня. А после полуденной молитвы им заявили, что люди устали и принять их не могут.

На другой день началось то же самое. Прадед мой слушал эти пикантные истории, слушал, встал, подошел, и заговорил на том же языке. Извинился, что прерывает очень «важные» разговоры и говорит, что сегодняшнюю полуденную молитву он хотел бы совершить в другой мечети. Поскольку он здесь человек временный, мол, хотелось бы посетить все святые места. А туда еще надо добираться, надо приготовить. Так что, если собеседование не состоится и сегодня, мол, скажите об этом сейчас.

Видимо, он был достаточно «вежлив» и красноречив. Наверное, очень чисто говорил на том мертвом языке. Те сразу зашевелились, стали извиняться. Быстренько достали бумаги, где заран-

нее каллиграфическим почерком написаны стандартные фразы, что «предъявитель сего является духовным наставником, судьей и учителем» (имам, хатип, му-дarris). Заполнили и все расписались. Спросили и про второго. Дед мой сказал, что он тоже прибыл на экзамен. Заполнили диплом и ему.

Так и получил богач свой документ, вообще не подходя к экзаменационной комиссии и не проронив ни слова. Поскольку деньги остались не использованные, родственники начали ими сорить.

Так транжирили, что на обратную дорогу хватило еле-еле.

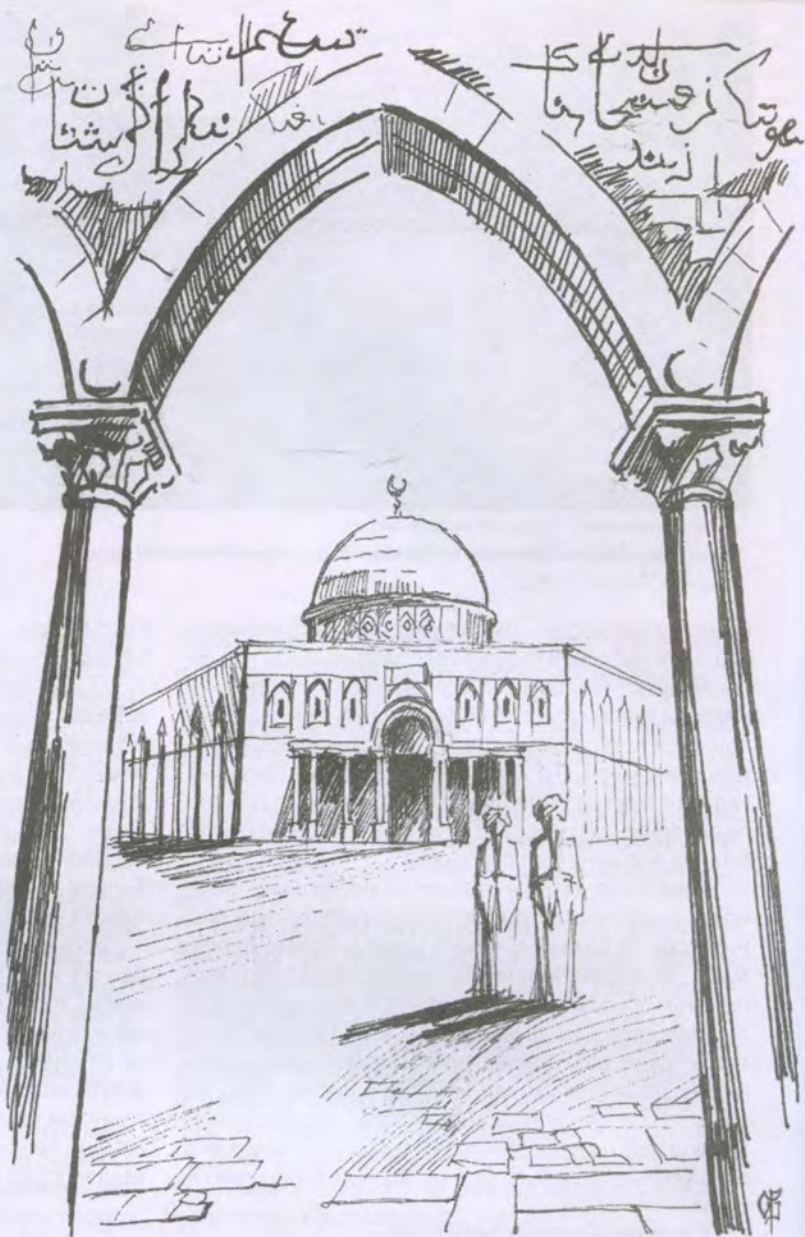

Рис. Оксаны Войтюк.

Годы советские

Многие думают, что диссидентов было мало, и они были какие-то особенные. Помните фильм: вместо сочинения «За что я люблю Маяковского?» парень написал свое сочинение «За что я не люблю Маяковского?». И он там изображен героем.

Но это было не совсем так. Каждый сознательный человек делал то, что мог. Я знал молодого лаборанта, который тоже писал сочинение о Маяковском. Написал эпитафию: «Кричит, шумит, слова косявые выдумывает» (в.и. Ленин). Говорил с гордостью, что за это его никак не смогли наказать.

И действительно, как его накажешь? Для того чтобы ругать его за что-то, придется признать справедливость одного из двух утверждений. Или: «И Ленин иногда ошибался». Или: «Да, действительно, Маяковский не такой уж блестящий поэт». Вот как прижал парень своих рабелепных учителей к стене!

Просто у каждого были свои приемы нападок и свои приемы защиты.

Кто-то пользовался логикой.

Противоестественность нашей системы лучше все понимали, конечно, высокообразованные экономисты. Наверное, у них сердце обливалось кровью от глупостей коммунистов. Наверное, поэтому, на лекции по политэкономии С. – умудрился вставить «небольшое» замечание; «... рабочий класс Америки имел только два выбора – или Никсон, или Кеннеди». А я прибежал домой и написал в дневнике: «А демократично ли выбирать только одного? Как это делаем мы». Добился мужик своей цели. Открыл глаза сопливому студенту!

Кто-то использовал юмор.

Старшее поколение хорошо помнит, чему и как нас заставляли. Например, заставляли дружинить. В штабе дружины капитан милиции дает нам инструкции о наших правах и обязанностях. Если мы видим, что перед пустующим овощным магазином старушка пытается продать пучок морковки, то мы должны ее прогнать. А если немедленно

не смывается, еще упирается, спорит – то должны тащить в милицию. И так далее, и т.д.

И своеобразная у капитана «лекторская» манера. Обрисует он какую-то ситуацию, делает небольшую паузу и ставит риторический вопрос: «Что вы можете в данном случае?». Потом делает длительную паузу и начинает объяснять, что мы можем или должны делать.

Заговорил он о кварталах, где частные дома:

– Вы видите, что там грузят машину.... Что вы можете? Пока он выдерживал свою большую паузу, из зала кто-то, шутя, ответил:

– Можем помочь погрузить.

Капитан или действительно не понял юмора, или ему пришлось притвориться тупым. Ведь не может же он из-за такой «маленькой» шутки заговорить со своим дружинником совершенно другим тоном!

Слышал я политическое выступление, призывающее изменить нашу дурацкую жизнь. И пламенная речь оратора состояла лишь из одного звука!

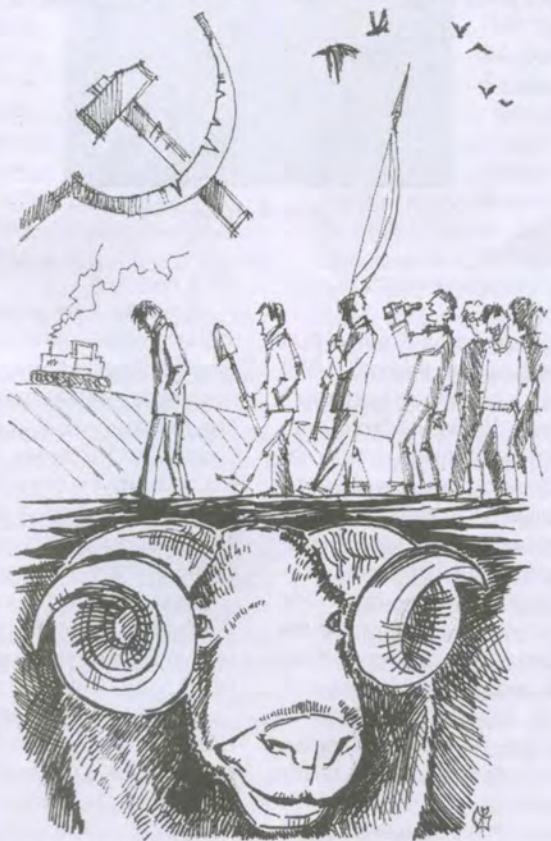
Гоняли нас на прополки, на морковь и картошку. Мы, железнодорожники, всегда ездили на станцию Сысерть. В дни поездок составляли специальный пригородный поезд и подавали его на специ-

альную всем уже известную платформу. Время отправления состава туда (и вечером оттуда) тоже известно. И на поле тоже – отведенный каждый организации участок известен. Так что дело налажено, и каждый коллектив действует самостоятельно.

Вечером посадка на поезд происходит как-то незаметно. Каждый кончает свой участок и возвращается в свой вагон. Но утром! Как начинает высыпать эта толпа из вагонов! Чернеет вся станция. А потом все поле.

И однажды погода была дурная, все это стадо широким фронтом мрачно брело на поле, и кто-то достаточно громко (и так естественно!) заблеял овцой....

Лучшей политической речи я еще не слышал.

Анна всея Руси

В селе Калашном Лебяжьего района Курганской области жила-была зажиточная крестьянская семья Соловьевых. В большом крестовом доме, то есть разделенном крест-накрест рубленными стенами, жили три брата с семьями. Хозяйство у них было общее с надворными постройками для скота, кормов, инвентаря и машин малой техники. Постоянно батраков не держали, а только весной нанимали борноволок — подростков на конное боронование, из парней, еще не годных в тяжелую крестьянскую работу.

Было у троих братьев с семьями 18 десятин наделной земли; 34 десятины они арендовали и 40 десятин держали под посев зерновых. Лошадей было 8, коров 15–18, овец 15–20 голов. После 1917 года «многоедатская» братская семья десять лет жила без раздела, сохраняя мощь хозяйства, но все-таки вынуждена была изрядно сократить его. А в 1928 году их индивидуально обложили налогами в сумме 409 руб. 15 коп. Один из братьев, Андрей Афанасьевич Соловьев, и его супруга Ефимия Фроловна решили выделить сына Прокопия, дав ему земли и скота, а себе оставили 9 десятин, 2 лошади, одну корову и шесть голов мелкого скота. В 1929–30-м годах Андрей Афанасьевич платил налога уже 91 рубль и 91 копейку.

Однако 25 июля 1930 года семья Соловьевых была раскулачена по решению Лебяжьевского РИКа, имущество ее конфисковано, а виновные высланы в Исовской район Свердловской области. Местом поселения был определен лесозащитный Иов, в трех часах ходьбы от старательского поселка Кытлым, где строилась тогда электростанция с паровой турбиной, чтобы подавать электроэнергию на платинодобывающие плавучие снаряды-драги. Дров «метровника» для выработки пара под давлением сжигалось по 150 кубометров в сутки. На лесоповал и приставили 56-летнего Андрея Афанасьевича и его супругу Ефимию, 46 лет от роду. Вместе с родителями были высланы дети: Пелагея (15 лет), Анна (7 лет), Илья (4 года), Василий (19 лет). Старший сын Прокопий в это время служил в Красной Армии. У него взяли подписку, чтобы не вел переписку с семьей.

Как жили раскулаченные переселенцы в Уральской области, красноречиво рассказывает доклад-

ная записка комендантского отдела Уральской области от 8 марта 1931 года (см. «Ур. след.», 2004, № 9, с. 19).

Семья Соловьевых не стала исключением в губительной таежной каторге. Потомственные землепашцы не могли и не умели валить деревья, разделять их. Голодный паек отнимал последние силы. 5 мая 1933 года Андрея Афанасьевича ушибло падающим деревом. Похоронили его на другой день. На похороны отца приходила с соседнего лесозащитного участка дочь Поля и сразу же вернулась к месту приписки и надзора. Комендант строг не по чину, не по совести. А 7 мая умерла и мама — Ефимия Федотовна, просто отрешилась от мира сего по причине крайнего истощения ради спасения жизни детей, да и горе по смерти мужа оказалось неодолимым.

Опять пришла Поля. Маму похоронили, Поля ушла в свои каторжные пределы, а девочка Аннушка с братиком Илюшей сидели на завалинке опустевшей однокомнатной избушки и ревели в два неутешных голоса. Подошли две малознакомые женщины-выселенки и без комендантского разрешения увели де-

А.А. Лоптева.

тей в Кытлым.

Девочку Аню нелегально приютили начальник горного отдела Михаил Гаврилович Шмаков и его супруга Александра, родом из села Павды, что в тридцати километрах от Кытлыма. Десятилетняя Аня стала няней при девочке Руфе. А брат Илюша бродил по Кытлыму, перебивался на милостынях. Его заметил и опекал заведующий клубом Владимир Владимиров, а в 1933 году определил его в детский дом. Аня больше не видела брата. И могилы родителей затерялись как-то очень быстро.

Аню поставили на учет к коменданту поселка «Южный» около Кытлыма, а жить она перешла в семью Верхованцевых, чтобы нянчить с 1936 по 1940 год Славу и Володю (царство им небесное).

В 1941 году началась война, Ане уже 18 лет. Обострился кадровый вопрос. Ее приняли учеником слесаря в механический цех. Но в январе 1942 года появилась острая необходимость готовить кадры трактористов, взамен тех, кто уже убит или еще не убит на фронте. База подготовки — поселок ста-

рателей Косья, это у подножья горы Качканар.

Получив необходимые знания и маломальский опыт мужской профессии, Анна вернулась в Кытлым, где ее усадили на газогенераторный трактор без кабины, и стала она на этом «самоваре» зимой и летом возить дрова из лесосеки к топливному складу электростанции. Ее трактор был весьма прожорлив и потреблял один кубометр мелкой березовой чурочки на шесть часов работы двигателя.

В помощники дали Анне тракториста-новодела Алексея Лоптева. Он тоже из спецпереселенцев, из Кировской области – значит вятский, парень хватский. Поженились. Родился сын. А когда в 1950 году родился второй сын – ушла с трактора. За 10 лет супружеской жизни Анна и Алексей капитально подправили демографическую ситуацию в России: они родили трёх сыновей и двух дочерей.

Дали им однокомнатную квартиру в деревянном четырехквартирном доме, построенном еще французским концессионером Дюпарком в начале XX века. А жильцов-то семеро. В кухне большая русская печь, на ней можно спать, а около нее соорудили полати и спали пятеро баских да крепеньких деток в тепле, в тесноте, да не в обиде. Старшему сыночку было тогда 9 лет. Во дворе держали корову. Кто знает, может, это она спасла и вывела работающую семью в люди. И жить бы так да поживать вот эдак, только в 1957 году Алеша Лоптев, многодетный отец, по нечаянной оплошности попал под трактор своего приятеля и погиб.

И потянула Анна тяжёлую лямку многодетной семьи – едоков много, робить пока некому, а до пенсии, до 50 лет, еще тянуть да тянуть – аж до 1972 года...

Вспомнила Анна недалекое послевоенное прошлое: не побывать ли на малой родине дедов и прадедов, землепашцев милостью Божией? А тогда как раз вернулась из такой поездки по разрешению коменданта Наталья Савельевна Островских-Мочалова. Вернувшись, рассказывала про что-то, но сбилась на главное:

– Нюра! Какая там в деревне у нас капуста сладкая! Прямо ой!

Собралась и Анна, благо была еще не засватаана, а на ногу скорая – подпоясаться да собрать фанерный чемоданчишко, привязать к нему узеньким ремешком легонькое недоношенное пальтишко. С Богом!

Чтобы добраться до Свердловска, надо сперва доехать на газогенераторном грузовике до Старой Ляли (там недалеко, в лесоучастке Парча, обитала семья Твардовских. – Прим. авт.). Потом на узкоколейной «кукушечке» через Исовской прииск добралась до Малой Выи, «пешим дралом» добежала до Большой Выи – этот путь весь запомнился с детства, когда гнали их эшелон на таежную каторжную гибель...

В Свердловске пассажиров тьма, билетов нет и быть не может. Уцепилась на подножке, в паре с одной теткой и парнем. Поезд тронулся с грохотом сцеп-

лений, начал набирать скорость – парень подрезал узенький ремешок, чемодан с пальтушкой, вместе с жуликом: «Тю-тю! Не скучайте, целуйте детей!..»

Постепенно перешла в тамбур, потом в вагон, прокуренный стенолазным самосадом. Приехала на станцию назначения с намотанным на руку ремешком, поминочком от папы. Спросила у извозчика:

– Не довезете ли до села Калашного?

– А ты к кому там?

– К Соловьевым.

– Вот я и есть Соловьев. Прокопий, брат твоего отца Андрея, значит...

– Дядя Проня? Немножко помню.

Пожила, погостила Анна у родни с неделю и уехала – здесь все неродное, не пахнет тут «родинкой». Вернулась на «чужеродину», в Кытлым.

Я уроженец Кыштыма, с 1927 года рождения. В раннем детстве, в годы войны, жил здесь. И теперь бываю в этом удивительно красивом горном крае.

С Анной Андреевны меня случайно, а может быть намеренно св ела нынешним летом моя двоюродная сестра Людмила Федоровна. Ее отец, Федор Порфирьевич Кузнецов, был главным механиком прииска, это под его началом монтировалась паровая турбина.

Мы пришли в ту квартиру, где Анна обитала с семьей, которая «семеро по лавкам», или «пятеро на полатах». Прямо с порога удивила чистота и полный порядок во всем. Живет Анна Андреевна одна, но всегда к ней приходит средний сын. Старшего, 51 года, только что похоронили и еще не отошла от горя. Дочери с семьями живут в Тагиле.

Мы долго говорили, и когда в подробностях вырисовывалось время полувековой давности, я вспомнил, воскресил в умозрительной цепкой памяти образ женщины в гараже грузовых машин (тогда газогенераторных, на которых я ездил). Она была тогда в замасленном комбинезоне, с неотмывающейся «благородной грязью» рук работяги. У нее была почти мужская твердая походка. Одно слово – «рабочая косточка». Но тогдашнего лица я так и не вспомнил, да это и неважно.

Анна Андреевна перевалило за восемьдесят. Но вы посмотрите, как ухожен и красив ее огород!

Постепенно разговор естественным образом переходит из сего дня в далекое-близкое былое, упокоенное, но не забытое той семилетней девочкой «в ссылке по политическим мотивам в административном порядке». Такое нельзя забыть, а можно ли простить – не знаю.

Интересуюсь подробностями, фактами «неотуюженной» истории. На столе появляются бумаги, справки, удостоверения, реабилитационная пустяковина оправдательных копий «документов» с подписями, печатями полуответственных и безответственных лиц. Одну копию мне хочется публично представить читателю. Это опись конфискованного имущества у семьи Соловьева Андрея Афанасьевича. Вот она:

Опись конфискованного имущества

Наименование	Колич.	Сумма	Примечание
Дом крестовой	1	300 р.	Конфискован
Фургон	1	30	-»-
Сани	2	5	-»-
Мука сеегка	37 кг	3 р.	-»-
Ремень от машины	1	2	-»-
Комод	1	1 р.	-»-
Самовяз	1/2	55	Передан в коммуну
Букер	1	30	-»-
Телега	1	5	Конфискована
Дуга	1	1	-»-
Седло	1	50 коп.	-»-
Веревки	3 м	75 коп.	-»-
Мясо свиное	30 кг	8 р.	-»-
Овчины деланные, черные	5	20 р.	-»-
Облигации 3-го займа	-	40 р.	-»-
Часы	1	15 р.	-»-
Тисы кузнечные	1	8 р.	-»-
Швейная машина	1/3	10 р.	-»-
Шубы	4	40 р.	Не изъяты. Оставить
Бороны деревянные	3	5	Переданы в коммуну
Фургон	1	50 р.	В коммуну. В неделимый капитал
Ходик	1	35 р.	-»-
Кормуха	1	30 р.	-»-
Хомуты	2	10	-»-
Сенокосилка	1/2	30	-»-
Грабли конные	1/2	5	-»-
Молотилка	1/2	150 р.	-»-
Всего на сумму		899 р. 25 к.	

В коммуне обобществлено на сумму 410 р.

Отчислено в неделимый капитал коммуны 210 р.

И над итоговой цифрой легального грабежа опять встает вопрос: за что?

Показывая горсть юбилейных «безценных» медалей, не может забыть, казалось бы, ничтожно малой обиды: когда награждали медалью «За победу в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.», ей не дали награды. Не положено. Выселенка. Классово чуждый элемент.

– Спасибо хоть не пожалели чернил и занесли имя в Книгу почета приска за 1941–45 гг. А что бабы в войну работали за двоих мужиков и за того парня, позабыли. Что трое моих внуков нынче отслужили в армии – тоже не в счет?..

На прощание сфотографировал Анну Андреевну – «Анну всея Руси». Она получилась спокойная, чуточку ироничная, незлобивая, приветливая, душевно-прибранная и по настроению какая-то подытоженная, когда человеку не в чем покаяться по большому счету, не упрекнуть себя за небрежение к человеческому и гражданскому долгу: она исполнила все, что предназначено судьбой, все несла, что обрушил на нее злой рок безответственной высокой политики XX века. Она получилась терпеливой, сильной, красивой русской Бабой – матерью семьи многодетской...

ДЕЛА ЗАМОРСКИЕ, ЛУКОМОРСКИЕ

Дорога была посыпана голубоватым песком – так казалось Жаку, когда появлялась луна. В этом школьном тренажёре луна была особенная; большая, плоская, как блин, без единого пятнышка – чистая, словно её недавно отполировали и покрыли толстым слоем лака. Лунные лучики путались в мрачных кронах огромных сосен и достигали густо усыпанной шишками земли рассеянными и совсем неестественными.

Жак с удовольствием ощупывал свою кольчугу, прикрывающий грудь пластинчатый доспех, выпуклое зеркало на нём.

Поиски украденного кота Баяна Жак решил начать от легендарного овитого золотой цепью Дуба – символа Лукоморья, этого особенно любимого школьниками тренажёра по профорientации.

Внезапно на дорогу из леса выбежал незнакомый мальчишка. Остроносый, веснушчатый, с русым чубом, выглядывающим из-под козырька островерхого шлема, точно такого, как и у Жака, только на острие шлема незнакомца сиял маленький красный флажок.

– Айда на тётку Наину! – воскликнул он, радуясь встрече. – Вдвоём веселее. Меня Лёшкой зовут. – Жак нерешительно помялся. – Айда на тётку. Она сегодня злю-у-щая, – восторженно верещал мальчишка. – Мне Бен Ганн сказал.

– Кто сказал?

– Бен Ганн, леший. Сказал, что у неё зубы болят и её необходимо развезать! Не веришь? У тебя что-нибудь когда-нибудь болело?

– Ноги болят и шея покалывает, – признался Жак.

– Это с непривычки. У меня тоже. Вот будет смехота, когда мы тёткиной избушке куриную ножку перепилим. Сразу развезется! – Мальчик заразительно рассмеялся. Он даже показал Жаку, как это будет весело: ударил топориком по большой еловой ветке, сбив несколько шишек.

– А куриная ножка, наверное, живая?

Лешка сразу стал серьёзным и смерил собеседника холодным взглядом.

– И зачем такие только в Лукоморье ходят? – он даже хмыкнул презрительно.

– У нас нельзя пропускать уроки, – буркнул обиженный Жак. – Подумаешь, Лукоморье! Мне, может, космохимия больше нравится.

Юные витязи разошлись. Луна с каждым новым поворотом открывала всё ту же дорогу, словно покрытую бесконечным голубоватым плюшем с нависшими поверх шишками. Иногда в лесу кто-то недоброжелательно щebetал, постанывал, но через мгновение угрюмая тишина, ещё более глубокая, заставляла Жака настораживаться и сжимать рукоятку меча.

Потом появились более странные звуки: по мере того, как мальчик шёл, звуки то усиливались, то удалялись, то исчезали вовсе. С трудом он разобрал отдельные слова старой и довольно нелепой песенки:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца!

Е-хо-хо, и бутылка рома!

Залитая бледной кисеей лунного света поляна, на которой очутился Жак, напоминала срез гигантского термитника. Кучи сырой желтоватой земли окаймля-

ли канавы внушительными хребтами. Совсем близко кто-то шумно и тяжело дышал. Жак поспешно убрал меч в ножны, снял с плеча лук и приладил стрелу.

– Пятнадцать человек, говорю, на сундук. А то и все тридцать. Хо! – крикнул невидимый певец из-под самых ног Жака, и на витязя обрушились комья земли.

– Прекратите! – возмутился Жак, отшатываясь.

Из канавы вначале высунулась лопата – во все стороны полетели комочки грязи, потом показалась заросшая голова и самого землекопа. Одежда у лукоморца была дивная: грязный кафтан с изодранными манжетами, громадные пиратские ботфорты. В растрепанных волосах, густо осыпанных пожухлыми листьями и хвоей, Жак даже увидел застрявшую шишку.

– Ты кто? – Жак нацелился в жёлтые бубарчики глаз незнакомца из лука.

– Бен Ганн, – удивился неосведомлённости пришельца землекоп, – и бутылка рома...Отдышавшись, он перешёл на плаксивые нотки: – Я бедный человек, нищий.

– Леший, – подсказал Жак.

– Временно, – поспешно заверил Бен Ганн. – Я ничего не нарушаю, копаю, песни пою. Все, как в программе. Он вдруг заговорщически подмигнул: – Пойдёшь к тётке Наине ножку избе пилить? Эх, и посадишь ей! Ведь у неё и без того зубы болят.

– Очень разговорчивый почему-то, – вслух подумал Жак. – Наверное, засорился от долгого копания. Пора демонтировать.

– Это Черномор с Горынычем виноваты! – испугался Бен Ганн. – Два пирата – пара. Трепись, говорят, побольше и к тётке Наине посылай, – Леший вдруг закрыл рот грязной ладонью, спохватился, что наговорил лишнего. – Это они у меня шхуну отобрали и выкуп требуют – тысячу пиастров! Нет, три тысячи пиастров. Шутка, что ли? Я уже весь лес перекопал. – Бен Ганн отчаянно застучал громадным кулаком по своему грязному кафтану на груди так, что последняя перламутровая пуговица отлетела прочь. Леший проследил за её полётом и прошептал:

– Здесь они, родимые, на этой поляне заветной. Помог бы лучше, чем стрелами стращать. Сил моих больше нету! А найдём – поделим по совести, тебе третью часть. Я щедрый. – Бен Ганн широко заулыбался, показывая два ряда больших фарфоровых зубов.

– Мне кота Баяна спасать положено, – нахмурился Жак, закидывая лук на плечо.

– Да за пиастры мы двадцать котов Баянов купим, глупец! – рассердился Бен Ганн.

– Двадцать? – удивился Жак.

– Конечно. Это ведь просто: выкопать и выкупить.

– И сразу двадцать котов баянов? – переспросил недоверчиво Жак. – Разве так бывает?

– А как же еще? – прошептал зло Бен Ганн и вдруг выскочил из траншеи. В руках у него оказалось копье.

– Бывает, не бывает. Бери теперь и копай! Тоже мне мыслитель-фольклорист. Илья Муромец!

Острые копыя приблизились вплотную к пластинчатому доспеху витязя. «Неформальный робот» – решил мальчик и, схватив лопату, прыгнул в траншею. Пришлось копать.

Положение казалось безвыходным, и Жак едва не разревелся от досады: «Что это ещё за сокровище такое – пиастры?» – размышлял он, косясь на Бена Ганна. Глаза лешего горели непонятным огнём, и это было неприятно; хотелось насолить пирату в грязных ботфортах. Пусть не ищет свои дурацкие пиастры.

И Жак насолил.

– Нашёл! – крикнул он что есть мочи. Бен Ганн выронил копье, упал на колени и принялся рыть своими лапищами землю. Впрочем, опомнился он быстро. Некоторое время леший осоловело глядел на копье, теперь уже направленное на него, потом весь как-то сник, даже завсхлипывал от жалости к себе.

– А шхуна? – он словно забыл о Жаке. – Быть лешим – разве это дело для старого морского волка? Для настоящего моряка Бена?

Жак смутился.

– Я бы помог, – нерешительно произнёс он. – Если бы по-честному. Но ведь... у тебя даже лопата всего одна.

– Найдём другую.

– Я, правда, очень опешу.

– Конечно, – Бен Ганн с интересом поглядел на мальчика. – Можно копать сразу в двух канавах.

||

«Какой же противный всё-таки этот Бен Ганн. И деньги всучил целый мешок. Тащи теперь».

Жак сдвинул на живот истертую кожаную сумку, битком набитую пиастрами, и похлопал по ней рукой.

«Он сказал, что я теперь богатый рыцарь и могу купить хоть всё Лукоморье».

Сооружение из стальных набедренников, наколенников и поножей вскоре начало сильно стеснять ноги при ходьбе, да к тому же в доспехи набилась глина. Надоедливым оказался и лук: он равномерно, с каждым шагом, постукивал в плече, и это постукивание, казалось, далеко слышно. Идти становилось всё труднее. Только латные сапоги вызывали восхищение: они были подогнаны точно по ноге, ступали бесшумно, словно лапы ягуара, и наивные шишки, подставлявшие под них свои выпуклые бока, жалобно трещали трепетными языками.

Стало заметно светлее. Лес вдруг кончился, и в глаза ударил яркий свет. Утро! Далеко над горизонтом Лукоморья – маленькое искусственное солнце. На берегу изумрудного моря вокруг трёхугольного змея бегало несколько мальчишек; они размахивали мечами и усердно стреляли по головам Горыныча из луков и арбалетов. Горыныч нехотя отплевывался огнём и белой пеной, подозрительно похожей на шампунь. Недалеко от змея рос Дуб, вокруг морщинистого ствола которого золотой лианой вилась большая цепь. Кота на цепи не было.

Жака нагнал Лешка. Воинственный витязь, едва увидел баталию, разинул щербатый рот, тряхнул колечками волос, выбившихся из-под козырька шлема, и ринулся в атаку.

– Ну как избушка? – крикнул ему на бегу Жак.

– Заплутал я, – отмахнулся Лёшка, – только время потерял.

Жак подбежал к самому Дубу и сразу решил скинуть сумку с пиастрами: надоела основательно. Но только он взялся за истершуюся о на уши шлема тесёмку, Горыныч начал быстро пятиться к Дубу. Прямо на мальчика надвигался огромный холм с большим гребнем посередине, а перед холмом, свиваясь кольцами, устало шлёпая по сочной траве и белым россыпям ромашек, полз к ногам Жака хвост, покрытый чешуей. Юный витязь увернулся от этого хвоста, воткнул в Дуб копьё, встал на него, дотянулся до нижнего сука и быстро вскарабкался на дерево.

– Струсил? – засмеялась Русалка, загоравшая на одной из веток Дуба.

– Я? Струсил?! – возмущённый Жак выхватил из ножен меч. Но Русалка ловко выбила хвостом оружие из его рук и засмеялась пуще прежнего.

– Тогда седлай Горыныча, раз не струсил, – Русалка так и покатывалась со смеху. – Он все равно в Кощеево болото летит, кота своего любимого сторожить, сказки слушать про Черномора.

Зеленоватая спина змея была уже так близко, что будь под рукой копьё, можно было бы спокойно дотронуться острием до чудища. Жак набрал полные лёгкие воздуха и прыгнул. Только благодаря луку, который зацепился за гребень Горыныча, он не съехал вниз. От туши Змея дохнуло тяжким тинным запахом.

– Хей! Откуда ты свалился? – послышался из гущи атакующих Лешкин голос. – Хрястни его по затылку, там у них блок подзарядки. Держи! – и небольшой топорик взлетел к Жаку.

Левая голова что-то заподозрила, начала косить огромным зрачком, а потом повернулась и сама. Ничего не оставалось, как начать отчаянный бой. Жак размахнулся топориком и что было силы стукнул голлову прямо по приплюснутому теменчу – там стрелки гребня, уменьшаясь, совсем исчезали. Голова от неожиданности пригнулась к самой земле, и Лешка набросился на неё с мечом. Одним ударом он переломил змею шею, и голова выпустила с последним скрежещущим выдохом струю снежно-белой пены. Нападающие приветствовали этот удар дружным воплем. Змей дрогнул и нерешительно взмахнул крыльями.

Перебитая голова волочилась за берущим разгон Горынычем.

III

Когда первая сильная волна встречного ветра, словно опрокинутая из обширной небесной пиалы, хлестнула Жаку в лицо и сапожки заскользили по пластинам мокрой чешуи Змея, юный витязь не на шутку испугался. Он хотел даже окликнуть Горыныча, но тот внезапно заговорил сам.

– Ну и молодёжь пошла, – услышал Жак голос правой головы Горыныча, – как дал – и готово!

– Теперь монгёров вызовут, – сокрушённо вздохнула средняя. – Как пить дать – демонтируют.

Левая голова продолжала безжизненно болтать сверху. Жак затаил дыхание.

– И Черномор ещё... опять воду в бассейне не сменил. Болото, говорит, грязным должно быть, – хмуро продолжала правая голова.

– Разберут на запчасти и спрашивать не станут, – добавила вновь средняя. – Хоть бы выкупил кто-нибудь нас, – умилившись собственным мечтам, голова плавно покачалась на ветру, при этом почти сделала мёртвую петлю. И увидела Жака. – Глянь-ка! Назидник выискался. Джигит, понимаешь...

– Н-да, – правая покосилась на пассажира. – Тебе чего, мальчик?

– Я к Черномору, – ответил Жак. – По делу.

– Круто! – сказал Горыныч обеими здоровыми головами.

– Куда мы летим?

– Это мы летим, а ты катаешься, – заметил Горыныч и охотно объяснил: – К Пушистику летим. Вы его называете котом Баяном, не зная не ведая, что баян – это музыкальный инструмент типа гармошки. Он меня, кстати, Горышей кличет. Черномор приказал его выкрасть, чтобы заманить витязей в Кощеево болото лягушек ловить. Пушистик мне сказки рассказывает и по Дубу скучает. Так расскучался, что послал меня за ним к морю-акияну. Да тут взялся один на мою левую голову.

– Сказки любишь? – Жак решил сменить тему.

– Очень, – признался Горыша смущённо. – Осо-

бенно про Руслана. Там Черномору бороду отрезают. Забавная сказка... Вот оно, Кощеево болото.

Горыша плюхнулся в вязкую жидкость рядом с небольшим островком. Из пещеры вместо ожидаемого Жаком коты вышел сам Черномор, длиннобродый, с морщинистыми мешочками под глазами. Похожая на ватную борода скрывалась в пещере. Из-за маленького роста волшебник не показался Жаку грозным и коварным страшилищем, но мальчик всё-таки не спешил прыгивать со спины Горыныча.

– Выкупать кота будешь? – спросил насмешливо Черномор писклявым голоском. – А денежки у тебя имеются? – он остановил пристальный взгляд на сумке с пиастрами. – Сумочка-то Лешего. Значит, опять пиастры. Ну, да ладно, кидай сюда.

– Только к коту придётся добавить Горышу, – поспешно сказал Жак и бросил сумку Черномору. – Обоих выкупаю.

Черномор высоко поднял брови от удивления.

И тут в воздухе пронеслась ступа, похожая на греческую амфору. В ступе сидела тётка Наина, в одной руке она держала длинную метлу, в другой – клетку с котом.

– Пушистика украли! – заревел Горыныч, а Черномор так и присел от хохота. В своём большом колпаке он стал похож на мухомора.

– Витязя в темницу, – приказал сквозь смех волшебник. – В темницу этого делягу-молодца!

– Щас, – рявкнул Горыша, – разбежался! Воду в бассейне надо чаще менять.

– Что-о?! – Черномор даже осип от негодования. – Бунтовать? Ах ты, подколотная рептилия! Ты должен быть злым и коварным, это твоя программа.

– Я ведь предупреждал тебя – не обзывайся рептилией. У меня имя есть, – две действующих головы Горыши с многозначительным шипением приблизились к Черномору.

– За Наиной! В погоню! – заторопился Жак. – И положи мне левую голову на колени, а то она захлебнётся в болоте.

– В погоню, – обрадовался Горыша. – Прощай, борода! Нет на тебя Руслана.

– Доиграешься! – Черномор схватился за свою бороду, но она зацепилась где-то в пещере. – Измена! Стой, Горынушка, не уйдёшь! Остановись, мятежник! Динозавр недоделанный!

Разбрасывая снопы грязи, Горыша тяжело поднялся над Кощеевым болотом.

– «А он, мятежный, просит бурю, – угрюмо продекламировала одна голова, – как будто в буре есть покой...»

Жак видел, что Черномор поднял бороду над головой и потряс. И едва он это сделал, вспыхнул яркий свет. У Жака закружилась голова. Тело его стало совсем невесомым.

– Колдует, – пояснил Горыша, барахтаясь в воздухе. – Тяжесть отключил.

Несколько минут витязь вертелся вокруг Горыши, затем застыл, медленно поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Они были метрах в ста

над лесом. Жак увидел дороги, лес, одинокий Дуб на берегу моря. Но сколько ни вглядывался в плавающие по воздуху предметы, других витязей не было. «Значит, не все проходят испытание невесомостью», – решил Жак и увидел внизу поляну и избушку на курьей ножке. Вокруг избушки кувыркались мечи, сломанные и целые стрелы, копыя, щиты разных форм и окрасок...

Тяжесть вернулась также внезапно. Жак успел разглядеть луну, потухшую, совсем не загадочную, некрасивую – просто тарелка в спокойном кухонном освещении. А вот там, где кончалось море, за лазурной гранью, густели, клубились облака; багровые смерчи рвались протуберанцами со всех сторон. И где-то ещё дальше, в просветах между смерчами, вспыхивали звёзды.

Что-то упругое смягчило падение. Жак попрыгал на невидимой подушке, скользнул с неё на землю и подбежал к Горыше, растянувшемуся среди шершавых, пахнущих смолой стволов сосен. Одна голова Горыши с трудом приподнялась.

– Выручай Пушистика один, – он вздохнул. – Мне теперь поможет только волшебный эликсир тётки Наины.

– Тогда я дотащу тебя до Наины и... скажу, что ты – мой пленник, – решил Жак. – И обменяю тебя на Пушистика! Здесь рядом дорога, – крикнул он уже на бегу. – Я сейчас.

Он выскочил на дорогу и помчался в сторону избушки, которую видел во время полёта. Нелегко далась ему эта пробежка. На развилку он уже вышел,

едва волоча ноги. Здесь стояла телега, груженная мешками, а вокруг телеги суетился Бен Ганн.

– То, что мне и надо! – закричал радостно Жак, бросаясь к телеге.

– Не отдам! – взвизгнул перепуганный Леший. – Это нечестно, ты получил свою долю. Это бандитизм, пиратство! Форменный грабёж – с применением холодного оружия.

Жак с трудом его успокоил.

– Телегу тоже не дам, – отрезал Бен Ганн. – Это вероломство с твоей стороны.

Витязь принялся объяснять, что он хочет помочь раненому Горыше.

– На свои пиастры ты можешь купить двадцать здоровых Горыш.

– А ты себе – двадцать новых телег, – разозлился Жак. – Да ещё с лошадьми в придачу. Я сейчас разрубу твои мешки топором и разнесу клочки по заουлочкам!

Леший после этих слов как-то весь сосредоточился, взглянул верноподанно в лицо Жака и резво принялся снимать мешки с телеги.

– Пожалуйста, – бубнил он, с опаской поглядывая на юного витязя, – впрягайся себе на здоровье. Куда ты с ней только попрёшься?

– К ведьме Наине.

– С телегой? – Леший прищурился. – Грабить будешь? Чего уж там: дела заморские, лукоморские. А моё дело – сторона. Эй! – заорал он вдруг, когда Жак взялся за оглобли и потащил телегу. – А где здесь продаются телеги? – Но Жак только рукой махнул.

IV

С огромным трудом Горыша взобрался на телегу. Жаку показалось, что деревянные колёса под тяжестью Змея погрузились в землю, а затрещавшие доски начали отваливаться. Горыша принялся помогать витязю тащить телегу – лапами и хвостом, отталкиваясь ими от деревьев.

Пот ручьём катился со лба мальчика, шлем сполз к переносице и натирал кожу. Хотелось бросить оглобли и лечь на траву, отдышаться, глядя на спокойные облака, потом брести, брести куда глаза глядят и ни о чём не думать. Движением головы он скинул шлем и ногой отбросил его прочь с дороги.

Внезапно дорога пошла на уклон.

– Ведьмина горка, – сказал Горыша, – здесь недалеко.

Тётка Наина на обмен согласилась сразу: она, видимо, была уверена, что ни Жак, ни кот никуда не денутся. Она приветливо улыбалась и поглядывала на сухое дерево, стоящее рядом с избушкой. На дереве висели две клетки: в одной сидел толстый кот Баян – он же Пушистик, в другой – мальчишка с красным флажком на шлеме – Лёшка.

– Видишь, пришёл ножку моей избе пилить, проказник, – захихикала тётка Наина, прикрывая щербатый рот длинными чёрными прядями волос. – Тоже мне, железный дровосек выискался.

Пленник с независимым видом глядел в лес. Под клеткой из земли острием вверх торчал меч.

– Начнёте Горышу лечить при мне – отрублю голову, – предупредил для пущей правдивости Жак.

– Он может, – поддакнул Горыша.

Тётка Наина ткнула ручкой метлы в прикреплённую под клеткой пружину, и та, жалобно звякнув, выбила дно. Сообразительный кот в два прыжка оказался на спине Горыши. Пока тётка Наина ходила за снадобьем в избушку, Жак освободил и Лешку. Ему удалось из лука попасть стрелой в пружину второй клетки. Пленник повис, держась за прутья.

– Спасибо! – Лешка раскачался вместе с клеткой и прыгнул прямо в ступу. Он был спортивный мальчик. – Скорей сюда. Я слышал заветное слово.

Они взвились над лесом в то мгновение, когда выбежавшая из избушки колдунья принялась поливать Горышу волшебным эликсиром.

– Догонят – примем воздушный бой, – сказал Лешка.

Горыша с Пушистиком на спине быстро нагнали беглецов.

– Летите к двери, – промурлыкал Пушистик, когда Змей поравнялся со ступой. – Занятие кончилось. Перемена. – Горыша начал быстро удаляться, но Жак ещё услышал несколько слов: – Сейчас – к двери, а там, глядишь, и дальше... К звездам...

Или последнее слово ему только послышалось?

Ступа бесшумно мчалась к близкому – в серебристом тумане – горизонту. Дымка окутала всё внизу и, густея, скрыла извилистые голубоватые дороги, одинокий Дуб у пенного прибоя.

– Как думаешь, – спросил тихо Лёшка, – что за профессию нам определяет?

– Ну, монтёром в Лукоморье тебя не возьмут, – Жак засмеялся, вспомнив, как его собеседник рубил мечом Змея.

– Подумаешь, Лукоморье, – насупился Лёшка. – Мне, может, космохимия больше нравится.

Казёнка

Город мой – Полевской – зародился в эпоху правления царя Петра, возле речки Полевой, которая впадает в Чусовую. С Волги, Камы, Вятки тянулся на эти привольные башкирские земли свободолюбивый русский народ, не желавший жить в узде. Старые полевчане в беседах рассказывали о глубокой старине, которая казалась сказкой. Об этом при желании можно написать не одну увлекательнейшую книгу.

В годы пионерской юности ходили мы школами, классами, целыми пионерскими дружинами убирать урожай на совхозные поля. Школы южной, старой части города ходили на поле, что раскинулось за полевским прудом. Его часто называют Верхним. В те годы пруд был метра на три ниже нынешнего уровня, поэтому ходили мы по мягкому, ровному берегу, а не по расколдoblенной грязной дороге. В подоле высокой Никольской горы, по Казёнке-горушке, дорога уходит на озеро Иткуль и далее в Уфалей и Челябинск. Отворотка вправо, под гору, приводит к речонке-ручейку с красивым, загадочным названием Казёнка (ныне – Зеленая речка). Через речку Казёнку был построен когда-то мост. Сваи подгнили, и он, накренившийся, вызывал боязнь. Я почему-то думал, что из-за него это место так и звали: собирали деньги, чтобы можно было пройти на другой берег.

Давно прошли детские годы, и мне захотелось узнать, почему эта речонка звалась Казёнкой. Первые пояснения мы получили еще возле пионерских костров, когда пекли картошку возле Екатеринбургских ручьев, что сбегает с Никольской. Наши умницы-пионервожатые, как умели, рассказывали о добыче золота на Казёнке, о первых шахтах, откуда добывалась медная руда, и, конечно же, о кордоне, в котором жила злая цыганка, предсказывавшая всем желающим судьбу...

А за то, что поведаю далее, хочу отблагодарить наших старожиллов, ныне уже покойных: А.И.Медведева, К.И.Моршина, И.А.Головина, Д.Г.Медведева, Н.А.Михайлова, А.Е.Медведеву, А.А.Ручеву и многих других.

На противоположной стороне Никольской горы был в стародавние времена Екатеринбургский железный рудник, а на нашей стороне текут три одноименных ручейка – Первая, Вторая и Третья Екатеринбургские, которые впадают в Казёнку. На берегу этой речонки в гражданскую войну был расстрелян Матвей Семёнович Бобошин. Старые полевчане

высказывали пожелание, чтобы «власть хоть камешек положила на том месте». Да видно, совсем народ обеспамятел: в дом по улице Свободы, где жил Бобошин с семьей ртами, приходили «добры молодцы» и требовали снять мемориальную доску. Уничтожены у нас все памятники В.И.Ленину. Кто-то исхлестал цепью от бензопилы мраморный постамент на Думой горе, где захоронены полевчане, погибшие от рук белогвардейцев. Невидимая, неслышимая, но осязаемая «гражданская война» продолжается.

На средней Екатеринбургинке, возле впадения ее в Казёнку, выбивается из земли ключ, который в народе зовут Вяткинским. Алексей Степанович Вяткин был сыном купца Ивана Степановича Вяткина. Сын продолжил отцово дело и значился уже купцом второй гильдии. Человеком он был умным и дальновидным. Это он оборудовал, обиходил родничок. Сверху сруба положена была чугунная доска с исторической надписью: «Устроен в 1883 году Алексеем Степановичем Вяткиным. Просьба к потомкам сохранять сей родник и заботиться чисткой».

Стариков моих, ежели что и напутали, прошу простить, но забывать рассказанное – тоже грех. Работал в заводе однофамилец купца. Талантливый был человек, какое-то время даже пребывал управляющим. Детей у него не было, потому, зная, свое личное время отдавал истории завода и возникновению поселения при речках Полевых. Нашлись и добровольные помощники. Модельщик Базанов вырезал в свободное время выпуклые формы. Калугин формы набивал песком, но литье получилось простое. Об их затее узнал Алексей Степанович и предложил свою услугу: оплатить все работы за изготовление чугунной плиты. То есть ныне ей исполнится сто двадцать лет.

Один из старичков в беседе-воспоминании сказал, что родничок выбился из шурфа золотоискателей: стояла здесь одна из старинных гумешевских шахт. Водяную жилу перерезали, и она пробилась себе другой путь.

Купец Вяткин сдержал свое слово. Формы он отвез по первым морозам на Каслинский завод, и через неделю отливки из более мягкого чугуна были готовы. Отлили еще пять плит – с напоминанием о том, что «Полевской медеплавильный завод основан в 1702 году думным дьяком Винусом А.А.».

Вяткины принимали участие и в строительстве Глубочинского пруда с его хитроумным подземным

гидросооружением. После этого речки Каменка и Глубокая по подземному тоннелю длиной в версту понесли свои воды в полевской Верхний пруд.

В те далекие-предалекие времена, когда еще не было плотины на речке Полевой, там проходила древняя конская дорога-тропа по долгому каменному перекату. Название – Каменная грива – позабылось. На совхозных полях находились пашни, и хозяева называли это место Медвежьей степью. Расспрашивая о старине, я еще подростком услышал байку о том, что это место называлось первоначально Татарским станом. Через башкирские земли проходил древний караванный путь из Сибири в Бухару, и башкиры были обязаны сопровождать и охранять гостей. Видимо здесь, у речки Казёнки, останавливались татарские торговцы, воины, имамы...

Еще в 1637 году в Москве был организован Сибирский приказ, ведавший делами сперва Сибири, а затем и Урала. Борьба за укрепление Российского государства требовала много металла, а его не хватало. В ход пошли даже церковные колокола. Петр Первый именным указом разрешил всем охочим людям искать рудные места и сообщать о них казенным людям.

В апреле 1702 года плавильщик руды Арамилской слободы Сергей Бабин и татарин, а вероятнее всего, башкирец Козьма Сулей доложили о том, что они открыли «в верховьях реки Чюсвы, промеж речками Полевыми», месторождение медной руды. Думный дьяк А.А.Виниус выехал на богатый про-

мысел, осмотрел и взял его в заведование казны, то есть под государеву руку. В июле рудознатцы доложили о другом месторождении медной руды – в горе подле речки Полевой. Андрей Андреевич наградил радетельных людей премией: «по 6 рублей 66 золотников каждому». Так появилось промышленное производство – добыча медных руд возле речки Полевой. В 1734 году завод дал 173 пуда черной, неочищенной меди.

Продукцию уральские заводы сплавляли по рекам. На плотбищах, зимами, рубились барки и коломенки, которые загружали металлом. Несмотря на то, что горная река Чусовая веснами была многоводна, время, пригодное для сплава, было ограниченным. Для того, чтобы поднять лед с реки, приходил особый приказ открыть плотину полевского Казённого пруда, и на этой страшной волне спущенной воды лед взламывался. Грузные коломенки и барки неслись вниз по Чусовой, Каме, Волге. От года до полутора лет добирался наш металл до Москвы и Санкт-Петербурга.

О том, что первые места разработки медной руды, называемые Гумёшками, находились у речки Казёнки, на горе Караульной, и по правому берегу Полевой, полевчане совершенно позабыли.

Правильно было бы и на современных картах писать не «Зеленая речка», а «речка Казёнка».

Она этого заслужила.

Полевской. Фото Е. Тамплона.

Добрые «Бураны»

Были мы в августе на Западном Алтае в районе Больших Убинских порогов на речке Уба. Поднимались вверх по ее правому притоку – реке Белопорожной. И тут с воем и свистом на нас стали сыпаться обломки ракетной ступени. Первой или второй – не знаю, но падают куски большие и совсем недалеко... (Ракеты запускали с полигона в Семипалатинске, ступени падали в этом безжизненном, с точки зрения военных, районе. В ближайшем поселке, Карагужихе, даже заборы были из ракетного титана).

Так вот, Глеб Воложанин присел под листья огромного лопуха. Спросили мы его: «Что, думаешь, поможет?»

– Нет, конечно, но психологически приятнее!

*Рассказала мастер спорта по туризму
Бахтина Ирина Леонидовна*

Как-то повел Каюров детей из детского клуба в однодневный лыжный поход. Шли, шли, а лыжня впереди возьми да и пропади. Ему бы вернуться, ведь он только в горах мог ориентироваться, да и то если видимость хорошая. Но Каюрову неудобно отступить – позади дети (что они про него потом скажут!)

Приходится торить вперед. Снег хоть и рыхлый, но глубокий. А тут еще дорогу постоянно пересекают следы от мотосаней. Идет Каюров, ругает то крепление на правой ноге (слетает), то водителем «Буранов», что катаются не туда, куда надо. Так незаметно для себя, и заблудился, и детей за собой увел – ну прямо Сусанин! И тут еще как-то быстро и неожиданно стемнело. Ну совсем плохо. У детей, наверное, уже родители волнуются. Что делать? А назад уж больно далеко – шли целый день... И тут, словно ангелы с небес выезжают на полянку, где остановилась группа, два охотника на двух «Буранах», да еще и с санями. Они охотились на волчью стаю, которая нападала на местный скот. Без слов все поняли... Увязали лыжи, усадили детей и за двадцать минут доставили до станции Исеть. От денег, которые предлагал Каюров за спасение, категорически отказались. Сидит Каюров на станционной лавке и уже не ругает «Бураны», а хвалит. А для детей это было еще одно великолепное приключение (катание с включенными фарами по ночному лесу – вот в школе умрут от зависти). И кстати, ночью мороз вдарил под тридцать.

Рассказал сам Степан Каюров

23 ФЕВРАЛЯ -

ДЕНЬ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА.

**Защищать Родину,
служить в Армии -
это всегда было делом чести
российского гражданина.**

ЧИТАЙТЕ В МАРТЕ:

РЕКА ВРЕМЕНИ

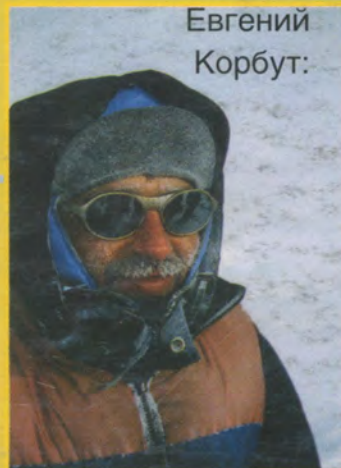

О том, как
матушка Александра
Нью-Йорк
на Ишим променяла.

Новая гипотеза о народе-пришельце,
представляющем протоцивилизации
Атлантиды, Эдема, Гипербореи - в очерке
«Каспиотида».

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Евгений
Корбут:

«...что значит
первопрохождение?
Трудности с самого
начала. Дров нет.
Поэтому весь маршрут
человек отапливается
только теплом своего
тела...»

Зимним солнечным днем команда «Уральского следопыта»
участвовала в захвате вражеских территорий. Жертв нет,
пострадавшим оказана первая медицинская помощь.

АЗЛИТА

Русинов С. Б. «Обреченные» - Остросюжетный рассказ. Произведение написано в очень популярном на сегодняшний день жанре рассказа-боевика. Поражает до глубины души то, как написан этот рассказ. Его автор – ветеран Чеченской войны, инвалид, который набирает текст ногами! При этом автор не занимается «самоедством», не впадает в абсолютный пессимизм, а стремится жить и действовать. «Обреченные» - рассказ в движении, оно есть даже в названии, его смысл становится понятен лишь в финале.

Хочешь двигаться – ищи попутчика!